

**80-летию Победы
в Великой Отечественной войне
посвящается!**

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*
А. С. Пушкин

Историко-литературный альманах

ОТЧИЗНЕ ПОСВЯТИМ

*Пока свободно горим,
Пока сердца для гести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*
А. С. Пушкин

Историко-литературный альманах ОТЧИЗНЕ ПОСВЯТИМ

№ 1 (7) 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Игорь НИКОЛЬСКИЙ. Эмпирик. Стихи.....	3
Владимир МИЛОВ. Ненастье. Повесть.....	7
Юрий КИРИЛЕНКО. Константин Рассказ.....	45
Юрий ВОРОТНИН. «Ты прости меня, кот...» Стихи.....	50
Петр АССЕСЕРОВ. Старая сказка (продолжение) Повесть.....	54
Игорь РОДИНКОВ. Как я помогал мошенникам мошенников разоблачать (быль из нашей жизни).....	73
Ирина БОБЫРЕНКО. «Вот такая дребедень...» Беседа.....	75
Дина ШЕСТАКОВА. Принцесса на горошине. Пьеса для детей.....	79
Сергей ТИМОФЕЕВ. «Листая старые страницы» Очерки.....	83

Главный редактор **А. Н. ФИЛИППОВ**
Отв. секретарь **С. Б. ТИМОФЕЕВ**
Корректор **С. А. ЛИФАНОВА**

Редакционный совет:

О. Дорофеев, Ю. Кириленко, М. Остроухов,
С. Тимофеев, А. Филиппов (председатель),
К. Шестаков.

Издатель — член Общественной палаты
Тульской области **С. Б. ТИМОФЕЕВ.**

Приложение к Литературно-публицистической
газете «**ТУЛЬСКАЯ МОЛВА**» (зарегистрирована
Федеральной службой по надзору в сфере свя-
зи, информационных технологий и массовых
коммуникаций; регистрационный номер: серия
ПИ № ФС77-87637 от 28.06.2024).

Адрес редакции: 300041, Тульская обл., г. Тула,
просп. Ленина, д. 21, офис 18, 18а.

Телефон: +7 (977) 066-65-88

Эл. почта: tuls kayamolva@yandex.ru

Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «БЕЛГОРОДСКАЯ ТИПОГРА-
ФИЯ». 308009, Белгородская область, г. о. город
Белгород, г. Белгород, ул Михайловское шоссе, 27а.
Заказ № 25-01089.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Перед вами уже седьмой выпуск нашего
альманаха «Отчизне посвятим...»

В новом выпуске — стихотворения Игоря
Никольского и Юрия Воротнина, по-
весть Владимира Милова «Ненастье»,
лирический рассказ Юрия Кириленко
«Константин», продолжение повести
Петра Ассесерова «Старая сказка», рас-
сказ-реплика Игоря Родинкова «Как
я помогал мошенникам мошенников
разоблачать», беседа Ирины Бобырен-
ко с художником Сергеем Скачковым,
пьеса для детей Дины Шестаковой
«Принцесса на горошине», а также
исследования Сергея Тимофеева «Ли-
стая старые страницы...» о выборах
в Тульскую городскую думу в роковом
1917 году.

Мы рады, что наш альманах развивается,
приходят новые авторы, появляются
новые темы. Мы готовы и дальше пре-
доставлять свои страницы талантлив-
вым поэтам, прозаикам, публицистам,
историкам, литературоведам и крити-
кам, разделяющим наши взгляды на
роль литературы в культурной жизни
города.

Круг авторов растет, очень надеемся, что
одновременно растет и количество чи-
тателей этого издания.

**Как и прежде, основной тираж бу-
дет безвозмездно передан в биб-
лиотеки Тулы и области.**

Редсовет

На обложке: Собор Преображения Господня
и здание Музея Спасо-Преображенского Белёв-
ского мужского монастыря Русской православной
церкви (Тульская обл., г. Белёв). В 2025 году на-
чинается масштабная комплексная реставрация
монастыря.

Фото сделано 15 февраля, в первый снежный
день аномально тёплой зимы 2024–2025 гг.

Автор С. Б. ТИМОФЕЕВ.

Игорь НИКОЛЬСКИЙ. По роду занятий — предприниматель в сфере деревообработки. Образование средне-специальное лесотехническое. Автор поэтического сборника «Не поэт». Участник ЛИТО «Отблески». Живет в Туле.

Владимир МИЛОВ. Поэт, прозаик, автор поэтического сборника «Заветная тетрадь». Печатался в журналах «Дальний Восток», «Иван-озеро», «Приокские зори» и других. В настоящее время пенсионер МВД. Ветеран боевых действий (Чечня, 2000 г.). Проживает в Туле.

Юрий ВОРОТНИН. Родился в пос. Пирово Тульской области. Живёт и работает в г. Дедовск Московской обл. Автор нескольких книг стихотворений. Стихи публиковались в журналах «Москва», «Наш современник», «Молодая Гвардия», «Сибирские огни», «Алтай», «Дальний Восток»,

Юрий КИРИЛЕНКО. Журналист, редактор, член Союза журналистов РФ с 1979 г. Член Международного литературного фонда с 2008 г. Книги: «Этажом выше — небо» (повести и рассказы. — Тула, Приокское книжное изд-во, 1986), «Алмазная грань» (художественно-документальная повесть о тульских оружейниках. — М., «Молодая гвардия», 1988), «Палимпсесты» (белые стихи. — Тула, ТППО, 1993), «Попытка жить» (стихи и палимпсесты. — М., 2001), «Немного дыма и немного пепла» (повести и рассказы. — Тула, 2012), «Тайна пещеры Улая» (повесть. — Тула, 2014 г.) Награжден премией журнала «Мы» за повесть «Создатель» 1990 г. Произведения публиковались в Украине, Узбекистане, Туркмении, Германии и США.

Петр АССЕСЕРОВ. Потомственный комбайнстроитель, награжден значком «Мастер-умелец», что подтверждается соответствующим удостоверением. Лауреат первого Международного фестиваля русской

поэзии. Автор поэтических сборников: «Колдовской цветок», «Над последней тропинкой к Богу», «Колодец», «Букет мелодий», «За верстой верста», «Печаль-трава», «О чем молчат колокола» и др.

Игорь РОДИНКОВ. Историк и краевед. По профессии учитель истории. Печатался в ряде краеведческих сборников, в частности во 2-м и 3-м издании «Тульских усадеб». Научно-популярные произведения на историческую тематику: «Держава Рюриковичей», «Уроки Смутного времени», «Россия–Украина: страницы совместной истории» и др. Художественная проза: «Непедагогические рассказы», «Последняя битва Корнилова». За последнее издание «Тульский край — земля православная» (календарь на 2021 год) получил диплом «Выбор читателя».

Ирина БОБЫРЕНКО. Журналист. Работала в газете «Коммунар», в Тульской государственной теле-радиокомпании.

Дина ШЕСТАКОВА. Актриса, педагог по актерскому мастерству, режиссер семейного театра «Алые паруса» Тульского молодежного центра «Спектр». Окончила Тульский колледж искусств, Орловскую академию искусств. Публиковалась в тульской газете «Молодой коммунар» и дубенской «Наследие». За большой личный вклад в эстетическое воспитание подрастающего поколения отмечена грамотами и благодарностями управления культуры г. Тулы. Живет в Туле.

Сергей ТИМОФЕЕВ. Общественный деятель, член Союза журналистов России. Главный редактор и издатель литературно-публицистической газеты «Тульская молва». Член Общественной палаты Тульской области. Образование высшее, архитектор. Публиковаться в печатных СМИ начал в возрасте 17 лет. С 2015 года — корреспондент газеты «Молодой коммунар», автор цикла статей по истории Тулы и Тульской губернии начала XX века.

Игорь НИКОЛЬСКИЙ

Эмпирик

* * *

Я собою самим омерзительно ранен.

И. Сукачёв

Познать себя не мыслью, но строкой.
С холста судьбы недрогнувшей рукой
Стерев эскиз мечты — незавершённый.
Приняв цикуту губительной вины,
Мы в памяти своей погребены,
Как тот поэт — давно умалишённый.

Что наше бытие? Игра теней,
Ненужных встреч, избитых фраз, людей,
Которым нет до нас ни времени, ни дела.
И топчешься на месте — глух и слеп,
Свой божий дар сменяя на кров и хлеб,
И каешься лукаво и несмело.

Родина. Автохтонное¹

Верши судьбу мою пространную.
Твоею властью я пленён.
Шепчу молитву покаянную.
Но кто я в сумерках времён?

История не милосердствует.
Одна шестая часть Земли
С мирами горными соседствует...
Прислушайся. И «аз внемли»:
Не музыке победы бравурной,
Не славословию речей,
А тихому дыханью плавному
Лесной чащобы, где ручей
Водой живою пробивается
На дне оврага в летний зной...
Империю, мой друг, кончаются
И оседают в перегонной.
Чтоб прорасти опять деревьями,
Колосьями сквозь чернозём,
Тем мифом, что сложили древние,
И нашей памятью о нём.

¹Автохтонный (*др.греч.*) — местный, коренной по происхождению.

Тшета

Во всей нелепости порой
Людского бытия,
Вдруг понял я, что — не герой.
И что герой — не я.
И, закалившись на ветру
Житейских перемен,
Я осознал, что да — умру.
И что придёт взамен
Меня мой возмужавший сын,
Свою судьбу верша.
А все «стратегии, как жить»
Не стоят ни гроша.

Полдневный сон
на берегу Дона

Тем временем душа не говорит,
А плавится под солнцем в зное полдня.
И ястреб над равниною кружит.
Во сне ты видишь: падает гоплит²
На этом вот кургане. Да, сегодня —
Мы все умрём. Тяжёлая стрела вошла
Чуть выше сломанной ключицы...
Напрасно ты меня звала, ждала.
Теперь же вой, как скифская волчица.

Танаис³ катит воды чрез века,
И сквозь мою неясную планиду.
А я лежу, смотрю на облака,
И строю свою жизнь по Пармениду⁴.

Мизерикордия⁵

Что тело? Бренность. Но томит душа.
Отточен грифель у карандаша,
Как жало мизерикордии. В схватке
С самим собой — пощады не проси.

²Гоплит (*др.-греч.*) — тяжеловооружённый воин.

³Танаис — (*др.-греч.*) — название р. Дон.

⁴Парменид — древнегреческий философ.

⁵Мизерикордия — средневековый кинжал милосердия (от *фр.* misericorde — «милосердие, пощада»), предназначенный для добывания поверженного противника.

Коль сможешь, постарайся, донеси
 Читающим в потрёпанной тетрадке
 Всё то, что ты хотел сказать... Дыши
 Поломанными рёбрами. Спеши!
 Здесь промедленье равносильно смерти.
 И навык твой тебя не подведёт.
 И в хрупкую гортань клинок войдёт,
 Как Милосердие Божие. Не верьте!
 Кто скажет, что заблудшие в чести.
 Не самого себя — других прости,
 Ристалища, отнюдь, не выбирая.
 Сегодня ты, а завтра, может, я.
 Где «творчества» мышинная возня
 Осточертеет, рифмою играя.

Постзапойное. Первый снег

*А любовь пребывает вовеки.
 (Из церковной проповеди)*

Собака выла. И тоска
 Была моя неодолима.
 И тонкой струйкою песка
 Жизнь убегала мимо, мимо...

Где время — лекарь и палач,
 В своём предназначении строгом,
 Мне говорило: пей и плачь,
 С самим собою спорь и с Богом.

А утром выйди. И с крыльца,
 На первый снег ступив, качаясь,
 Вдруг ощути любовь Творца,
 Что пребывает, не кончаясь.

Вдовье

*Смерть — есть Великая Тайна обыденности.
 (Из неотправленного письма)*

Так что ж?! Похорони меня.
 Как это б странно ни звучало.
 И чтоб себя ты ощущала —
 Покинутой. Возьми коня,
 Продай на торжище цыгану.
 Приди домой и очень рано
 Ляг в опустевшую кровать.
 Забудься. Завтра будет мирным.
 Свет из окна прольётся длинным
 Лучом. Придёт пора вставать.
 И выйдя покормить собаку
 Во двор, сними мою рубаху
 С верёвки. Положи в сундук.

И долго стой, не закрывая
 Тяжёлой крышки, вспоминая
 Мой запах, тяжесть моих рук...
 Каким я был, тебе ль не ведать!
 И к поминальному обеду
 Все соберутся. Стол, кутья.
 Слова прощальные дьяк скажет,
 И вдовый плат на плечи ляжет,
 И возгласится лития¹.

Снегопад

Всё подытожит долгий снег.
 Как саван он меня укроет.
 Душа замыслила побег,
 Но и её снег успокоит.

Что ж, будет вместе с телом ждать,
 Несчастной пленницей томиться,
 Когда я стану замерзать,
 И мне вся жизнь моя приснится.

Где живы и сестра, и мать,
 Ребёнок, нерождённый всуе,
 И я — себе уставший лгать,
 В житейской тьме любовь взыскупя.

Кот и коньяк. Блюз ноября

*И этот дождь закончится, как жизнь...
 (В. Леви)*

Ноябрь слякотно обрюзг,
 Как пьяница в соседнем сквере.
 И осень, свой играя блюз,
 Сомненье сеет в детской вере
 Во всё хорошее... Окстись!
 Грядёт зима, а с ней морозы.
 Не унывай! С хандрой борись!
 На мира отвечай угрозы!

Но плед, коньяк и старый кот —
 Всё утверждает об обратном.
 И жизнь твоя, как дождь идёт.
 И исчезает безвозвратно...

* * *

И ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.
 Ладоней мне Твоих — не целовать.
 Брожу, как пёс бездомный по округе.
 Любимую своей Тебя назвать
 Я не могу. И замечают вьюги

¹Лития — молитва об усопшем

Пути меж нами. Как мы далеки!
Во времени, в пространстве,
в моих письмах.

И лишь тепло, тепло Твоей руки
Воссоздаю я в воспалённых мыслях.

И мнится мне, что мы сквозь снег бредём
Друг к другу в леденеющей пустыне.
Где никого! Где только мы вдвоём.
Во веки вечные, и присно, и отныне.

* * *

Что Родина?! Ей зрелищ да вина.
Она давно уже развращена
Не этими, так теми. Всё обрыдло.
С телеэкрана льёт речей «повидло»,
А впереди ещё одна война.

«Судьба», — ответишь ты, —
народа и страны.

Мы русские, а значит, не вольны
В самих себе. Такая, брат, картина.
Душа у нас — бескрайняя равнина.
И этим только живы и сильны.

Здесь радио отсутствует. Здесь Дух
Летает над полями и лесами.
Здесь в деревнях найдёшь таких старух!
Читающих акафист голосами
Сирен гомеровских ..

И выйдя на крыльцо
Из духоты натоленного дома,
В ночное небо взглянешь, как в лицо,
Которое тебе давно знакомо.

* * *

Сыну

Но смерти нет, мой мальчик. Смерти нет!
Узнал я это в тридцать восемь лет,
Когда решил на свет Ты появиться.
До этой даты — только хоронил.
И сырость свежeverытых могил
Внутри меня успела поселиться.

Уныние томило плоть и дух.
В ночи являлись образы старух
С картин полубезумного испанца¹.
Но Ты в глаза мне пристально смотрел.
И понял я – у смерти есть предел.
И ей за новой жизнью не угнаться.

¹Франсиско Гойя.

Первая седмица

Во дни печальные Великого поста..
(А.С. Пушкин)

Во дни печальные Великого поста
Душа скорбит, стремится в те места,
В которых счастлив ты
когда-то был и молод.
Не спишь ночами,
бродишь, как бирюк,
И непереносимость этих мук
Тебя терзает, словно сильный голод.

Становишься к молитве: «Отче, наш!
Ты сущ на небесах, Ты не отдашь
Меня на растерзанье
тьме кромешной..»

И теплится лампада, и горит
Внутри тебя раскаянье и стыд.
И капает слеза капелью вешней.

Дежавю

Да будет «амен» сказано. Молчи!
Здесь не нужны слова. Кровоточит
Тоски незарубцованная рана.
Ты через боль себя осознаёшь...
Кто человек?! Безропотная вошь?
Иль во плоти осмысленная прана²?

Не веруя — познай. Не зная — верь.
Дуалистичность жизненных потерь,
Где в свете — тьма,
а в тьме — частица света,
На нет сведёт философов труды,
Когда живёшь с предчувствием беды,
Как будто ты всё это видел где-то...

Размышления по пути
из офиса домой

Мне нравится, что вы больны не мной..
(М. Цветаева)

Мне нравится, что я не болен Вами.
Мы — призраки в ВК и Телеграме,
Беспольные обманки, тень греха.
Нет времени ни спиться, не влюбиться.
К чему душа усталая стремится?
Мы так и не узнаем впопыхах.

²Прана (*санскр.*) — буквально: жизнь, дыхание.

Всё это — блеф, всё это —
 миф «культурный».
 Стоишь и куришь, сплёвывая в урну,
 И понимаешь, что тебя здесь — нет.
 Ни в этой жизни, городе, квартире,
 Что ты не существуешь в этом мире,
 И видимость — какой-то тяжкий бред.

Нет, ты не болен. Ты — давно покойник.
 Вот голубь сел на скользкий подоконник
 Самодоволен, сыт и жутко глуп.
 И ты войдёшь сейчас в своё жилище,
 Весь день сражавшись за комфорт и пищу,
 Себя определив, по классике, как труп.

Утварь

*... Господи, Ты — Отец наш;
 Мы — глина...
 (Исаия 64:8)*

Жизнь — неминуема, так же, как смерть.
 Помни об этом, стирая колени
 В частых молитвах. И чтобы успеть
 Ею насытиться без сожалений,
 Нужно стать глиной в руках Гончара,
 В круге сансары вращаясь покуда...
 Кто мы? Сосуды для зла и добра,
 Хрупкая утварь, божья посуда...

* * *

*Светлане, и всем онкобольным, бо-
 рющимся и ушедшим, посвящается.*
 У жизни смерть канючит: «Дай взаймы».
 Начни писать. Не избежать зимы.
 И стоит подготовиться. Так что же!
 Наколем дров, обмажем глиной печь,
 Вторые рамы вставим, чтоб сберечь
 Тепла уют. И дальше будем строже
 К самим себе, к курению натошак,
 Ждать снега, рассуждать о тех вещах,
 К которым нас не приведи, о Боже.

Жить! Даже в этом замкнутом мирке.
 Болезнь свою, сжимая в кулаке,
 Как хрупкое стекло. Кровоточива
 Выходит повесть. Оплыла свеча.
 У времени повадка палача:
 Безпафосна, скупа и молчалива.

В деревне

Я знаю, что ничего не знаю.
 Сократ

Первично что? Наседка иль яйцо?
 Курить выходишь ночью на крыльцо,
 И задаёшься сей дилеммой трудной.
 Деревня спит, рассвет ещё далёк,
 Но мысли жаркий тлеет уголёк,
 Приставшая к тебе, как пёс приبلудный.

Вселенная! Летит в тартарары.
 Не разгадать нам правила игры.
 Но это ведь ничуть не умаляет:
 Ни эту ночь, ни этот старый дом,
 Не Ту, что спит в нём безмятежным сном
 Не зная то, что ничего не знает.

Мучительное

И если я во странствии своём
 Пределов Ойкумены не достигну,
 То только оттого, что нам вдвоём
 Не скрыть любви проявленную стигму.

Иди, иди, — ты говорила мне, —
 Назад не оборачивайся. Больно!
 Когда увидишь, как в моём окне
 Другой погасит свет самодовольно.

Он будет обладать, повелевать
 Таким родным тебе и близким телом.
 И станет эта комната, кровать
 Скорбей и долга горестным уделом.

Но если было б можно повернуть
 Вспять колесницу времени и судеб,
 То я бы всё равно избрал тот путь
 К одной тебе, что мучает и губит.

© Игорь Никольский, 2025

Владимир МИЛОВ

Ненастье

*«Смерть? Где твое жало?
Ад? Где твоя победа? Жало же смер-
ти — грех, а сила греха — закон».*

Апостол Павел

*«Там под утро дождь, дождь.
И под вечер — дождь, дождь».*
Русская народная песня

В доме Воеводиных стоял гроб. Ещё за-долго до рассвета началась предпохоронная суета: протяжно заскрипели дверные петли, зашаркали ноги, испуганно затопала, замычала, заблеяла побеспокоенная скоти-на, заметалась перепуганная птица. Затем облаченные во все черное, словно зловещие тени, сопутствующие смерти, в дом вошли четыре старухи — сумрачные и молчаливые. Они долго смурьгали ногами по тряпке, постеленной возле порога, тщетно пытаясь вытереть галоши, но набухшая от непрерывных хождений тряпка не впитывала грязь, а лишь жалобно всхлипывала, выдавливая из себя черную жижу.

— Проходите, проходите. Чего уж теперь?

Старухи, перекрестившись, робко ступая, словно боясь разбудить усопшего, прошли в горницу.

В полутемной горнице, среди занавешенных маленьких окошек и зеркал трельяжа, окруженный со всех сторон венками с траурными лентами, на круглом семейном столе стоял гроб. Потрескивая, жарко горели свечи. Убогая Устинья, почти вплотную поднося книгу к единственному полузакрытому глазу, читала псалтырь. То ли от усталости и изнуренности организма бесконечными постами, то ли оттого, что она обращалась к самому Господу, с трудом преодолевая чувство робости, голос Устиньи дрожал. Казалось, она пытается оправдаться перед Богом и за свою жизнь, и за жизнь того, кто, уже оставив этот мир, готовился к встрече

с Создателем. Понимала ли она сама великий смысл, сокрытый в магическом сочетании слов произносимых ею молитв? Но при виде Устиньи с псалтырем в искаленной руке, при виде этого гроба становилось до жути страшно. Страшно от мысли: а вдруг Бог и правда есть?!

Лицо Игоря было торжественным. Казалось, что он с закрытыми глазами и бумажным венчиком на лбу внимательно слушал и то, о чем говорили старухи, пришедшие в столь ранний час, чтобы по-соседски помочь его матери в подготовке скорбной трапезы, и то, о чем читала ему Устинья, и даже то, о чем шумел за окном осенний ливень. Внешне он почти не изменился. Смерть рукой умелого мастера лишь немного усовершенствовала его портрет, заострила черты лица, отбросила все лишнее и ненужное. Смерть — превосходный скульптор. Лишая одухотворенности, она избавляет человека от эмоций, земных и суетных дум, мешающих ему сосредоточиться на главном. Игорь превратился в мраморное изваяние — спокойное, загадочное.

Пламя свечи, горевшее в его изголовье, бросало розовые блики на впалые щеки, острый нос, темно-русую прядь волос, выбившуюся на открытый лоб из-под венчика. Голова Игоря была чуть наклонена влево, словно он из вежливости повернул ее в сторону читающей над ним Устиньи. Но более всего впечатляюще выглядели его уши. Игорь и при жизни был лопух, чего всегда стыдился и предпринимал напрасные попытки скрыть этот изъян под волосами, но подобное ухищрение не скрывало «дефект», а лишь делало его еще более карикатурным, ибо нельзя спрятать трактор в копне сена. В конце концов Игорь плюнул и стал носить нормальную прическу, хотя комплекс

неполноценности все равно тяготил его. То, что вчера выглядело смешным и нелепым, сегодня вдруг приобрело трагическое очертание: его уши словно были отлиты из золотистого воска — прозрачные, с синенькими жилками, в которых чудилась застывшая кровь.

В горнице было душно. Пламя свечей дрожало и чадило от недостатка кислорода. Струйки белесого дыма поднимались к потолку и ткались в причудливые узоры, сливались в голубенькие облачка, словно воплощая в себе душу усопшего.

Обстановка крестьянского быта была проста и бесхитростна. Помимо трельяжа, о котором уже упоминалось, в комнате находились диван-кровать, два кресла, маленький, старинной работы сервант, накрытый тюлем черно-белый телевизор и заваленная книгами этажерка. Книг в доме было много. Они лежали везде: сложенные стопками возле диванных спинок, наверху серванта, на трельяже, на подоконниках и даже под столом, на котором стоял гроб их хозяина.

Предки Игоря, построившие этот дом, были крестьяне, поэтому никаких площадей под библиотеку отведено не было. Первоначально дом представлял собой квадрат 10x10, построенный из битого (самодельного) кирпича, разделенный внутри на две равные части — холодные сенцы и теплые покои. В сенцах находился чулан, газовая плита и всевозможная домашняя утварь: скамейки, веники, метлы, отжившие свой век половики и дерюжки, а также инструмент: молотки, топоры, пилы.

Некогда семья Воеводининых была многочисленной, поэтому приходилось в летнюю пору спать в сенцах. Память о тех веселых временах еще хранит уцелевшая (неизвестно для чего) деревянная, почти царская по своим размерам, самодельная кровать. В послевоенные годы домочадцев заметно поубавилось: кто-то не вернулся с фронта, многие обзавелись собственными домами, большинство же навсегда уехали в город. Тогда теплые покои дед Игоря разделил на три части деревянными перегородками — половина дома отошла под кухню, половина — под зал. Третью зала была определена

как опочивальня. Туда поставили огромную железную кровать — неимоверно тяжелую и громоздкую, с массивными чугунными набалдашниками в форме шаров. Позднее в опочивальню удалось втиснуть гардероб и поставить тумбочку. Спящему там человеку, оставалось лишь довольствоваться узеньким, меньше метра, проходом и свободным воздушным пространством между кроватью и потолком. На зал приходилась половина русской печи, которая хотя и топилась с кухни, но тепло и копоть распространяла равномерно по всему дому.

Чтобы поставить книжный шкаф, из зала нужно было вынести диван или сервант. Практичный крестьянский ум противился этому. Покойный не раз размышлял над дилеммой: обходиться без книг он не мог, а хранить их было негде. Литература, собранная им, чувствовала себя сиротливо. Кочуя по углам и подоконникам, впитывая в себя сырость кирпичного дома и терпкий дух русской печки, уже через год книги выглядели на сто лет старше — страницы слипались и желтели, приобретали ветхость и благородство дорогого антиквариата, но Игоря это не радовало.

На кухне, ловко орудуя ножом, женщина, покрытая в черный платок, чистила рыбу. Её рука делала быстрые и верные движения: распотрошив рыбу, она смахивала внутренности в стоящий возле стола таз, а разрубленную на куски тушу бросала в кастрюлю. Ни одного лишнего движения, ни одного напрасного взмаха руки! Она работала, как хорошо отлаженный механизм, выполняя заданную программу в силу своих производственных мощностей, ее мысли были далеки от процесса приготовления рыбы. Это была мать Игоря.

Посторонний человек затруднился бы определить ее возраст. Со спины она выглядела лет на тридцать: стройная, грациозная. В её движениях чувствовались сила и ловкость. Кожа рук и шеи, покрытая бронзовым загаром, еще была довольно-таки эластична, аккуратно подстриженные ногти свидетельствовали об опрятности. Старило её лишь лицо, особенно глаза. Они излучали такую глубокую печаль человека, вдоволь хлебнувшего в этой жизни горя, какую редко встре-

тишь даже на иконах, несмотря на усердие богомазов запечатлеть её.

— Ну, Марьюшка, что нам делать прикажешь?

Мария вздрогнула. Она уже забыла о старухах, которые прошли в зал попрощаться с её сыном, и ей потребовалось некоторое время, как для внезапно разбуженного человека, чтобы собраться с мыслями и определить, где сон, где реальность.

— Что делать-то? — голос Марии был печален и тих, словно смертельно уставший человек пел грустную колыбельную песню. — Работы всем хватит. Кур ощипать нужно, салаты приготовить, селедку почистить, порезать, да мало ли еще чего? Холодец, картошку, котлеты в колхозной столовой готовят — председатель разрешил. Кипяток, кур щипать, в печке, там же и к салатам все: свекла, морковь. Вы уж, бабушки, тут без меня разбирайтесь — плохой я вам сегодня советчик.

Беседуя вполголоса, старухи, распределив обязанности между собой, принялись за работу. Две, обварив кипятком птицу, принялись щипать кур, остальные стали готовить салаты.

К потолку поплыло облако пара, и стало душно. Мария вдруг почувствовала себя плохо: перед глазами поплыло, голова закружилась, сердце затрепетало и запрыгало, как лоскут на ветру. Из боязни упасть она схватилась за угол стола и медленно осела на стул. Не будь в доме старух — она, вероятно, упала бы в обморок, но сейчас каким-то усилием воли, чтобы не дать бабкам лишней темы для пересудов, удержалась на стуле. Через минуту Мария почувствовала, как к ней вновь возвращаются силы, словно остаток верных солдат к своему полководцу после хаотического отступления.

Третьи сутки длился этот бесконечный кошмар. Смерть, независимо от того, ждем мы ее или нет, приходит всегда внезапно. Приход смерти всегда некстати — к ней нельзя полностью подготовиться. Здравый смысл подсказывал Марии, что Игорь не жилец, но любовь матери к своему сыну заставляла ее вопреки прогнозам и диагнозам врачей верить в чудесное исцеление. Мария и верила и не верила. Природная

мудрость и жизненный опыт советовали ей откладывать деньги на возможные скорые похороны сына, а наивное в своей вере сердце любящей матери заставляло расходовать крупные суммы на бесполезное лечение, которое лишь продлеvalo даже уже не жизнь, а мучение, предсмертную агонию Игоря. Ей хотелось верить, что врачи ошиблись с диагнозом и Игорь непременно поправится, но скорое его увядание, почти старческая немощность свидетельствовали об обратном.

И когда наконец свершилось то, чего так боялась Мария, смерть явилась для нее полной неожиданностью. Игорь был для неё всем: другом и сыном, заботой и опорой, целью и смыслом жизни. Ради него она жила, ради него отказалась от семейного счастья, от возможности любить и быть любимой, именно для него Мария сберегла ту любовь, которую большинство женщин отдают мужчинам. Она отдала ему целиком всю нежность и ласку, всю нерастратченную доброту, на которую способно женское сердце, — сердце матери. И вот все в одночасье рухнуло. Её хрустальные в своей непорочной чистоте надежды оказались брошенными на наковальню судьбы, и тяжелый молот смерти опустил сверху.

Первый порыв Марии был — последовать за Игорем: в тот миг жизнь страшила её сильнее смерти, но она не сделала этого. И даже не по религиозным соображениям. Она просто не могла позволить себе уйти из жизни, не выполнив последнего долга перед сыном. От одной только мысли, что кто-то, как бы делая одолжение, проводит его в последний путь, сердце Марии заходило от боли. Она боялась казенщины, показного, искусственного милосердия. Кто, кроме матери, мог искренне оплакать его, проследить за тем, чтобы все было по-людски, с соблюдением всех христианских канонов и обычаев? Никто. Материнская любовь теперь уже к мертвому сыну заставила Марию жить.

Предпохоронная суета. Блажен человек, не познавший её. Повезло тому, кто разделит это тяжелое бремя с родными и близкими. Все хлопоты относительно похорон Мария взяла на себя. Возможно, это было к лучшему: хозяйственные заботы хотя и изматывали физически, но отвлекали, насколько это

было возможно, от скорбных и удручающих мыслей, не давали полностью погрузиться в бездонный омут материнского горя.

Оправившись от внезапного головокружения, Мария вновь принялась за работу. Нож, сверкая, обезглавливал рыбу, вспарывал брюхо и рассекал туловище на ровные большие куски.

Третью ночь Мария не спала. Уставшее тело просило отдыха, но мозг, словно механизм, избравший своей целью самоуничтожение, пошел вразнос. Мысль о том, что Игоря больше нет, бешено раскручивала маховик бессонницы. Мария забывалась, но и в этом кратком забытии, походившем на обморок, думы ее витали вокруг предстоящих похорон. Сколько будет народа? Хватит ли всем места? Сколько собирать столов? Кто поедет за музыкантами? Кто понесет венки? Многие пытались разрешить Мария, глядя в беспросветные сумерки осеннего ненастья.

А ночь плыла — глухая и молчаливая. Шум дождя заглушал все звуки. Даже деревенские собаки, убаюканные ливнем, молчали, спрятавшись в уютную темноту своих будок. Иногда Марии хотелось, чтобы эта ночь поскорее кончилась, а иногда, наоборот, вдруг овладевало желание остановить время, ведь наступившее утро станет для Игоря последним. А завтра?! Неужели и впрямь могильная пасть способна проглотить его навеки, как глотает зев русской печки березовое полено? Да и как ТАМ? Мария вздрогнула: по свинцово-серой спине скумбрии потекла алая струйка крови.

— Эко, угораздило! — Мария не чувствовала боли, лишь на месте пореза палец немного пощипывало, будто его острекала крапива. Она отложила нож в сторону и достала с полки пузырек с йодом. Острая, пронзительная боль подействовала освежающе, как ковш ледяной воды, — боль принесла долгожданное просветление рассудка, мысли обрели более четкие очертания, горький осадок наваждения рассеялся, и Мария с каким-то непонятным злорадством, с наслаждением самоистязания еще раз полила йодом рану.

— Пойду подою корову, — Мария взяла подойник, плеснула в него теплой воды из

чайника и обула сапоги. — Три дня уже у ней не вычищала — теперь, верно, и не войдешь в закуту. Скотина, а тоже понимание имеет — молчит, знает, что не до неё теперь.

Хлопнув дверью, она шагнула в темноту. Её уход вызвал у бабок оживление. Присутствие Марии на кухне сковывало их беседу, рядом с её горем они стыдились пустословить.

— А видать, сильно девку припекло — аж с лица спала!

— Спадешь. В прошлом году мать похоронила, а теперь и сын подрос.

— М-да, беда одна не приходит.

— А отца-то она позвала, ай нет?

— Какого отца?

— Ясное дело, что не твоего, а Игорькова.

— А есть он у него? Она его еще в девках нагуляла, когда на зоотехника училась, а в деревню воротилась — вот и родила себе забаву.

— Хороша забава! Как сызмальства чахнуть стал, так и до самой смерти из больницы не выходил. Мария с ним все курорты проехала; и к бабкам, и к дедам, и к колдунам, и к колдуньям — все напрасно! Видно, коли человек не жилец на этом свете — ничего с ним не поделаешь. В детстве у него что-то вроде чесотки было. Чесотку вылечили — почки заболели, потом, говорят, от лекарств желудок стал никудышный, а там и вовсе от таблеток печень отказала. Такую прорву нешто мысленно переработать?

— Вот они врачи-то. . .

— Сильному они без надобности, а слабому — только перевод денег.

— Прасковье Гаврилкиной коренной зуб вырвали, так уже третий год щека на одну сторону завалена, будто пчелы покусали. Так вот.

— А у Марии, видать, после городского хахаля больше и не было никого?

Подобное предположение озадачило старух, и они погрузились в воспоминания, но вспомнить что-либо компрометирующее Марию так и не смогли.

— Выходит, и впрямь не было. Как в молодости обожглась, так на всю оставшуюся жизнь на мужиков оскомину набил.

— Да и покойный до девок не особенно охоч был.

— Какие ему девки? Видала, книжек в доме страсть какая? Человек всю жизнь учился, когда ему было за девками увиваться?

— Прошлый год к нему одна домой приезжала — он, говорят, вместе с ней в институте учился. Красивая такая.

— Нашла красавицу! Рябая, рыжая, коса, как у лошади хвост, а так девка дородная, справная — об лед не расшибешь. Только она ему уже без надобности была: когда смерть за спиной стоит — не до женитьбы.

— А девка, говорят, сильно за ним ухлестывала.

— Чего же тут удивительного? Покойный ласковый был — мухи не обидит: степенный, опрятный, не пил, не курил, по деревне идет — с каждым поздороваешь. Господь знает, кого к себе прибрать. Иной спяну и утопает, и замерзает, и, думается, нет такой ямы в округе, где бы он не повалился, а все живой — ни одна холера его не берет!

— Все бы по-твоему было. А много их из ям да канав до сорока годов дожили? Все там, иные уже сгнили, какие еще свежие, а кои только на подходе.

— Скоро и нам пора собираться?

— Была пора, да и пора прошла — молодежь без очереди лезет.

Старухи принялись вспоминать тех, кого им посчастливилось пережить, — народу набиралось много. Смерть не дремала. Как заботливый садовник, она культивировала нацию, отсекая с генеалогического древа веточки, ветви, суки. Из каких предположений исходила смерть, какими инструкциями руководствовалась, но под её секиру попадало то, что впоследствии могло стать генофондом. Скуден человеческий разум для того, чтобы понять философию неподвластных нам сил природы.

В избу с подойником вошла Мария.

— Ну и дождь на улице! Светопреставление. У коровы сток забился — воды ей по брюхо. Она, бедная, даже лечь не может. Хотя бы кто из мужиков с утра зашел — сток бы прочистил, да лист железа на крышу прибил: на днях ветром оторвало, а прибить некому.

— Теперь и могила, поди, полна воды.

— При упоминании о могиле Мария вновь почувствовала себя плохо: перед гла-

зами опять поплыла и закачалась пелена тумана, сквозь которую вырисовывалась страшная картина, как гроб с телом Игоря опускают в мутную воду и сверху начинают забрасывать вязкой, набухшей глиной, грязным месивом мокрой земли.

— Перед похоронами нужно будет мужиков с ведрами послать, чтобы воду из могилы отчерпали, — решила Мария. — Придет ли кто в такую погоду? — И тут же, словно успокаивая самоё себя, добавила: — Придут. Игоря все любили — он зла никому не делал.

Ей вспомнилось другое. В морг Мария отнесла новые ботинки. Игорь, правда, несколько раз одевал их, но выглядели они, как с витрины. Что за блажь пришла ей тогда в голову, ведь знала же прекрасно, что покойника в тапках хоронят. В мертвецкую Марию не пустили, а Игоря взялась обрядить санитарка — грузная, краснощекая бабища где-то Марьиных лет, с сиплым, прокурненным голосом. Минут через десять уже одетого Игоря вывезли на каталке: он был в носках, а возле его ног стояли ботинки.

— Маманя, а туфельки-то маловаты будут.

— Как маловаты? — удивилась Мария. — Он же в них ходил!

— Мало что ходил! Покойнику всегда на размер больше брать нужно — конечно-сти-то вытягиваются. Что делать будем?

— Может, в магазин за тапками сбежать? — предложила Мария.

— Правильно. Вы в магазин, а он вас здесь дожидаться будет. Тут конвейер! У меня еще помимо вас пять человек с утра маются в коридоре. Хотите, давайте эти попробуем надеть.

— Так ведь малы же!

— Мое дело предупредить. Сейчас до того народец дотошный пошел — раз майку наизнанку одела, и то обнаружили. Ну, на кой черт им дома его раздевать понадобилось? Сами бы одевали, раз такие умные. А туфельки я одену — было бы желание.

Санитарка ломалась, набивая себе цену, и всем своим видом хотела показать, что денег они зазря не берут, и в их ремесле требуется определенная изворотливость ума и ловкость рук.

— Ничего, ничего.. — санитарке не терпелось продемонстрировать свое умение. —

Мы ему пальцы чуть подогнем — туфельки и налезут, авось не плясать ему там.

И действительно — то, что она продемонстрировала, требовало определенного умения и редкого хладнокровия, произрастающего из кощунственного цинизма. Одеревневшие фаланги пальцев покойного было не так-то просто согнуть, а еще сложнее было успеть натянуть на них ботинок, прежде чем они успеют принять первоначальное положение. Мария с ужасом смотрела на эту процедуру, и лишь оцепенение и оторопь от увиденного не позволили ей устроить скандал. Несмотря на добрую душу, Мария воспылала ненавистью к этой санитарке. А та, напротив, проделав фокус с ботинками, ждала дополнительного поощрения и, стремясь лишней раз подчеркнуть свою значимость, занялась саморекламой:

— Это что! Нам приходится паралитиков одевать, а тех привозят до того скрюченных: где руки, где ноги — не разберешь! Вот и мудришь с ними. — Ей очень хотелось поведать Марии о порезанных сухожилиях, позволяющих распрямить паралитика, но, к счастью, что-то помешало санитарке выдать все профессиональные тайны.

Мария обидела её, не предложив ничего сверх оговоренной суммы. Лицо санитарки расплылось в улыбке злого клоуна и вслед за «спасибо» ее так и подмывало сказать «приходите ещё», но, почувствовав, что «мамания» и так находится на грани нервного срыва, не стала хамить, а лишь по-военному резко развернулась на месте и удалилась в мертвецкую.

В тот же день Мария хотела купить тапки, но, забежавшись по магазинам, забыла про них, и сейчас это упущение не давало ей покоя.

— Вот ведь дура! Про зеленый горошек вспомнила, а про тапки забыла. А ему какво? Это не на час-другой, а на весь ВЕК. Покойнику, говорят, коли чего не так — обидится, сниться станет. Переобуть надо. Легко сказать — переобуть. Бабкам этого не объяснишь, а проведдают сами — такую историю раздуют, скажут: «Зачем-то с покойника туфли сняла — не иначе, как для колдовства?» Так могут все перевернуть, что на поминках никто к еде не притронется.

Страхи Марии не были беспочвенны, как это могло бы показаться на первый взгляд. За любой религией, как хвост за кометой, тянется длинный шлейф суеверий — отголосок других вероисповеданий, существовавших еще в незапамятные времена, когда человечество не знало ни Христа, ни Магомета. Особенно это ощущается в деревнях, где обычаи предков еще не совсем преданы забвению: заплетание венков на Троицу, похороны мухи (11 сентября), масленица и т. д. — это и есть языческое наследие. По необъяснимой причине люди почему-то охотнее верят плохому, чем хорошему. Скажете, что Мария или та же самая калека Устинья — праведница, и большинство усомнится в этом. Иные же с усердием примутся искать доказательства обратному. Объявите Марию колдуньей, и найдутся «доброжелатели», которые разнесут эту весть по округе, приукрасив ее собственными сочинениями, и станет она изобиловать примерами о всевозможных порчах, наговорах, змеях и огненных шарах, вылетающих в полночный час из печной трубы, и еще Бог весть о чем.

Смерть человека уже сама по себе — великое таинство. Сколько всевозможных приданий передаётся из уст в уста о колдовстве, о всевозможных порчах, связанных с похоронным ритуалом, с покойником! Любое, даже самое абсурдное, предположение могло попасть в благодатную почву и явить миру чудовище доморощенной мудрости.

Марии меньше всего хотелось думать об этом, но отмахнуться от назойливой мысли она не могла. Усталый ум плутал в лабиринте всевозможных догадок, мысли и настроение менялись: она то была благодарна соседкам-старухам, то вдруг начинала испытывать к ним нечто вроде неприязни. Их вздохи, сочувствие, набожность казались ей показными, фальшивыми, неискренними — в них виделся пример высшей несправедливости. Эти старухи, которым, собственно, и незачем жить, ибо их жизнь уже прошла, — живут, а её сын, жизнь которого только началась, — умер, едва разменяв третий десяток. С его смертью и её жизнь потеряла всякий смысл. Более того — жизнь кажется страшнее, чем смерть, ибо смерть (со свойственной ей прямотой) одним махом разрешает все вопросы,

а жизнь, как метель снегом, засыпает ими с ног до головы и ни на один не даёт ответа. В Марии спорили два человека. Где-то в глубине души она прекрасно понимала, что старухи не виноваты в своем долголети — срок жизни определен свыше, но ни объяснить, ни принять, ни смириться с данной несправедливостью она не могла. Как гнойный нарыв, где-то в глубине её души зрело чувство протеста. И это чувство сырой головешкой то тлело, то вдруг вспыхивало и вновь, чадя, угасало, словно пламя у алтаря какого-то злобного идола.

Нужно было решаться. Бледно-синий ручеек рассвета уже принялся размывать черную муть осенней ночи. Дождь, подгоняемый порывистым ветром, припустил с новой силой. Ветви облетевшей сирени в палисаднике трепетали и брызгались крупными каплями на окна, словно отряхиваясь от влаги.

Утром дом наполнится народом — тогда предпринять что-либо будет невозможно.

Мария решилась.

— Пойду Устинью сменю — пусть поест, а то она ведь со вчерашнего дня от гроба не отходит.

Старухи утвердительно закивали. Присутствие Марии тяготило их. Её взгляд время от времени приобретал безумное выражение, казалось, она смотрит на них с каким-то злым умыслом, будто пытается уличить в чем-то нехорошем.

Силы Устиньи иссякли. Окружающие предметы утратили четкость очертаний, во рту пересохло, чувствовалась приторная тошнота, сердце учащенно билось, намереваясь выскочить через горло. Кровь, словно преодолевая какой-то невидимый барьер, ударяла в виски и разносила по всему телу тупую боль усталости. Ноги, утратив былую стойкость, стали прогибаться под тяжестью тела. Чтобы не упасть, Устинья держалась за спинку стула. Присесть она не решалась, ибо нельзя служить Богу сидя. Её единственный полуслепой глаз слезился от напряжения. Буквы в книге стали зелеными, строчки выгнулись дугой, и слова молитвы, вроде вагонов потерпевшего крушение поезда, прыгали и наезжали друг на друга. На помощь приходила память. Устинья знала псалтырь

наизусть. Вставляя по памяти слова, а иногда и целые предложения, которые она не могла разобрать, Устинья испытывала угрызение совести, поскольку считала это большим грехом, ибо человеческая память грешна мирскими воспоминаниями, и слова молитвы, подсказанные ей, не имеют той святости, которой они обладают в церковной книге.

Себя же Устинья считала великой грешницей, хотя какие могут быть грехи у человека, посвятившего всю свою жизнь служению Господу? Служила Устинья Богу верой и правдой, ничего не требуя взамен. С самого раннего детства она жила при церкви: убиралась в храме, чистила оклады икон, работала во дворе, продавала предметы культа, собирала пожертвования и прочее, прочее, прочее.

Популярности Устиньи в народе мог бы позавидовать любой священник: из десяти приглашений читать по усопшему псалтырь — восемь приходились на неё. Устинья была неприхотлива, никогда не кичилась своей набожностью, за услуги не брала денег, а псалтырь читала с таким усердием, что заставляла усомниться в своих убеждениях даже самых закоренелых атеистов.

Да и сама жизнь Устиньи являлась ярким примером бескорыстного служения идеям Христа. У неё не было иного богатства, кроме ветхого, полуистлевшего дома с выкатившимися на улицу нижними венцами и крохотного огородика, на котором вместо чернозема почему-то преобладал суглинок, способный лишь дать урожай тощего лука. Устинья была вне быта. Довольствуясь малым, она обрела полную свободу, раскрепощенность духа. Её ничего не связывало, не мешало полностью отдаваться главному — служению Господу, что являлось для неё и целью, и смыслом, и самой жизнью. Даже из своей неграмотности Устинья сумела извлечь пользу. Плоды науки не могли ни отравить, ни ослабить её веры. Следуя принципу «не сомневайся, а верь», Устинья никогда не пускалась в богословские споры, избегала досужей философии на религиозные темы, и только вера в Бога была её поводом в этой жизни. Она скорее бы согласилась принять самую лютую казнь, чем позволила бы себе хоть на миг усомниться в том, что Бога нет, а если и есть, то Он несправедлив.

— Покушала бы, матушка.

Устинья сделала знак Марии рукой подождать и продолжила чтение, с трудом преодолевая искушение тотчас отложить книгу и присесть на стул. Она решила до конца дочитать только что начатую страницу. Голос Устиньи сел, из-за сухости во рту язык сделался неповоротливым, поэтому читала она одними лишь губами, с трудом произнося и без того непонятные слова. Закончив, она заложила книгу лентой с какой-то молитвой и положила её возле гроба.

— Ты с усопшим посидишь?

— Я. Не волнуйся, матушка. Иди на кухню — я там тебе покушать собрала.

Устинья, стараясь твердо ступить на затекшие ноги, удалилась.

Мария осталась одна. Она присела на стул и уткнулась головой в угол гроба. Даже сквозь материал обивки чувствовалась шероховатость плохо выструганных досок. От свечи, горевшей у изголовья, угол гроба был теплый. Казалось, дерево впитало в себя тепло некогда живого тела. По щекам Марии мутными ручьями потекли слезы, как первые вестники грядущего половодья. Еще чуть-чуть — и она потеряет над собой контроль, ее полностью захватит и поглотит стихия материнского горя. Стоит лишь дать волю переполнявшим её душу чувствам, и она не сможет выполнить задуманное ею, на что наконец-то решилась.

Мария поднялась со стула, как-то по-воровски осмотрелась, прислушалась: дверь была плотно закрыта, с кухни доносился невнятный разговор старух; шипя, потрескивали свечи, на улице сонно шумел дождь. Тяжелые капли, словно басовые аккорды, сопровождающие музыку, ритмично и размеренно ударяли о жёсть подоконника. И вдруг Мария отчетливо услышала стук собственного сердца. Сердце барабанило так, что, казалось, заглушало все остальные звуки — стук сердца, должно быть, был слышен даже на кухне. Страх перед внезапным разоблачением заставлял его трепетать, задавал бешеный темп, и оно, словно лошадь, спасающаяся бегством от волчьей стаи, зашло в неистовой скачке — уже не в силах успокоиться, разве что израсходовав полностью запас жизненной энергии. По телу

прокатилась пьянящая волна слабости, руки задрожали от волнения. Мария приподняла спинку диван-кровати, где вместе с прочей обувью лежали осенние сапоги Игоря — темно-коричневые, с седым искусственным мехом. Она осмотрела сапоги, зачем-то понюхала их внутри, бережно разгладила мех и шагнула к гробу. Приподняв покрывало, Мария с замирающим от ужаса сердцем еще раз оглянулась на дверь и лишь только потом осмелилась притронуться к ногам сына. Ноги Игоря были связаны бинтом возле голени, а ненавистные черные туфли все еще продолжали терзать их, сдавливая одеревеневшие пальцы.

Расшнуровав ботинок, Мария потянула его на себя. Гроб пополз на неё, голова Игоря дернулась и начала заваливаться влево. Ботинок сполз с ноги. Марии почудились чьи-то шаги — она задернула покрывало, с проворностью кошки прыгнула на стул, заметалась, не зная, куда спрятать ботинок, который мог её выдать. Прислушалась. В доме было по-прежнему тихо. Прошло несколько минут, прежде чем Мария решила проделать то же самое со вторым ботинком. Затем она долго, испуганно ежесекундно озираясь на дверь, рискуя быть схваченной «на месте преступления», при малейшем шорохе хватаясь за покрывало, тщетно пыталась распрямить пальцы Игоря, но они, как когти мертвой птицы, с каким-то невероятным упорством сгибались вновь.

Обуть сапоги оказалось делом ещё более сложным, чем снять ботинки. Негнущаяся нога вырывалась из рук — сапоги не лезли в подъёме. Голова покойного уже почти легла щекой на маленькую белую подушку. Марии показалось, что прошла целая вечность, прежде чем сапоги были обуты. Вновь связав ноги бинтом, чтобы они не разъезжались, когда понесут гроб, Мария, задернув покрывало, поправила голову сына и обессилено опустилась на стул.

Черные туфли с невероятным грохотом полетели за кресло. Даже упавший потолок не мог произвести большего переполоха в душе.

Однако в доме стояла все та же дремотная тишина: потрескивали свечи, на кухне что-то невнятно бубнили старухи, часы с метал-

лическим скрежетом равнодушно отсчитывали время, где-то в подполье, должно быть, играя между собой, возились крысы.

— Эх, — подумала Мария, — хорошо бы ему ещё свитер надеть, а то куда же он в такую страсть в одном костюмчике?

Но это уже выполнить ей было не под силу.

— Ладно, — решила она, — я ему покрывало оставлю — все теплее будет.

От такого скудного рациона, каким довольствовалась Устинья, взвыл бы даже самый стойкий вегетарианец: несколько отваренных в мундире картофелин да соленый огурец. Когда ком сухой картошки застревал в горле, Устинья дрожащей рукой подносила ко рту кружку с киселем из черной смородины и делала маленький глоточек темно-сиреневой жидкости. Тело ныло: сказывалась старческая усталость. Хотелось прилечь, вытянуть ноги, но сделать это в данный момент было невозможно. Позже, когда соберется народ, Устинья попросит разрешения у Марии прилечь на полчаса, чтобы хотя бы частично восстановить силы, необходимые ей для последнего обряда — придания земле покойного на кладбище.

Старухи в обществе Устиньи оживились — как это часто бывает с людьми, недалекими от природы, которые любят, словно специально стремясь выставить напоказ свое невежество, пускаться в дискуссии с врачом о медицине, с историком об истории, со священником о Боге.

— Все от Бога. Как Бог даст. Все мы под Богом ходим.

Цель подобных реплик была совершенно ясна: они пытались втянуть Устинью в свой разговор, чтобы та поведала им что-нибудь этакое из писания, но калека, изнемогающая от усталости, не желала разделить эту праздную и никчемную беседу.

— Вот недавно по радио постановка была. Пришли, значит, две женщины к старцу за благословением. Одна говорит: «Грешна, батюшка, в том-то и в том-то». И все ему начистоту выложила — словом, покаялась. А другая говорит: «А какие у меня могут быть грехи? Я живу праведно!» Дал старец грешнице большой камень и говорит: «От-

неси его за грехи свои на гору и оставь там, а сама возвращайся обратно». А той, которая праведницей назвалась, дал горсть песка и тоже послал на гору. Вернулись они. Старец у грешницы спрашивает: «Помнишь, куда свой камень бросила?» «Помню, батюшка!» «Это значит, что помнишь ты прегрешения свои — за это они тебе прощены будут. Принеси камень назад». «А ты? — спрашивает старец так называемую праведницу, — помнишь ли, куда свой песочек высыпала? Соберешь ли ты его? Так и грехи, о которых помнит человек, в коих раскаялся, прощены будут Господом, как бы тяжелы они не были. А твои грехи, хоть и невесомы, как горсть песка, но многочисленные и непокаянные, оттого и не будет тебе моего благословения».

Старухи загалдели, обсуждая притчу. И только Устинья не обмолвилась даже словом. В это время в зале что-то грохнуло, и все бросились в зал, опасаясь, что Мария упала в обморок. Но Мария спокойно сидела на стуле у изголовья, яркий румянец волнения залил её щеки.

— Вроде стукнуло что-то. Мы подумали: не ты ли упала?

— Да нет, — еще больше краснея, произнесла Мария. — У меня здесь тихо. Может, на улице ветром сук какой отломило? — Она боялась посмотреть в сторону кресла, куда секунду назад были брошены черные ботинки.

* * *

Федор Ситников, известный больше в деревне под прозвищем Одуван, первую половину ночи спал как убитый — и немудрено. Минувший день настолько вымотал его силы, что под вечер он — весь в грязи и глине, мокрый, весь увешанный с ног до головы репьями и «собачками», как орденами, за совершенный трудовой подвиг, пьяный — еле-еле приплелся домой.

С утра, вооружившись двумя лопатами — штыковой и совковой, ломом и топором, он с двумя сотоварищами отправился на деревенское кладбище копать могилу. Погода стояла самая что ни на есть мерзопакостная. Компаньоны еще не успели дойти до кладбища, как все до нитки промокли,

перемазались грязью. Возможно, это было даже к лучшему, так как о чистоте одежды больше заботиться не приходилось, и работа закипела — любо-дорого посмотреть. Несмотря на набухшую от дождя и уже не впитывающую в себя влагу, липнущую к ногам и лопатам землю, корни деревьев, подобно шупальцам, цепляющиеся за каждый пласт, попадающиеся то и дело камни, иногда надгробные и даже целые могильные плиты — могила углублялась на глазах. Спустя некоторое время в ней уже можно было различить трапецию: в плечах — пошире, в ногах — поуже. Сказывалось мастерство и усердие. Иногда мужики объявляли перекур и присаживались на лавочку за соседней оградой, где на столике стояла трехлитровая банка самогона. Пропустив по рюмашке и наскоро перекурив, ибо особенно рассусоливать не позволял проливной дождь, мужики вновь прыгали в яму. Скрежет лопат и матерная ругань, которой они сопровождали неудобства работы, вливались в монотонный шум ливня.

Могила задалась на славу: около двух метров глубиной, с правильными, ровными краями.

— Хоть сам в неё ложись, — одобрил Одуван качество работы.

Затем, допив самогон и спрятав инструмент на кладбище, рассовав остаток закуски по карманам, мужики отправились в деревню — «догнаться». Что пили потом и кто принимал в этом участие, Одуван уже не помнил! Домой он пришел под вечер и, сняв только сапоги, залез на печку, где провалился в бездонный омут сна — точно в вырытую им сегодня могилу.

Ближе к утру Одувану приснился престранный сон. На дворе стояло лето, сильно припекало солнце, а по синему небу легко и беззаботно скользили белоснежные облачка. Одуван опахивал картошку у своей бабки Пани, а в соху он почему-то запряг норовистого и злого жеребца Орлика. Помимо крутого нрава и редкой, писаной красоты (высокий, вороной масти, белоногий), Орлик еще обладал недюжинной физической силой. Однако опахивать на нем картошку никому в голову не приходило. В данном случае Одуван был первооткрывателем. Пер-

вую половину огорода Орлик шел крупным, размашистым шагом, ступая, как старый и умный конь, между борозд. Одуван едва поспевал за ним и в душе радовался, что именно Орлика он взял для этой работы. Но день становился все жарче, и жеребца стали донимать слепни. Отбиваясь от них, Орлик тряс головой, ожесточенно, словно тигр, готовящийся к прыжку, бил себя хвостом по бокам, нервничал. Чувствовалось, что поприще коня-пахаря начинало надоедать ему. Он уже не ступал между грядок, а ставил копыта где придется, ломая плети ботвы и осыпая острые гребешки грядок. Сердце Одувана затрепетало во власти какого-то недоброго предчувствия.

Орлик сделал вид, что хочет придавить мордой сидевшего на груди овода, потянул вожжи на себя — Одуван позволил ему это. Но жеребец, сволочь, вдруг закусил удила и крупной рысью рванул вдоль огорода. Одуван побежал за ним, стараясь приподнимать соху, чтобы не уродовать огород. Но поспеть с сохой в руках за бегущей лошадей было невозможно. Участок бабки Пани кончился, и начались другие, соседские. Чтобы хоть как-то остановить эту норовистую тварь, Одуван опустил соху на землю и всем телом навалился на неё. Соха погрузилась в землю, но Орлик, выворачивая из земли целые пласты, словно не чувствовал её. Больше того — он с рыси перешел на галоп, комя землю из-под его копыт полетели в лицо Одувана. Что же делать? Если бросить соху, то, помимо порчи чужих огородов, придется еще отвечать за увечье лошади — об острый лемех Орлик мог порезать ноги. Тогда Одуван решил на последний прием: намотав вожжи на руки, он изо всех сил передернул ими: левой — правой, левой — правой. Удила освободились, и, разрывая пасть лошади, Одуван потащился за вожжами. Орлик повернулся к нему мордой: с его губ свисала шапка кровавой пены, зубы раскрытой пасти ослепительно блеснули на солнце, а глаза вспыхнули кроваво-красным сатанинским огнем. Он заржал, и его ржание прозвучало, как зловещий хохот. Белесый пух на голове Одувана встал дыбом от ужаса страшной догадки:

— Да ты черт! — закричал Одуван, и ржание-хохот оглушило его.

Орлик ударил задом по оглоблям в той же последовательности, в какой Одуван передергивал вожжи — по левой, по правой. Хрустнув, как пустотелые макаронины, оглобли переломились. Освободившись от сохи, Орлик взял с места в галоп и потащил волоком Одувана по огородам. Намотанные на руки вожжи захлестнули кисти рук, перед глазами стремительно неслась земля. Взрывая грудью грядки, Одуван волочился за Орликом. Стертое до крови пузо горело, картофельная ботва, осот, молочай, сурепка, хвощ расцарапали лицо и шею, и вдруг Одуван увидел лежащую в конце огорода перевернутую клевцами-зубьями вверх борону. Острые клевцы грозно сверкали на солнце. Орлик перепрыгнул борону. Скользя по зубьям бороны, вожжи стремительно понеслись дальше — тело Одувана начали рвать на части металлические клыки бороны.

Одуван проснулся в холодном поту: его трясло от ужаса ночного кошмара. Телогрейка и свитер на нем завернулись, и он о горячие кирпичи печки ожег живот и спину. Репьи, которые он вчера неизвестно где насобирал, царапались и кололись сквозь одежду. Шаркая босыми ногами в поиске печурок, Одуван спустился на хоры. Все ещё находясь под впечатлением этого странного сна, он, матерясь, включил в доме свет.

«Какая бабка Паня? Она уже три года как померла. Орлика тоже лет десять назад током убило. Пригородится же!»

Одуван сплюнул. Во рту стояла страшная горечь, как будто он вчера закусывал полынным венником. В голове, как в захламленном чулане, громоздилось черт знает что. Он загремел пустыми ведрами, в чайнике тоже не было ни капли воды, а грязные порожние банки в сенцах говорили о том, что корову вчера не доили, из чего следовало, что его сожительница Нюрка запила. Впрочем, это следовало ожидать.

После кодирования Нюрка не пила год. За это время они купили корову, завели свиноматку, птицу и все это хозяйство легло на её плечи. И Одувану нужно было бы образумиться, заняться хозяйством, ан нет — как назло, масть валила — хуже не придумаешь. Дни, которые за этот год он был трезвым, можно было пересчитать по пальцам.

Нюрка, как могла, билась с ним: зывала к совести, пыталась отвадить друзей-субу- тыльников, загрузить работой по хозяйству, била, не пускала домой, собирала деньги на лечение — все было бесполезно. Одуван, как будто нарочно, издевался над ней и прежде всего над самим собой.

Казалось, сценарий их семейных отношений написал какой-то сумасшедший до гениальности драматург из театра абсурда. Это было порождение гротеска. Их сожительство не сулило ничего хорошего ни одному, ни другому. Они пили вместе и врозь, случилось, что не пили вообще, пока кто-нибудь не срывался первым и не провоцировал на запой другого. И тогда все летело к чертям: и дом, и хозяйство, и дети. Поэтому трезвую Нюрку Одуван не воспринимал всерьез, ибо у нее полностью менялось мировоззрение. Она становилась «дуже правильной», сквалыжной, чопорной, занудной. Как будто это не она валялась пьяной по чужим сараям, пускалась в амурные приключения со всяким желающим и закладывала детские метрики за бутылку самогона. Как будто это не её хотели лишить материнства и приостановили дело лишь только после того, как она привезла справку в комиссию по делам несовершеннолетних из наркодиспансера о том, что прошла курс лечения. Теперь в их доме воцарится полная идиллия: с песнями, плясками, веселыми компашками, оргиями и мордобоем.

У Нюрки было трое детей, двоих из которых она прижила с Одуваном. Первого сына она нагуляла еще в юности.

Малый был чистый цыганенок: черно-волосый, белозубый и смуглый. Характер, несмотря на отроческий возраст, имел — оторви и брось, хуже не придумаешь — отчаянный и наглый. Ни учиться, ни работать он не хотел, целыми днями шлялся по округе, высматривая где что плохо лежит. Тяга к воровству, изначально заложенная в его генах, предопределила его путь еще в раннем детстве. Заниматься чем-либо другим он не мог, да и не хотел. Одуван пробовал воспитывать пасынка, драл его ремнем, как сидорову козу, пока тот однажды не пригрозил ему:

— Вот напьешься пьяный — зарежу я тебя!

В тот день Одуван, хотя и забил мальчонку до полусмерти, но призадумался. С той поры он стал опасаться пасынка, уже больше никогда не бил и даже вроде бы как зауважал, беседовал с ним на равных, угощал сигаретами. Почувствовав свободу, пасынок и вовсе отбил от рук: бросил школу и неделями не ночевал дома. Где его носило, Одуван не любопытствовал. У «цыганенка» стали появляться дорогие вещи, деньги, золотые и серебряные кольца и цепочки. Ссуживая Одувану червонец на опохмелку, пасынок белозубо улыбался, а Одуван пил за его здоровье и думал: «Скорей бы ты вырос, и посадили бы тебя, черта смоляного!»

Милиция уже давно интересовалась похождениями пасынка, терпеливо собирала материал и выжидала, когда тому исполнится хотя бы четырнадцать лет. Ждать оставалось недолго — всего несколько месяцев.

Не найдя в сенцах ничего утешительного для его бедственного положения, Одуван вернулся в избу. В доме царил хаос: на полу валялись ошметки грязи, по углам какие-то тряпки, а на засаленном столе кроме грязных стаканов и сигаретного пепла ничего не было. На подоконнике Одуван увидел детское жестяное ведерко (красное в желтый горошек) с водой. На радостях, обливаясь водой, принялся жадно пить.

«Настёна принесла», — с нежностью подумал Одуван, о своей шестилетней дочке. Из-за занавески другой комнаты высунулась белокурая детская головка и пискливо закричала:

— Поставь на место! Для тебя что ли принесла? Сам сходи!

— Молчи, пакость! Отцу родному глоток воды пожалела. Расти их, сволочей, воспитывай, — Одувану вспомнилось, как несколько лет назад, когда дочь сгорала от пневмонии, он в лютую пургу, завернув её в шубу, нес на руках десять километров до поселковой больницы. Правда, заболела она тогда оттого, что они с Нюркой, находясь в запое, три дня не топили печку.

Обидевшись, Одуван поставил ведерко на место и направился в сторону сожительницы, которая спала с трехлетней дочкой на диване в зале.

Нюрка ровно дышала во сне, из-под замызганного пододеяльника торчали её темные, потрескавшиеся от резиновых сапог и плохого ухода, пятки. Маленькая дочь, прижатая матерью к стенке, шмыгала носиком и всхлипывала во сне.

— Приспит, стерва, ребенка.

Однако Одуван не стал будить Нюрку, а лишь заглянул за диван — там иногда сожительница оставляла для себя на утро опохмелку. На сей раз за диваном кроме давно забытого грязного стакана, столетних желтых окурков и истлевших огрызков от яблок ничего не было.

Одуван сделал вид, что вновь лезет на печку, потоптался возле полатей, а сам на цыпочках подошел к подоконнику и вновь припал к детскому ведру с водой. Спать больше не хотелось. Единственные в зале часы стояли, показывая половину третьего — неизвестно чего: дня или ночи.

На улице гулко шумел дождь. Одуван сел на скамейку за стол и обнял голову руками. Думать ни о чем не хотелось, но мысли, как свора гончих, уже обложили ослабленный алкоголем разум.

Третий год Одуван нигде не работал, занимался разного рода «халтурой». Трезвый он был первоклассный плотник и умел абсолютно все: срубить без единого гвоздя сруб, вязать рамы и двери, возводить дивные по своей красоте и легкости резные террасы и беседки, стелить полы, ставить стропила, не говоря уже о такой мелочи, как сундуки, ульи, парники. Казалось бы, такой мастер должен как сыр в масле кататься. Но последнее время заказов у Одувана не было. Все его таланты затмила дурная слава — слава пьяницы, трепача и эпилептика. Невзирая на его мастерство, никто уже не хотел с ним связываться, ибо по слухам знали, что, как только у него появится копейка денег или кто-нибудь нальет ему стопку водки, он уйдет в запой. Одуван занимал у заказчика деньги, искренне веря, что честно отработает, и пропадал. Потом он обегал за три километра человека, имевшего глупость ссудить ему аванс, и вновь в глубине души уповал на чудо, что на новом месте ему удастся заработать и расплатиться с долгами. Но и на

новом месте случалось то же самое. Вскоре Одувана перестали воспринимать всерьёз и дачники, и односельчане, и родные дети. Тогда, обидевшись на весь мир, он пропил свой плотницкий инструмент и тем самым поставил жирную точку-кляксу в своей трудовой биографии.

Пропитый инструмент Одуван оплакивал, как преданного им по нелепой случайности друга:

— Стамески, рубанки, топоры какие были? На заказ на оборонном заводе делались. Сталь какая?! Гвозди, словно карандаши затачивал. Теперь такого инструмента у меня по гроб жизни не будет. Я с этим инструментом самого себя пропил, душу в шинок заложил. Нет меня больше — Одувана — одна только оболочка осталась.

Но никто из его друзей не обращал на эти пьяные слезы внимания, и принимали их как нечто само собой разумеющееся — «если пить — так до бузы, тосковать — так до слезы!»

А когда-то он был больше известен не под прозвищем Одуван, а под именем Федора Семёновича Ситникова. Он был человеком уважаемым и жил в большом городе, работал на оборонном заводе слесарем-инструментальщиком и был у начальства на хорошем счету. У него была отдельная квартира, двое детей и любимая жена-красавица. Всё было и всё прахом пошло. Злую шутку сыграли с Одуваном его золотые руки. Однажды, находясь в командировке от родного завода в подшефном пионерском лагере, он решил потряхнуть стариной и срубил за несколько дней для детей удивительную по своей красоте беседку. Беседку Одуван возвёл по старинной, уже преданной ныне забвению технологии: без единого гвоздя, держащуюся только на шипах, пазах и хитроумных запилах.

Это мастерство Одуван перенял у своего деда Афанасия ещё в раннем детстве. Покойный Афанасий, заметив с каким живым интересом маленький Фёдор впитывает в себя премудрости дедовского ремесла, не мог нарадоваться на внука. Одувану не просто передался дедов талант первоклассного плотника — это был талант, возведённый в математическую степень. Одуван был не

просто плотник — он был архитектор, художник, скульптор.

Увидев резную беседку, которая словно повисла в воздухе на лесной поляне и казалась удивительно простой из-за сложности своего исполнения, заводское начальство не преминуло отметить Одувана. С тех пор в заводском цеху Фёдор Ситников больше уже никогда не работал, лет пять к ряду он возводил для «больших людей» резные терема в экологически чистых районах, бани, террасы, винтовые лестницы, балконы — всего и не упомнишь. Его клиентами были директора заводов, заведующие базами, банкиры, прокуроры, попы и ещё черт знает кто. Но даже эти важные персоны могли заполучить Одувана только по великому благу. Он продолжал числиться на родном заводе всё тем же слесарем-инструментальщиком, где исправно получал зарплату, премии и командировочные, более того, его портрет постоянно висел на Доске почёта перед проходными. Милостыни начальства сыпались на него, как из рога изобилия. За пять лет Одуван перебрался из семейного общежития в собственную квартиру, приобрёл машину, гараж и, чего греха таить, ему это нравилось. Да и кому это может не нравиться? Его талант был востребован. Он имел возможность реализовать его. Его мастерством восхищались.

Одуван возглавлял самую лучшую в области бригаду плотников. Славные были времена — сам себе хозяин: хочешь — работай, как проклятый, по шестнадцать часов в сутки, а хочешь — объяви антракт по какой-нибудь надуманной причине дня на два и махни на рыбалку в заповедные места, куда простому смертному вход заказан, запей, загуляй. Глупое, обманчивое счастье почувствовать себя незаменимым.

Первое время Одуван старался выбраться домой в аванс и получку, чтобы передать супруге деньги, но вскоре и эти визиты решил сократить до минимума: работа, работа, работа. Одуван написал на жену доверенность, и его зарплату она стала получать сама, благо нигде не работала по уходу за ребёнком, и времени у неё было предостаточно. Сам же Одуван в деньгах не нуждался: и командировочные хорошие

платили, и клиенты были люди не бедные и всячески старались материально стимулировать энтузиазм бригады, ну и на худой конец, стройматериал был вольный, никем не учтённый. Иные чиновники себе хоромы возводили и даже понятия не имели ни о том, где они строятся, ни в какой стадии находится строительство — грех на такой сволочи не поживиться.

Беда пришла откуда Одуван её не ждал. Он давно уже стал замечать, что ребята из его бригады что-то недоговаривают, шушукуются за его спиной, а иногда, по пьянке, и вовсе делали недвусмысленные намёки относительно супружеской верности его жены. Ребята, несомненно, что-то знали, но что? А если знают ребята, которые вместе с ним кормят тут комаров, возводя коттедж в заповедной зоне, то, значит, об этом знают многие в городе. Возможно, все, кроме рогоносца мужа. Великая душевная смута овладела Одуваном. Он одновременно и жаждал узнать правду и в то же время боялся её, ибо эта правда, подобно безжалостному экскаватору, была способна одним поворотом ковша обратить в руины всё. Но отмахнуться от сомнений Одуван не мог. Нужны факты.

Во время визитов домой Одуван стал подозрителен ко всему, особенно к мелочам. Он стал прислушиваться к тому, о чём на лавочках возле подъезда шепчутся бабки, о чём лепечет его трёхлетний сын. Он стал внимательно присматриваться к окружающим его предметам — в квартире витал запах измены. На кухне в пепельнице Одуван нашёл два смятых чужих окурка. Супруга объяснила это приходом газовщика, который проверял колонку. Но в спальне новый, только недавно купленный палас был прожжён у изголовья кровати упавшим с сигареты пеплом — в спальне Одуван не курил. И, наконец, массивные ароматические свечи в бронзовом канделябре, которые они зажигали с женой только в особенных случаях, изрядно уменьшились в размерах. Нет, ему не просто изменяют — ему изменяют в его же доме, в его же спальне, на его же постели. Его держат за круглого дурака, за идиота, за рабочую скотину, способную только на трудовую повинность.

Вскоре страшные опасения Одувана подтвердились — он застал жену с любовником в собственной спальне. Далее была немая сцена. Сколько раз Одуван мысленно пытался представить себе образ этого любовника, и ему почему-то рисовался некий Аполлон, Геракл, перед божественной красотой которого, перед его статью, обаянием не смогла бы устоять ни одна женщина — тут уж ничего не попишешь. На деле же предмет увлечения его супруги был далёк от совершенства. Одуван сразу же окрестил его «бухгалтером», ибо к его внешности больше подходило не амплу героя-любовника, а дешёвенький костюмчик мышинового цвета, сатиновые подрукавнички и счёты: низенький, толстенький, плешивенький и насмерть перепуганный. Похотливый «бухгалтер» оказался обычным таксистом и к тому же соседом Одувана через стенку. Их балконы друг от друга отделяла только декоративная металлическая решётка, чтобы перелезть через которую не требовалась альпинистская подготовка. Именно так сосед и наносил визиты к его жене.

В то время тридцатилетний Одуван находился в прекрасной физической форме: высокий, жилистый — он мог бы без особого труда покалечить блудливого соседа, который лет на пятнадцать был старше. Одни в состоянии аффекта хватаются за всё: режущее, колющее, рубящее и начинают кромсать, рубить, резать, Одуван впал в какой-то ступор, его словно парализовало от увиденного. Внезапный приступ душевной боли скрутил его так, что из глаз брызнули слёзы, всё тело вдруг сделалось ватным, рыхлым, обтекаемым, бессильным. В душе у Одувана что-то треснуло и надломилось, что-то погасло, и это что-то было верой, верой в людей и самого себя.

Вернувшись на стройку, Одуван запил от боли, от безысходности, от отчаянья, от звонкой, щемящей тоски, прожигающей душу. Его бригада «Ух» тоже пустилась во все тяжкие. Кончилось это тем, что однажды ночью на объекте случился пожар, в котором сгорело всё, что могло сгореть. Черт его знает, как это произошло: замкнула ли проводка, или кто спяну бросил окурочек в строительный мусор. Приехавший утром хозяин коттеджа дал пьяному Одувану в морду, заявив:

— Ты у меня теперь до конца своих дней рабом будешь!

Одуван схватился за топор:

— Хватай, ребята, этого рабовладельца! Меси раствор, давай его в фундамент бетонном зальём. Ишь ты, наворовал денег и раздулся, как клоп от крови, — зарублю гниду!

Слава Богу, что дальше психической атаки дело не пошло.

На следующий день Одувана уволили с работы по статье как злостного прогульщика, с Доски почёта сняли, и бригада его распалась. Одувана долгое время выслеживали бандиты, пришлось податься в бега. С женой он развелся, совместно нажитое имущество делить не стал — всё оставил детям, хотя были ли это его дети, Одуван сомневался.

Вскоре хозяина сгоревшего коттеджа, несостоявшегося рабовладельца, убили самого, и бритоголовые братки оставили Одувана в покое. Это было в лихие девяностые. Работы в городе не было, жить было негде, вернувшись в деревню, он сошёлся с Нюжкой.

За это время с Одуваном произошли странные метаморфозы. Алкоголизм, ровно, как и наркомания, относятся к разряду тех немногих болезней, которые разрушают человека не только физически, но и духовно, ибо на их почве начинается быстрая деградация. И Одуван это знал, чувствовал. У них с Нюжкой было одно общее: и он, и она сами, добровольно, записали себя в разряд людей второго сорта без всяких амбиций, с потерянным чувством достоинства и самоуважения. Они смирились, свыклись с этим положением и не пытались покинуть ту нишу, которую отвело им общество.

Самое страшное для Одувана в похмелье было даже не головная боль и не физическое недомогание, не боязнь, что его в очередной раз «трепанет» эпилепсия, а пробуждение разума. То, от чего хотелось отмахнуться вчера, утопить в хмельном угаре, предать забвению, вновь начинало материализоваться, приобретать грозные очертания, приближаться с роковой неизбежностью.

Одувану стало дурно. Он вдруг почувствовал в пригрезившемся ему этой ночью кошмаре какую-то страшную пророческую силу — вся его безалаберная и беспутная жизнь, как взбесившаяся лошадь, тащила

его волоком к неминуемой развязке. Бесхарактерность, затянувшееся детское дурачество, отсутствие силы воли и цели в жизни, стремления к чему-либо и были теми роковыми вожжами, которыми еще некоторое время назад он, казалось, управлял сам, а сегодня они, захлестнув кисти рук, влекли его к трагическому закономерному финалу, и близость его повергала в ужас больную, измученную, заблудшую душу Одувана.

Ночная тьма, плотная, как сукно, закачалась и поплыла перед глазами, и этот черный, отдающий осенней сыростью холст стал окутывать, пеленать Одувана, заворачивать в кокон. Бьющееся с перебоями сердце, словно выстукивая азбуку Морзе, посылало в мозг сигнал бедствия — это было предвестием эпилепсии. Тело трясло, как от электрического разряда. Воздух вдруг загустел, стал вязким, разряженным. Он перестал насыщать кислородом отравленную алкоголем кровь. «Господи, только не это!» — взмолился Одуван. Страх перед надвигающейся на него черной бездной лишь усиливал симптомы припадка — помощи было ждать неоткуда. Неизвестно к чему вспомнилось, как пацанами они, испытывая себя на смелость, ныряли в речной водоворот, который так и назывался — Чертова верть. Этот тест на проявление мальчишеской отваги был не для слабонервных: ледяное течение, словно вокруг невидимой оси, вращало тело с такой силой, что невозможно было понять, где дно, где поверхность. Сопrotивляться было бесполезно. Человек уже мысленно прощался с жизнью, раскаиваясь в своем опрометчивом поступке и погружаясь все дальше и дальше в горловину гигантской воронки, призывал на помощь Бога, ангела-хранителя, родную мать. И случалось чудо — какая-то неведомая сила жесткой рукой подводного течения хватала за шиворот глупого ныряльщика и выбрасывала на поверхность метрах в пятидесяти от водоворота. И сейчас Одуван уповал на подобное чудо. Он ждал его. Ради этого он был готов присягнуть кому угодно, взять на себя любой, даже самый невероятный обет, поклясться женой, детьми, престарелой, выжившей из ума матерью, лишь бы только его вынесло куда-нибудь на безопасное место, выхватило бы из этой мо-

гильной тьмы, из этого равнодушного к его бедам дома. Только бы не сейчас пришлось платить по счетам, только бы не сегодня. Одуван не был готов к этому.

А ночь тянулась и тянулась, тоскливая и бесконечная, как нить какого-то гигантского клубка. На улице шел дождь, и время, словно увязая в грязи, как утомленный долгой дорогой путник, с трудом переставляя ноги, двигалось медленно и неуверенно.

«Господи, да будет воля твоя!» — взмолился Одуван, и чудо не преминуло явиться. На сей раз Господь Бог не стал разверзать морскую пучину, сыпать манну небесную или проливать серный дождь на головы грешников — чудо, снизошедшее на Одувана, было самым обыденным и примитивным, но тем не менее оно сулило спасение, отсрочивало финал трагической развязки, давало еще один шанс что-то поправить в этой жизни. Радио грянуло гимн России — широко, мощно, жизнеутверждающе, и этот гимн оповещал утро. Он не будил в душе чувство патриотизма, а просто благословлял жить. Одуван воспрял духом.

Переступив порог дома Марии, он долго вытирал ноги, затем, сняв с головы кепку и стряхнув с нее водяную пыль наземь, поздоровался со старухами. Одуван как-то не решался сразу сказать о цели своего визита, но, глядя на его испитое, измятое, будто на нем кто сидел, лицо, мешки под глазами, предынфарктную одышку, вздувшиеся на висках вены, было и без того понятно. Беле-тый и редкий пух на его голове сваялся от пота, и сквозь него четко просматривались многочисленные шрамы пьяных драк и падений. Не имей наш народ страсти к краткости, Федора Ситникова сейчас следовало бы именовать Одуван Облетевший — так сказать, осенний вариант. Старухи исподтишка сверлили его глазами, изучая и осуждая одновременно. Смотрели недобро, с каким-то злым умыслом, как смотрит стая бродячих собак на чужака, вторгнувшегося на их территорию, где стоит только твякнуть одной шавке — и бросится вся стая. Одуван робко топтался на месте. Положение спасла Мария:

— Ну что, Федор, голова, поди, болит?

Одуван воспрянул духом.

— Чего тебе объяснять — ты женщина умная.

— Придется, видно, похмелить тебя. Вы вчера молодцы — дождь ли снег, а могилу выкопали.

— Так ведь ты к нам по-людски, и мы к тебе тож.

Одуван подошел к столу и присел на край табуретки. Он чувствовал внутренний дискомфорт, ну да раз приперся — нужно сидеть до конца.

Мария молча поставила перед ним салат и тарелку с колбасой, достала из серванта графин с самогоном и рюмку:

— Похмелись, Федор, жаль только компании тебе составить некому — бабушки не пьют, а я и без вина пьяная.

Графин запрыгал в руках, и Одуван, осознав, что вряд ли он сможет налить из него в рюмку, попросил граненый стакан. Со стаканом трюк наливания самогона удался.

— Царство ему небесное...

Стекло дробно застучало об зубы. Делая над собой невероятные усилия, Одуван пытался протолкнуть жидкость внутрь, а протестующие позывы желудка, рвотные спазмы выталкивали её наружу. Ручейки самогона потекли по подбородку. Одуван давился, но пил, пил и давился. Лицезреть эту картину было крайне неприятно. Наконец огненная лава, прокатившись по пищеводу, упала на дно желудка, дрожь в конечностях понемногу унялась, острые рифы реальности вновь стали тонуть в тумане хмельного наваждения.

— У меня, Федор, сток у коровы забился — сходил бы, посмотрел.

Одувану сейчас не хотелось вставать из-за стола, выходить на улицу — он боялся спугнуть движением то блаженное состояние, в котором пребывал, но делать было нечего. Он вновь налил себе полстакана, залпом выпил, пару раз ткнул вилкой в салат и нехотя поднялся с табуретки.

— Закуси,куси, а то, не ровен час — развезет тебя, — забеспокоилась Мария.

— Еда — дело поросычье. Закусь градус крадет.

Одуван вышел на улицу. Несколько раз затем он прибежал в дом то за ломом, то за

топором, то за гвоздями, что-то там рубил, прибывал, пристраивал. Вскоре его тощая, долговязая фигура вновь показалась на пороге. На сей раз он чувствовал себя более раскованно: не дожидаясь приглашения, сел за стол и потянулся к графину:

— Имею право. Если бы не я, стала бы твоя корова бегемотом. Сейчас вода сойдет — сухмень будет. Рассветёт — крышу посмотрю.

— Молодец, Федор. Только ты больше не пей, лучше потом выпьешь. У меня к тебе еще одно дело есть.

Одуван вопросительно уставился на Марию, закрывая по очереди то левый, то правый глаз, будто наводя резкость.

— Ты, когда гроб понесут, беги напрямиком с ведрами на кладбище — нужно воду из могилы отчерпать.

— Будет сделано! — Одуван попытался встать и по-военному приложить руку к голове, но центр тяжести его тела отчего-то сместился назад, и он не смог оторваться от табуретки.

— Иди пока отдохни дома, смотри только похороны не проспи.

— Сказал: буду — значит, буду! Моё слово — кремень.

Старухи между тем завели разговор о своих детях и внуках, как бы ставя их в пример: «Вот мой Петенька, вот мой Юрочка, Ромочка с Женечкой...», причем говорили они о них с таким показным умилением и гордостью, что Одувану это не понравилось:

— Оно понятно — своя сопля слаще. И хорошие они, и пригожие. Водку не пьют, с девками не гуляют, матом не ругаются — один всю жизнь учится, другой всю жизнь учит, третий из-за границ не вылезает. Чего же они такие правильные вас, старух немощных, в деревне-то оставили на пьяницу Одувана? А? Молчите? — сам, не ожидая того, Одуван попал в «десятку», и старухи дружно принялись опровергать эту горькую истину.

— Да они нас каждый год к себе зовут, только мы не едем!

— А почему не едете? Потому что приедете вы к своим хорошим сыновьям, бросят вам снохи дерюжку возле двери, как собаке, и скомандуют: «Место!» И кончится ваша

вольница, а станете языками чесать — взащей вместе с вашими хорошими детьми и внуками погонят. «Вот мой Юрочка магазин в Москве купил» — а крест матери на могилу поставить хоть бы за пять копеек объегорил. Стыдоба — могила бесхозная. Я ладно — пьяница: утром добыл — в обед пропил, а они трезвенники? А кто меня пьяницей сделал? Вы и сделали. Я, может быть, через свою доброту и гибну. Одуван такой, Одуван сякой, а чуть что — все бегут к Одувану. Хрен бы Женечка с Ромочкой пошли бы могилу в дождь копать — им положение не позволяет, здоровья жалко, а я пошел. Забор починить — я, а мне бутылку самогона и то норовите на курьяке настоять для крепости, чтобы еще дешевле обошлось. Своим детям вы, небось, такую отраву не нальете, а мне можно, я — Одуван.

— Что ты оплетаешь, кошелка бездонная? Налил бельмы, так не городи окоlesiцу. Кто тебя самогонкой с курьяком поил? Силком тебе ее что ли в глотку заливали? Ты если и сделаешь чего, так потом сто раз похмеляться прибежишь, — взьелись на Одувана старухи. — Не пей — бери деньгами.

— А деньгами опять на ту же самую бутылку самогонки дадите? У нас есть электрик непьющий — двести рублей за установку розетки берет, по сто рублей за каждый шуруп, что-то вы его трезвость не очень-то приветствуете, потому что жадные вы, сквалыжные, и правильные вы только через жадность свою. Если я пить брошу, так вы первые же и взвоете. Нюрка год не пила, так вы извелись все от черной завести. Как же так: раньше она какое ведро комбикорма украдет на ферме — к вам тащит за стакан косорыловки, а тут все в дом, корову завела, свиноматку. Радуйтесь — опять запила! Все теперь прахом пойдет, глядишь, из этого праха и к вашим рукам что-нибудь пристанет, — на глаза Одувана навернулись слезы. Ему вдруг стало нестерпимо жалко себя, а уже по отношению к себе и всех остальных: беспутную сожительницу Нюрку, малолетних детей, больную старуху-мать. Стало пронзительно жаль свою бесталанную загубленную жизнь и жизни тех людей, которые так или иначе были с ним связаны. Чувство обреченности обострилось и, как грозные

гибельные рифы, явственно просматривалось сквозь серую хмельную завесу. Опять вспомнилась Чертова верть: какая-то невидимая и страшная сила, словив сопротивление, измотав в бесполезной борьбе силы, парализовав волю, овладев душой и телом, неизменно влекла во тьму, на дно, в пустоту бесславного забвения. Ледяной ужас безысходности холодил душу. Отрадное блаженство похмелья было решительно испорчено. Осознав это, Одуван матерно выругался.

— Тише ты, охламон, чего тебя нечистый разжигает — покойник в доме, — зашушукали на него старухи.

Дико сверкая глазами, Одуван осмотрелся. Ему вдруг почудилось, что навстречу к нему из зала двинулась сгорбленная тень в каком-то черном балахоне, но, попав в полосу света, тень замешкалась, скукожилась и поспешно ретировалась за печку.

— Игорька уважаю! У нас во всей округе таких людей нет, и еще сто лет не будет. Бывало, придет ко мне по поводу моего балбеса-цыганенка, он у них классным руководителем был: «Повлияй, — говорит, — Федор, на него: никак не хочет, сволочь, учиться». А как я могу на него повлиять? А? Был бы я ему родной отец — я бы ему шкуру на ленты со спины кнутом бы спустил, а так как? — Одуван обвел присутствующих остекленевшим, немигающим взором, будто он проводил сеанс массового гипноза. Выпроводить теперь его было весьма затруднительно, но помог случай.

Возле дома затарахтел трактор, и через минуту в дом вошел Сергей Кряжин. Поднимаясь на высокий порог горницы, Сергей стукнулся головой о притолоку и выругался:

— О, черт! Всю жизнь хожу — никак не могу привыкнуть.

Его фамилия как нельзя лучше подходила к нему: высок, статен, широкоплеч, с румянцем на загорелом лице. Из-под кожаной кепки выбивались темно-русые кудри. Кряжин был человеком богатырского телосложения, особенно привлекала внимание его могучая грудь. При каждом вздохе она высоко вздымалась, и казалось, в неё входит целая бочка воздуха.

— Тетя Мань, я трактор завел — за елками ехать, а там дорогу размыло, вряд ли проеду, может, сосны нарубить?

— Давай сосны, какая разница.

Сергей взглянул на осоловевшего Одувана:

— А ты здесь за какой надобностью?

— Он вчера могилу копал.

— Понятно. Вчера пьянка — сегодня похмелька, свадьбу какую нашли.

— Сергей, свез бы ты его домой — пускай проспит.

— Тетя Мань, когда мне его развозить: пока доеду, пока сосновых лап нарублю — уже пора будет гроб нести. Брось его на сеновал, и пусть спит, сколько ему влезет.

— Так ведь замерзнет.

— Не замерзнет, авось, не зима. Ему сейчас свежий воздух только на пользу.

— Сарай сожжет, — не унималась Мария, ей было жалко несчастного Одувана, да и не по-людски это — отправлять человека спать на сеновал в ноябре месяце, и она всячески противилась этому. — Крысы там, как лошади... к тому же...

— Тетя Мань, — засмеялся Кряжин, — крыса — тварь умная, станет она Одувана кусать — он мылся последний раз в половодье, да и то в луже.

Сергей поднял обмякшее тело Одувана, потрянул его и, выложив из его карманов сигареты со спичками, потащил к выходу — тот, перебирая заплетающимися ногами, бормотал что-то бессвязное.

Одувана не стало, но старухи еще долго находились под впечатлением увиденного и дружно принялись обсуждать всю мерзость его падения, тщетно пытаясь докопаться до причин нравственной деградации.

— А какой он маленький был? Как есть ангел: волосики кипельные, глазки — синь небесная. И вот что чудно — брови до того густы и черны, будто их кто углем нарисовал. Голосок, как колокольчик, заливается. Бывало, бежит из школы, возле каждого двора остановится — все новости расскажет, стар ли, мал — со всяким поздоровается. В стадо пойдет корову встречать — свою домой гонит, да еще пять соседских. Думается, краше его и душевнее во всей деревне не было. Что могло случиться? Прямо кто заколдовал человека.

Мария молчала, и сейчас, слушая старух, ей почему-то вспомнилась фраза, брошен-

ная сегодня пьяным Одуваном: «Может, я через свою доброту и гибну?» Возможно, Одуван был не так и далек от истины.

* * *

На улице мутным, белесым светом плескалось утро. Казалось, сама природа тяжело занедужила и, словно мечась в бреду, обильно потела холодной изморосью, покрывалась испариной утренних туманов. Дождь кончился, но серое, пасмурное небо было беспросветно. Ветер рвал пелену свинцовых туч, пытался рассеять их, но они, как капельки ртути, по крупинкам упрямо сползались вновь и соединялись в лиловые пятна, и, уже почувствовав свою мощь и значимость, острова-тучи спешили навстречу друг к другу, соединялись в континенты и тяжело ползли за линию горизонта. Пропитанный влагой воздух дрожал на ветру, сыпал холодную мзгу под порывами ветра.

Деревья давно облетели, лишь кое-где в садах омытая и отполированная дождями еще теплилась золотистым воском на макушках яблонь антоновка. Одетые в тяжелые бронзовые кольчуги, угрюмо стояли дубы. Их листья уже не сверкали на свету, а темнели благородным оттенком, как и положено бронзе, которую тронуло дыхание времени.

Трактор тонул в непролазной грязи и больше походил на катер, чем на сухопутное средство передвижения. Его капот погружался в очередную лужу и почти скрывался в ней. Мотор на какое-то мгновение замирал, словно у него захватывало дух от погружения в ледяную воду, затем, истощно воя, выпускал в небо шлейф черного дыма, и трактор на брюхе выползал на сушу. Одноосный прицеп заносило, и Сергей, бешено вращая руль в противоположную заносу сторону, матерился и вытирал пот со лба рукавом джинсовой куртки.

Самым опасным участком пути была плотина: справа от неё был пруд, а слева — крутой обрыв. К счастью, трактор, как по рельсам, скользил по глубокой колее, и стащить его куда-либо в сторону уже не могла никакая сила. Бросив бесполезный в данной ситуации руль, Кряжин закурил.

Смерть Игоря потрясла его. Ему до сих пор не верилось, что Игоря больше нет. Они

были друзья. Их многолетняя связь основывалась на взаимных симпатиях и уважении. Эта дружба была труднообъяснимой для тех, кто их знал. Они были полной противоположностью друг другу. Игорь — тщедушный, бойкий, начитанный, тяготеющий к наукам; Сергей — медлительный, нерасторопный, как медведь, наделенный от природы богатырским здоровьем и весьма заурядными умственными способностями, предпочитающий книгам лошадей и технику. Как могли дружить между собой эти абсолютно разные по своим характеристикам люди? Оказывается, очень даже могли, ибо они как нельзя лучше дополняли друг друга.

Еще в первом классе Сергей взял на себя роль опекуна Игоря: они были из одной деревни, и чужие ребята могли обидеть маленького и квелога Игорька — маменькиного сыночка, шустрого и непоседливого. Сергей пришел в школу румяным крепышом, самостоятельным и уверенным в себе. Рано лишившийся отца, воспитанный на пинках и подзатыльниках старших братьев (мать день и ночь работала), Сергей научился сопротивляться насилию, не бояться боли и людей, которые были сильнее него. Кряжин не по годам чувствовал себя взрослым. Он был всегда чист, опрятен, никогда не бегал, не скакал на переменах, а, как взрослый человек, был степенен и рассудителен, к тому же взрослые, как правило, о ком-то заботятся, и жребий пал на Игоря.

Удивительно, но даже к маленькому первокласснику Сергею Кряжину все в школе относились с уважением, включая учителей и старшеклассников, хотя среди последних были отчаянные сорвиголовы. Возможно, здесь сказывался авторитет старших братьев.

Братьев Кряжиных побаивалась вся округа. Нет, братья не были хулиганами, представителями дворовой шпаны, кандидатами в урки, наводящими полночный ужас на законопослушных граждан. Блатной мир существовал параллельно с ними. Но даже бывшие зэки, которых в округе было немало, — люди в большинстве своем трусливые, способные в основном на дешевые понты, были вынуждены считаться с братьями, зная их сплоченность и мобильность. И если маленькому

Сергею и перепало от братьев тумачков, то только исключительно в воспитательных целях. Братья Кряжины были необыкновенно дружны: за стол врозь — и то не садились, друг за друга горой стояли. Сергею и по сей день не понятно, как матери одной удалось их воспитать такими дружными. Казалось бы, она особенного усилия к этому не прилагала, да и когда ей было их воспитывать? Дома она бывала лишь в перерывах между дойками, начиная с четырех часов утра — первой — и кончая полуночью — последней.

Трактор тащился вдоль пустого, распаханного поля — все было пусто и неприглядно. И на душе такая же безотрадная, гнетущая пустота. Душа сейчас чем-то напоминала брошенный на произвол судьбы дом, из которого спешно съехали домочадцы. И этот дом, долгие годы служивший людям верой и правдой, горько обиделся на несправедливое отношение к нему. Разочаровавшись во всем, одинокий в своей никем не разделенной трагедии, он нарочно подставил грудь жестоким ветрам и с губительным равнодушием стал внимать происходящему в нем процессу разрушения. Злые сквозняки, проникающие через разошедшиеся, покореженные от бездействия двери, поднимали смерчи пыли, и эта пыль воспоминаний, восходя вверх по солнечному лучу, словно вызвала аллергию: глаза слезились, в горле першило, и какая-то щемящая тоска сдавливала сердце.

Смерть Игоря была не что иное, как легкое дуновение ветерка, неосторожный крик, случайный выстрел, который привел в движение огромную, все сметающую на своем пути снежную лавину. Остановить этот процесс, который смерть Игоря спровоцировала в душе Кряжина, уже было невозможно, а последствия его были непредсказуемы. Сергей чувствовал себя самым несчастным человеком, но объяви он публично о своем несчастье — никто бы в это не поверил. Сказали бы: «С жиру бесится!» А беситься было с чего. Жил Кряжин, как удельный князь. Разумеется, ни холопов, ни дружины у него не было, зато была всемогущая теща, благодаря которой он мог позволить себе быть уверенным в завтрашнем дне, а это многого стоит.

Думается, что еще человеку надо? Молодая жена — красавица, дети здоровые, дом — полная чаша. Половину колхозной техники приватизировал, вся деревня, глядя на его жизнь, черной завистью извелась, включая родных братьев. Но во всем этом житейском благополучии чувствовался какой-то подвох: не под заклад ли души сии милости над ним распростерлись? Да и хозяин ли он в своём новом доме, построенном по проекту и на средства его тещи Эльвиры Исааковны?

Свою тещу, Эльвиру Исааковну, Кряжин как в лотерею выиграл. Вот уж не думал, не гадал, не строил расчетливых козней, не вынашивал тайных планов — все как-то само собой вышло. Словно сработал необъяснимый феномен Чертовой верти — каждому своё: Одувана подхватило одно течение, Игорька Воеводина другое, а его, Сергея Кряжина, третье. Закрутило, завертело, понесло и выбросило на относительно тихую и благополучную заводь.

Теща Кряжина Эльвира Исааковна благоволила к молодым и осыпала всевозможными милостями. И было с чего. Тридцать лет она проработала главным бухгалтером колхоза: жила, как лиса в курятнике, разве что птичьего молока не было. Потом, когда родной колхоз забился в конвульсиях демократических преобразований и сажать, сеять, выращивать скотину стало немодно, а людской слух коробили непонятные и чуждые русскому духу слова, такие как «ваучер», «приватизация», «плюрализм» и т. п. — она изощрилась от раздела колхозного имущества получить свою львиную долю. Для Эльвиры Исааковны наступили самые благодатные времена — «все вокруг колхозное, все вокруг мое». В мутной воде нового «смутного времени» теща чувствовала себя так же свободно, как щука в половодье. Но это было потом, а тогда Сергей Кряжин только пришел из армии.

Недуг любви еще ни разу не тронул его сердце. Сердце Кряжина билось ровно и ритмично. Оно ни о ком не болело, ни к кому не звало, не считало часов до предстоящего свидания — стрела Амура не кровоточила в нем, лишая покоя и сна. А так хотелось этого. Все юношеские симпатии, любов-

ные увлечения, счастливые минуты свидания, какие-то смешные и по-детски наивные размовки, юношеский максимализм, павлинье позирование перед какой-нибудь глупой девчонкой были тщательно рассмотрены Сергеем во время бессонных ночей в караулах, подшиты, пронумерованы и с надписью «хранить вечно» сданы в архив памяти. Большинство его ровесниц к тому времени уже вышли замуж, часть из них уехала, а оставшиеся свободными или обзавелись дурной репутацией, или как женщины не интересовали Кряжина.

А на дворе стоял озорник месяц май. Казалось, что никогда еще так буйно не цвели сады, не кипела так сиренево-белой пеной сирень в палисадниках и соловьи не зазывали так чарующе в заповедные места влюбленных. От этого весеннего наваждения хотелось любить и быть любимым, хотелось до безумства упиться этой любовью, драться ради неё, стреляться на дуэли, скакать за тридевять земель на взмыленной лошади и еще Бог весть чего. Цветень-май сотворил чудо — он сделал Кряжина романтиком. Он разбудил в Сергее те природные силы, именуемые скептиками гормональным взрывом, пришпорил их, как удалой всадник пришпоривает ретивого коня, и отпустил поводья, полагаясь на волю случая. Кряжин походил на племенного колхозного быка, простоявшего долгую зиму на цепи и сейчас наконец вырвавшегося на волю. И от неожиданно обретенной свободы, от весеннего духа, от многоголосья весны, многоцветья трав, ультрамарина безоблачного неба он вдруг неожиданно пришел в замешательство: всё было настолько хорошо, что делалось дурно, ибо к сердцу подкатывала такая сладкая истома, вызванная томительным ожиданием скорого грядущего, которое, несомненно, должно быть прекрасным.

Кряжин отдыхал после армии: чинил матери забор, копал огород, возился с мотоциклом, рыбачил. Редкий день обходился без гостей; приходили то друзья, то братья с женами и детьми. Мать, украдкой плача от радости, накрывала стол под цветущими вишнями. Братья постарели. Старший, Федор, хотя и был по-прежнему широк в плечах, заметно высох, могучие руки стали узловаты,

как суки дуба, скрученные в прочный канат неистовыми ветрами. Средний, Александр, напротив, оброс жирком, раздался вширь, от чего стал казаться ниже своего роста. Александр уже давно уехал жить в Москву и в родной деревне бывал лишь короткими наездами. Федор жил в соседнем селе, но, по словам матери, жил несладко — работы в колхозе не было, да и за ту, которая была, годами не платили зарплату. До пенсии ему ещё было далеко.

Сергею пить не хотелось. Он лишь чокался с братьями и, пригубив из рюмки, ставил её на место. Не хотелось притуплять приятную остроту чувств этого весеннего наваждения. Братья ударились в воспоминания:

— Помнишь, как я тебя маленького блинами обкормил? А-а, да где тебе помнить: ты ещё тогда даже и ползать-то не умел! — Сергей действительно этого не помнил, хотя эту историю слышал неоднократно и от братьев, и от матери, и от соседей. Александр, закулив, продолжал: — Мне тогда самому лет семь было: мать с Федором на дойку ушла, меня с тобой сидеть оставила. Говорит, проснётся — покормишь его кашей из бутылочки, перепеленаешь, пустышку дашь. Куда там, орешь дурниной, кашу не ешь, пустышку выплевываешь — замотал ты меня. Впору хоть в одеялку тебя заворачивай и неси к матери в коровник. А ты даром что грудной, а тяжел — жутко, из кровати не вытащишь. Какого хрена ты орал, аж посинел весь. Может, у тебя живот болел?

— Да откуда я знаю, что у меня тогда болело.

— Измучился я с тобой. Ты — плачешь, я — плачу. Чего я только не делал: и котика к тебе в кровать бросал, может, думаю, отвлечешься, и песни пел, и рожи смешные строил, и козу-дерезу делал — бесполезно — орешь, хоть из дома беги. Тут мне на глаза и попалась тарелка с блинами. Блин в трубочку сворачиваю и тебе в рот — тишина: вытащить ты его не можешь — руки пеленками прижаты, выплюнуть тоже — вот и шамкаешь её беззубым ртом. Только от одного блина освободишься — у меня уже другой наготове. Хорошо мать быстро

вернулась — блинов в тарелке ещё много осталось. Кормил я тебя, как борова на убой.

— Оттого, верно, и вырос такой, — сделал вывод Фёдор. — Всех нас габаритами переплюнул.

— Он ещё цветёт, а мы уже сохнем, — сказал Александр.

— Особенно ты усох! — Фёдор всегда славился едкими замечаниями. — Ты на чем там, по Москве, сейчас катаешься?

— На ГАЗели.

— Проси КАМАЗ, а то скоро в свою колымагу не поместишься — добреешь, брат.

Братья смеялись, как в былые времена, дурачились, устраивая борьбу на траве в саду, мерились силой на руках, затем вновь садились за стол, чтобы выпить и закусить. Мать тоже как-то робко присаживалась к ним на край скамейки, жадно ловила каждое слово братьев, внимательно следила, чтобы количество выпитого соответствовало количеству съеденного, и с великой радостью хлопотала около стола, бегая то в дом, то из дома.

— Мать, да посиди ты с нами, мы, чай, уже не маленькие — захотим чего, сами дорогу к холодильнику знаем, — уговаривали её братья.

Мать была непреклонна:

— Сегодня вы мои гости — я вас угощаю. Вот когда приеду к вам — тогда вы меня потчуйте. А я сяду как барыня за столом и даже шагу к плите не ступлю — там пусть ваши жены командуют, но за столом я буду сидеть крепко, и никто меня не сгонит. Недаром говорится: у дочери в доме держись за лавку, а у сына — за печку. Эх, Петеньки нет нашего за этим столом. Как он там, беденький, на воде да хлебе? Хлеба, небось, и то не вдоволь дают. А все я — дура старая. И на кой мне сдалась это Северьянова поляна с её травой, пусть бы её хоть трактором перепахали, — мать, закусив концы платка, беззвучно зарыдала.

Петр — второй брат по старшинству после Фёдора — сизмальства отличался каким-то обостренным чувством справедливости, чем еще в школе доводил учителей до белого каления. Своими бесконечными вопросами: «Почему так, а не иначе?» — он мог спровоцировать на нервный срыв самого

закоренелого меланхолика. Если мать и вызывали в школу, то исключительно по поводу Петра. Учителям казалось, что он издевается над ними. И Чацкий ему не нравится, и Раскольников не устраивает, ибо не видит он в нем, в отличие от общепринятого мнения, жертву самодержавия, а напротив, находит его поступок трусливым и подлым, поскольку в качестве доказательства своей гнусной теории Раскольников выбрал не генерал-губернатора, не министра, не царя, а самое слабое и незащищенное существо — немощную старуху. Еще сложнее обстояли дела с историей. В ней и вовсе Петру виделся какой-то чудовищный сплав героизма и трусости, подлости и патриотизма. Еще «на заре туманной юности» Петр слыл в округе отчаянным сорвиголовой, из-за чего постоянно попадал в различные переделки, связанные в основном с драками и был частым гостем в местном РОВД. Прошло время — Петр отслужил в армии, причем в самой элитной её части, в ВДВ, в разведроте, что впоследствии суд рассмотрит как отягощающий вину факт — возмужал, заматерел, на многие вещи стал смотреть реальнее, правда, сквозь призму какого-то горького разочарования. Юношеский максимализм не только не сгладился в нем, а заострился, превратился в какой-то уродливый нарост, создающий неудобство и внутренний дискомфорт.

Северьянова поляна уже долгие годы по неписанным деревенским законам считалась Кряжинской вотчиной. Впрочем, из местных жителей на неё особенно никто и не претендовал: во-первых, она находилась в трех километрах от деревни — у черта на куличках, посредине леса, и проблема состояла даже не в том, чтобы накосить сено — нужно еще умудриться вывезти его по лесной дороге. Во-вторых, подобных угодий в округе было великое множество. Но братьям нравилось именно там заготавливать сено. Уж больно место было живописное: и родник в ста метрах, и до реки рукой подать. Тут тебе и работа, и рыбалка, и грибы, и ягоды. Тишина, покой, уединение.

Один пруд, неизвестно когда и кем и для каких целей вырытый, чего стоил. Из-за множества ключей, подпитывающих даже в самую нестерпимую жару, вода в нем была ле-

дяная. Он никогда не цвел и не мелел. Поросший густым ивняком и лозинками, скрытый от людского глаза лесной чащей, этот пруд облюбовали дикие утки. А какая там была рыбалка! Клевал неизвестно каким чудом сохранившийся здесь красный карась, прозванный в простонародье лапотником, ибо по форме и по величине он напоминал крестьянский лапоть. Секрет ловли этого экзотического карася знали только братья. Следуя каким-то вековым традициям, карась клевал только на восходе или закате солнца и исключительно на ручейника из этого же пруда. Непосвященный человек мог бы просидеть, глядя на поплавок, хоть неделю и ничего не поймать, кроме гребнистых, как крокодилы, тритонов и огромных жирных пиявок.

На Северьяновой поляне Кряжины соорудили шалаш, чтобы было где переждать ненастье и отдохнуть в знойный летний полдень.

Однако красота и удаленность Северьяновой поляны от плодов цивилизации, молоденькие елочки, обрамляющие поляну, дикорастущие яблони, посаженные, по преданиям, монахами-отшельниками, близость родника и зеркальная гладь омутов спокойной реки привлекали к себе не только братьев Кряжиных, но и праздных туристов, рыскающих по заповедным местам в поисках еще не загаженного места. Говорят, в стародавние времена через Северьянову поляну с войском проходил Батый. Если это даже так, природа благополучно залечила следы татарского нашествия, залатала колеи от тяжелых обозов, стенобитных орудий, избавилась от оспин подков многотысячной конницы, и долгие века Северьянова поляна вкушала благодатный покой этого тихого, намоленного места. «Иных времен татары и монголы», не известно по чьей подсказке облюбовавшие Северьянову поляну для своих пикников, методично и бездумно, с каким-то тупым равнодушием интеллектуальных скотов, без всякого зазрения совести калечили и уродовали эту первозданную хрупкую красоту, постепенно превращая её в помойку. Они жгли костры, корчевали мощными джипами вековые яблони, разбивали уже сложенные копны с сеном, которые в случае дождя протекали насквозь и приходили в негодность.

После каждой такой вакханалии «продвинутой молодежи» на природе братья шли поправлять копны и закапывать в овраге горы мусора. Подвергшаяся насилию вандалов Северьянова поляна взывала к отмщению. Петр со свойственной ему прямоотой воспринял это как личное оскорбление. Для него это было все равно, как будто бы незванные, нежелательные гости вломились в его дом, напились пьяные и принялись бы глумиться над тем, что мило и дорого сердцу. Северьянова поляна отождествлялась с памятью о детстве, о юности, и надругательство над ней также пробуждало в душе благородный гнев, как если бы пьяный хам у него на глазах взял их семейный альбом и, грязно комментируя каждую фотографию, стал бы рвать и комкать пожелтевшие от времени снимки. Кто они такие — эти развесёлые молодчики — сытые, холеные, чванливые? Кто дал им такое право с пренебрежением и высокомерной брезгливостью относиться к крестьянскому труду? Они что — не едят хлеба или не пьют молока? Они знают, какво косить, сушить, скирдовать сено?

Дискуссии между сторонами не получилось. Вначале побили Петра. Среди отдыхающих был один профессиональный боксер, и он четко поставленным ударом отправил Петра в нокдаун. Радетеля справедливости немного попинали и бросили в кусты. Петр отлежался, умылся в роднике, застирал испачканную кровью рубаху и навестил отдыхающих второй раз.

Адвокат потерпевших на суде из этого случая развил целую теорию, такую же подленькую, как и её автор. Он сказал, что Петром руководила исключительно черная зависть, которой он воспытал всеми фибрами своей непросвещенной души к этим преуспевающим молодым людям, ибо у них есть всё: работа, бизнес, материальное благополучие а у Петра нет ничего, кроме телогрейки и резиновых сапог. Адвокат напомнил суду о том, что подсудимый — бывший десантник — человек, которого армия два года добросовестно обучала убивать и калечить людей. Потерпевшие же, напротив, — рафинированные интеллигенты, а интеллигенция в России во все времена страдала от мужицкого произвола. По мнению этого адвоката, выходило,

что Петр — исчадие ада, монстр, свирепый, хладнокровный, безжалостный, и, оставляя его на свободе, суд тем самым несет полную ответственность за все его последующие преступления, а в том, что они непременно будут, защитник не сомневался.

Адвокат же Петра, запинаясь, нес какую-то околесицу, сыпал сорными словосочетаниями, как метель белым снегом: «так сказать», «надо полагать», «следует понимать», «хотелось бы думать». Будучи совершенно неподготовленным к судебному процессу, он, как школьник, плохо выучивший урок, с помощью этой словесной белиберды просто тянул время до перемены. В результате он сам стал заложником своего косноязычия, стал путаться в фамилиях и именах, а затем и вовсе запямятовал, на каком процессе он находится. Откуда его мать только выкопала? Ободрал как липку, а сам двух слов связать не может. Петр играл желваками, изнывая от желания выпрыгнуть из металлической клетки, раскидать конвой и дать в ухо и своему адвокату, и чужому.

В последнем слове сам, еще больше усугубляя свою вину, он скажет: поскольку силы были неравные — четверо против одного, не считая девок, которые висли у него на плечах, кусались и царапались, бить, приходилось так, чтобы человек уже больше не представлял опасности, вкладывая в удар всю силу и навыки рукопашного боя. Итог этой драки печален: двое из потерпевших стали инвалидами, Петр получил семь лет лишения свободы.

Когда объявили приговор, Петр вдруг сжался, забился, как зверь, в угол клетки, обхватил голову руками и заплакал от обиды:

— Значит, у меня, кроме резиновых сапог, ничего нет?! Да у меня Родина есть, слышите вы, черви бумажные, Родина! Э, да вам, космополитам, этого никогда не понять. Вам ведь везде хорошо. Для вас что Россия, что Турция, что Израиль — одинаково. Службу в армии мне в вину ставите? Убивать меня там учили? Да — учили. Там и до сих пор учатся убивать те, у кого Родина есть. Иначе давно пришли бы какие-нибудь китайцы и забили бы вас палками, как кроликов. А что так мало дали?! Я еще молодой и четвертак сдюжу! — Петра вывели из зала.

Сергей последний раз видел Петра на своих проводах в армию. Об этой трагедии он узнал из письма матери.

В тот год удивительно пышно цвели вишни, так, что в белой кипени цветов не было видно листьев. На них, нагруженные нектаром, мирно гудели пчелы. Они опускались на белые бутоны цветов, качались на них, стараясь забираться внутрь, иногда срывались вместе с лепестками и падали вниз, но, не долетев до земли, спохватывались и вновь устремлялись вверх. И так с утра и до темной ночи. Обильный взятки лишил их покоя. Молоденькая травка была густа и шелковиста. От желтизны одуванчиков рябило в глазах. Старый подслеповатый кот с обмороженными ушами, наверное, впервые за полгода слез с печки и, доковыляв до огорода, растянулся на солнце между огуречных грядок, и на его морде, с редкими облезлыми усами, отобразилось блаженство. От земли исходил сладостный дух. Весь мир утопал в цветах, зелени и синеве небесного всеобъемлющего света. Везде и во всем бурлила жизнь — зачиналась, вынашивалась, рождалась, крепла, стремилась самоутвердиться.

До армии на свою будущую жену — Жанну Владимировну — Сергей не обращал внимания. Так себе — недоросль: маленькая, пухленькая, как медвежонок. А тут за два года в такую красавицу превратилась: в пору в гляцевый журнал фотографировать. Ростом вышла, грудь налилась, бедра округлились, ножки, ручки словно точеные, румянец во всю щеку — такой и красной свеклой не наведешь. Глаза, как бездна. Смотришь в них, как в омут, а там будто маленькие чертики прыгают. Веселая. Смех — чего ни скажи, заливается на всю деревню, заглушает всех: и соловьев, и лягушек.

А на дворе весна: ночь дивная — луна, звезды, воздух на цветочном отваре настоян. Такой воздух, кажется, не вдыхать нужно, а смаковать, как дорогой коньяк. Девушка рядом, которая, как розовый бутон, только распустилась, благоухает чистотой первоцвета. Все под рукой. Что еще нужно?

Шел Сергей Кряжин под утро домой из соседней деревни (мотоцикл в то утро по-

чему-то не завелся, и он оставил его у своей будущей тещи) — солнце уже встало над лесом. От дурмана черемухи кружилась голова. В небе, зависнув в воздухе, весело перебирая крылышками, пели жаворонки, и казалось, что не было на всем белом свете человека счастливее его. Придя домой, Кряжин завалился спать на сеновал, но и во сне ему грезилось прикосновение её рук, податливые и сладкие губы, налитая упругость молодого тела и смех — задорный, кокетливый, искушающий.

Любил ли он её? Трудно сказать. Любит ли алкоголик первую в жизни стопку водки или наркоман первую инъекцию? Жанна была для него нечто вроде наркотика, который воздействовал на механику тела, приносил физическое наслаждение — с ней было хорошо, легко и непринужденно. Даже понимая умом, что пора ему с этой девицей завязывать (ей тогда только исполнилось семнадцать лет, а прибавить к этому влияние её маменьки — дело могло принять самый прескверный оборот), Кряжин ничего не мог с собою поделать. Без Жанки с ним приключались «ломки», но ломало и выворачивало не суставы — душу, такая тоска нападала, что жить не хотелось, белый свет не мил становился. Словно кто на шею ему набросил невидимую удавку: как только он предпринимал попытку освободиться — петля сдавливала горло. И чем дерзновеннее были его попытки, тем жестче и безжалостнее они пресекались.

Жизнь Сергея Кряжина, как его трактор, сейчас покатила по проторенной судьбой колее. Рули не рули — никуда из неё не вывернешь. Чему быть, того не миновать.

Эльвира Исааковна, узнав о беременности дочери, отнеслась к этому с завидным спокойствием. Теперь уже порочное чадо она не стала бить по щекам, таскать за волосы, обзывать «шалавой», закатывая истерику разочарованной матери, а наоборот — несколько дней провела в тяжелых раздумьях. Эльвира Исааковна обладала редким для женщины даром аналитического ума, из таких людей получают великолепные политические деятели, дипломаты, разведчики, полководцы. Подавив в себе эмоции, она, как шахматную партию, начала анализи-

ровать сложившуюся ситуацию, взвешивая все «за» и «против»: «Что тут поделаешь? Рано нынче молодежь взрослеет, а у Жанки с четырнадцати лет, кроме любовных интрижек, ничего другого на уме и не было. Девка задалась видная, в теле, работой не загруженная — вот и невестится от безделья. То, что она беременна — это минус, но хоть знает от кого — плюс. Аборт сделать — можно и вовсе девку навек испортить, останется бесплодной, пустоцветом. Наша медицина тем и хороша, что ненавязчива, и по возможности лучше её услугами не злоупотреблять. А потом, раз дочь во вкус вошла, то ничего тут не попишешь: одного кобеля разгонишь — завтра другой прибежит, не сажать же её в погреб? А если по рукам пойдет, тогда и вовсе взвоешь. Нет, надо её замуж выдавать. Пара, конечно, не ахти, но, как говорится, на безрыбье и рак рыба. Кряжинский род, слава тебе Господи, не последние дураки в деревне, не больные, не слабоумные, не пьяницы, а значит, и потомство здоровое будет. Быть по сему.

Молодые решили жить в колхозном коттедже, пока строили свой собственный. Опять-таки благодаря Эльвире Исааковне, её деньгам, её связям, её умению обходить все препоны российских законов и, подобно лисе, находить в них всевозможные лазейки. В то время когда в колхозах годами не платили зарплату — дом рос как на дрожжах. И не то чтобы какой-нибудь там деревенский пятистенок — коттедж возводился в лучших традициях новорусского зодчества: с мансардой, с двумя гаражами, с арочными окнами, колоннами перед парадным подъездом и причудливо ломаной крышей. Второго такого дома во всей округе не было. Кстати, новый дом Эльвиры Исааковны оформила на дочь как дарственный — это было приданое.

Но вот что скверно в этой истории: не успела ещё невеста бросить в угол свадебную фату, как в ней начали пробуждаться сволочные гены её матушки, Жанку как будто подменили. С первого же дня молодая супруга принялась воплощать в жизнь заветы и напутствие Эльвиры Исааковны, а именно: мужика нужно так взнудать и стреножить, чтобы он, кроме хозяйской ноги, больше ни-

чего не видел. Наглядный пример у Жанки для этого был — её подкаблучник папенька — жалкое, замордованное существо, ставшее уже давно в округе притчей во языцех. У него никогда не было копейки за душой, но при этом, затесавшись в какую-нибудь компанию подвыпивших мужиков, он мог за полчаса выкурить все чужие сигареты и на дармовщину напиться до поросячьего визга. Видимо, подобное поведение Эльвирой Исааковной не возбранялось. Дома же тесть с собачьей преданностью смотрел в глаза супруги, пытаясь предугадать любое её желание. Многие, знавшие эту чету, ломали себе головы: зачем Эльвире Исааковне — женщине волевой и властной — подобное бесполое пресмыкающееся существо? Но эта тайна была за семью печатями.

К своему тестю Кряжин относился двояко. С одной стороны, ему было жаль этого маленького, тщедушного, затравленного, вышколенного кнутом и пряником, как цирковой пудель, человечка, способного жить в родном доме на правах распоследнего холопа, который уже давно привык, что его мнение никому не интересно: ни жене, ни дочери. Но, с другой стороны, Сергей не мог ни понять, ни простить тестю его заискивания перед всеми, рабской покорности. Юродивое смирение, с которым тесть принимал всё и вся, его умение сносить все обиды с какой-то умильно-приторной, слащавой улыбкой — все это раздражало Кряжина и не позволяло ему общаться с тестем на равных, как мужик с мужиком, воспринимать его всерьёз. И словно в наказание за презрение, с которым он отнесся к слабостям и малодушиям другого человека, Кряжину была уготована точно такая же судьба.

Когда въехали в собственный дом, Жанна перестала заливаться задорным смехом, напустила на себя серьёзность и принялась выработать командный голос:

— Стол сюда поставь! Кровать — сюда! Подай, принеси, съезди!

Сначала Кряжин не обращал на это особенного внимания, дальше, по мере того, как ту же затягивался хомут на его шее, почувствовал себя скверно — кислорода стало не хватать. Как плохо приученный к упряжке конь, Сергей еще артачился и взбрыки-

вал. Но это были только цветочки: супруга лишь вела разведку боем. Ягодки пошли после рождения второго ребенка. Тогда Жанна решила, что хватит либеральничать — пора брать быка за рога. Выпил с друзьями стопку — скандал, распахал кому-нибудь огород без санкции супруги — домой хоть не заявляйся, а если одолжил кому-нибудь денег — друзьям ли, братьям — светопреставление!

Однажды Кряжин приехал в контору за зарплатой, и, по горькой иронии судьбы, с ним была его мать. Сергей обещал ей дать денег на протезирование зубов. Братья уже внесли на это свою лепту, а он, самый богатый из них, всё еще оставался должен. Но случилось нечто из ряда вон выходящее: зарплату за него получила супруга. Подобная наглость привела Кряжина в замешательство. Он не знал, как отреагировать на это. Эльвира Исааковна лишь оскалилась золотыми коронками, дескать, дела семейные, что в этом особенного? Мать же взглянула на него как-то смущенно и грустно улыбнулась, призывая к смирению. Её печальные глаза словно говорили: «Эх, сынок, сынок, попал ты в волчью стаю. Ничего не поделаешь — вой, верно, по-волчьи». Кряжина унизили на глазах у собственной матери — Сергей очень сильно любил мать, чтобы простить подобное. Выбегая из конторы, Кряжин столкнулся с тестем. Тот, разжившись у кого-то сигаретами, никак не мог накуриться — затягивался жадно, впрок. Неизвестно, когда ещё такая «халява» выпадет.

— А ведь мать подумает, что и я такой же. На меня цыкни — и я хвост подожду, и под лавку? Ну нет! — Тогда Кряжин впервые отождествил себя с тестем: уж больно четко и явственно просматривалась эта параллель. И, чтобы доказать обратное, Сергей в тот же день расписал крутые бока жены, холеную спину, точеные ножки, ядреную задницу грязной супонью от тракторного пускатча. Вся в полосах от сыромятной кожи, в одном халате Жанна вырвалась из своего особняка и пустилась с докладом к маменьке. В глубине души Кряжин понимал, что бить бабу — последнее дело, что легче от этого никому не станет, но уж больно долго его провоцировали на это. Сергей сел возле окна, закурил и стал ждать милицию.

Но мудрая теща и на сей раз проявила свой незаурядный ум и прозорливость. Бог весть чему учила Эльвира Исааковна свою дочь, но вскоре Кряжин почувствовал, что в доме, который он выстроил собственными руками, стал струиться не имеющий ни цвета, ни запаха угарный газ тещиной дипломатии.

Супруга уже больше не пыталась сломать мужа грубо через колено — она изнутри принялась расшатывать нравственные устои Кряжина, навязывая чуждое его душе мировоззрение. Почти каждый вечер в их доме стало собираться общество так называемой «местной аристократии» под предводительством жены председателя. Второе место на иерархической лестнице занимала Жанка. В целом компания в основном состояла из людей власть имущих, полезных этой власти и заискивающих перед ней. Иногда на посиделки полезные и нужные люди приезжали из района. Простым смертным вход в это общество был заказан. Вскоре Кряжин лишился всех друзей, затем его дом перестали посещать братья. Даже родная мать редко когда проходила дальше кухни, почувствовав себя здесь чужой. Глядя на достаток сына, она словно стыдилась своей нищеты. Вот тебе и держись у сына за печку. Внуков как-то не очень радовал визит бабушки, и гостинцы и подарки её были старомодны — яблочко печеное, яблочко моченое. Толи дело Эльвира Исааковна: то скутер, то компьютер.

В глубине души Кряжин питал надежду, что ему удастся воспитать сыновей по-своему, сделать из них настоящих мужчин, но, увы, и здесь он просчитался. Попробуй воспитай льва в обезьяньем питомнике. Пока Сергей то занимался строительством дома, то мотался по командировкам, Жанка зря времени не теряла. Она воспитала детей по образу и подобию своему. Кряжин не мог понять, какой же дефект нужно было произвести в их душах, чтобы спровоцировать развитие нравственного уродства? Что нужно было сделать для того, чтобы молодое, еще не отбродившее вино стало превращаться в уксус? Нет, это были уже не его дети, ибо его дети не могли быть мелочными, расчетливыми, трусливыми

эгоистами. В них Кряжин не видел себя. Жанка взяла реванш через детей — она научила их жить, привив им философию своей матушки. Возвращался ли Сергей с халтуры или из командировки, первый вопрос, который они ему задавали:

— Сколько тебе заплатили? Да? Ну, ты даешь!

Сергей тщетно пытался им объяснить, что ни рублём единым жив человек. Что на свете помимо материальной заинтересованности еще есть такие понятия как дружба, честь, взаимовыручка, и, наконец, если у тебя есть такая возможность, то почему бы просто не помочь человеку, не преследуя никакой выгоды? Они не понимали этого и не пытались понять.

В каком-то охотничьем журнале Кряжин прочитал статью о генетике, что если на протяжении нескольких поколений собак кормить только макаронами и хлебом, то через несколько поколений у щенков перестанут расти клыки. Природа упразднит их за ненужность. То же самое происходило и с Кряжинским родом. Несмотря на наличие двух сыновей, через два-три поколения его ветвь исчезнет, переродится в нечто новое, в то, о чем было страшно даже помыслить.

А может быть, он сам виноват в этом, ибо навсегда застрял в каком-то каменном веке с его устаревшими принципами и устоями, с изжившей себя моралью? Он динозавр, доисторический птеродактиль, и ему место в палеонтологическом музее? А дети его, напротив, более совершенны и приспособлены к новым формам и условиям жизни?

Кряжин чувствовал себя волком, со всех сторон обложенным красными флажками: дома — женой и собственными детьми, вне дома — её знакомыми из этой «местной аристократии», знакомыми знакомых своей влиятельной тещи — главной благодетельницы, благодаря которой он не знал проблем с бензином, соляркой, с работой, зарплатой, в то время когда вся страна голодала и нищенствовала. Сергей, злясь и негодуя, носился по этому замкнутому кругу, а прыгнуть за флажки не хватало духа. Как бы ни была приторна его жизнь — ОН ПРИВЫК К НЕЙ. Нет на свете вещи более трудной,

чем ломать собственные привычки. И тещу свою, Эльвиру Исааковну, Кряжин ненавидел прежде всего за то, что с головы и до пят **БЫЛ ОБЯЗАН ЕЙ ВСЕМ**: и женой, и новым домом, и обустроенным бытом, и набалованными детьми какой-то непонятной декоративной породы людей, процесс мутации которых еще не завершен. Он был обязан теще за то, **ЧТО ОН ПЕРЕСТАЛ УВАЖАТЬ САМОГО СЕБЯ**. Кряжин презирал себя за малодушие и нерешительность, возможно, и он тоже постепенно превращается в нечто декоративное, какого-то пекинесика подстриженного, ухоженного, без репьев, без блох, с красным бантом на шее, но с такими же правами и свободами. Присматриваясь к своему тестю, Сергей с брезгливостью стал замечать своё внутреннее сходство с ним. Более того, они оба были подпольщики, поскольку жили в тылу врага.

Сергей походил на человека, ненароком уснувшего во время сеанса в кинотеатре. Убаюканный темнотой и монотонностью звука, вялым течением фабулы, однообразностью и бессюжетностью сцен, он, сам не ведая того, задремал, а когда проснулся, то, сколько бы ни силился, уже не мог вникнуть в смысл происходящего. А там развивалось какое-то действие: люди смеялись и плакали, любили и ненавидели, плели интриги, играли свадьбы, каялись в грехах или умирали без покаяния, но с помощью умозаключений в виде версий восстановить нить пропущенного сюжета было невозможно. Оставалось лишь одно — смириться со своим непониманием и терпеливо ждать конца развязки, но вряд ли плывущие по экрану титры могли что-то объяснить.

Как бы и ни была велика Россия, а бежать было некуда. Построенный Кряжиным дом, как могильный склеп, давил на него бетонными сводами. Его просторные комнаты, высокие потолки, гаражи, казалось, задались лишь одной единственной целью — подчеркнуть ничтожность счастливого обладателя этих хором. В этом доме Сергей терялся и не находил себе места. Странно, но Кряжин чувствовал себя так же неуютно и в родном доме, в доме матери. Этот низенький, с крохотными, как в темнице, оконцами, старомодной постройки домик, пропахший

насквозь вековой плесенью и сыростью, горестями утрат, печной и лампадной копотью, будил в душе такую гнетущую тоску, что хотелось очертя голову бежать из него прочь, как с гиблого места.

Мать последнее время заметно постарела и стала богомольна и чрезмерно плаксива. Арест Петра словно надломил в ней внутренний стержень и она — человек, про которых в народе говорят: «Сто лет измолота не будет», одна воспитавшая четырех детей, никогда ничем не хворавшая, вдруг заметно сдала и стала на глазах увядать. Если молитвы её ещё можно было терпеть, то причитания по поводу и без оного становились неумолимы.

С Кряжиным произошла какая-то труднообъяснимая метаморфоза: его, словно вольное лесное деревце, вырвали вместе с корнями из родной земли и пересадили в другое место. Но организм, привыкший к чистоте и стерильности, не смог и не захотел адаптироваться к новой ядовитой среде и стал чахнуть. Обратной дороги не было. Он уже привык к нитратам и пестицидам, к едкому токсическому смогу, к пыли в виде ржавчины на листьях, к обилию кислотной или щелочной росы. Выбор невелик: новая среда медленно убивала, подпитывая отравой, — старая же убивала, очищая. Исход один.

Из детства и юности вы можете отбыть в любом направлении, на любую станцию. Обратного же билета вам никто не продаст.

С ранней весны и до поздней осени он с каким-то тупым ожесточением трудился не покладая рук и отнюдь не ради корысти — сам процесс работы приносил ему душевное облегчение. Работа отвлекала от мрачных мыслей, а физическая усталость сулила отрадное забытие во сне. К тому же работа давала Кряжину законную, вполне оправданную возможность сутками не появляться дома. В межсезонье опять с той же самой целью Сергей целыми днями возился в гараже, что-то строил и перестраивал в доме у матери, рыбачил, охотился.

Игорь Воеводин был для Кряжина единственной зыбкой переправой в давно минувшее детство, в ту самую счастливую в жизни пору, «когда щеки были алы, а глаза звездисты».

Игоря Кряжин навещал, как правило, после удачной охоты. Ещё за километр до дома Воеводиных Сергей, зная о том, что он идет в гости к тяжело больному человеку, напускал на себя показную веселость бесшабашного балагура, которому всё ни почем. И этим карикатурно выпученным оптимизмом он, может быть, и неумело, хотел заразить любовью к жизни обреченного на смерть человека.

— Эй, тетка Мань, отворяй — это я пришел! — барабанил в дверь Кряжин. — Встречай гостя. Что есть в печи — всё на стол мечи. Гулять будем!

Зная, что Игорь сентиментален, и убийство невинной зверушки его может растрогать, Сергей оставлял заячью тушку в сенах:

— Ну-ка, нам с другом детства заделай-ка русского зайца-беляка по-африкански, то есть не совсем до черноты, как негра, так ты его сожжешь, а с ярко выраженным шоколадным оттенком, с луком, чесноком, картошкой. Как тебе, брат, такое меню?

— Да мне нельзя жареного, — Игорь тщетно пытался вырваться из Кряжинских объятий — Сергей благоухал всеми запахами природы: овчинным полушубком, морозом, собаками, дымом костра, зимним сосновым бором и ещё черт его знает чем. От него, как цунами, шла сокрушающая волна молодости и здоровья.

— Кто сказал?

— Врачи.

Игорь показал ему нотацию по применению какого-то лекарства. Кряжин, бегло прочитав её по диагонали и ничего не поняв в данной инструкции, спросил:

— А хочется?

— Хочется, — честно признался Игорь. — Ещё капусты квашеной хочется, селедки с луком, шкварок свиных, картошки печеной, супа из баранины, мурцовки с квасом, но — нельзя.

— Тут я не согласен. Хотя ты и с высшим образованием, а дурак. Пойми — организм твой лучше любых врачей сам знает, что ему нужно. Ты видел, как коровы лизуны соляные лижут? И что самое интересное — ведь не каждый раз и не одни и те же коровы. Вот не захочет она его лизать, хоть пристрели её на месте — силком не заставишь:

все — организм её солью насытился, нет в ней больше надобности. У меня поросята дома в третий раз закуту из сосновых досок съедают. Зачем? Им что — жрать нечего? Ради эксперимента заменил сосну осиной, хоть бы какая-нибудь сволочь доску надкусила. Э-э-э, брат, этому в институтах не учат. У меня кобель Ревун занедужил: всё, думаю, сдохнет. Стрелять не стал, из вольера выпустил — иди куда хочешь. Поплелся он по дороге, как пьяный, шатает его из стороны в сторону от слабости — всё, не жилец на этом свете. Пошел, видно, искать себе место поукромнее, где можно без лишних глаз подохнуть. Через три дня возвращается живой и здоровый. Кстати, это он мне сегодня зайца добыл. Выйди — полюбуйся, а заодно спроси у него, чем и где он лечился и что за академик Павлов ему целебную траву присоветовал? А мой кобель в институтах не учился и медицинских энциклопедий не читал. Бабку Василису знаешь? Сто три года старухе. Живет: дом — навес от дождя, дров нет, электричества отродясь не было, в доме пол земляной, печка развалилась, а не помирает. Тут, конечно, без нечистой силы не обошлось, но я сам лично видел, как она со стволов вишен смолу собирает и ест. Какой прок в этой смоле, разве у этой старой ведьмы допытаться?

Мария тем временем накрывала стол. Кряжин был всегда желанным гостем. В его присутствии Игорь как будто оживал, начинал помогать сервировать стол, старался шутить. В доме чувствовалась какая-то радостная, предпраздничная суэта. Словно от богатырского здоровья Кряжина и Игорю тоже перепала малая толика. Подобное притягивает подобное. Мария искренне в это верила.

— Я тебе вот что скажу, — нагулявшись за день на морозе, Сергей обладал волчьим аппетитом и все яства, выставленные Марией на стол, безо всякой показной скромности уминал за обе щеки, при этом нахваливая каждый отправленный в рот кусок. — Хороша зайчатина! Это тебе не какая-нибудь магазинная колбаса из крахмала и дохлой кенгурятины. Тетка Мань, славное сало. Так я о чем: жизнь — её любить надо. Любить без оглядки, со всеми её плюсами и минуса-

ми — всю целиком, как бы это по-научному сказать, в совокупности.

— Я люблю жизнь, — робко возразил Игорь, — только у нас с ней любовь неразделенная.

— Глупость. Жизнь, как молодая девка, веселых любит: задор, энергию. Брось ты эти книги идиотские читать, придуманные чахоточной интеллигенцией, через них ты и сам чахнешь — там в каждой строчке туберкулёзная палочка. Жизнь умом не понять, её нутром чувствовать надо.

— Ты и детям своим такую же теорию привил?

— Что — учатся плохо? — поинтересовался Кряжин (Игорь преподавал в школе историю).

— Через пень колоду. Но не в этом беда — они с молодых ногтей сроднились с мыслью, что умственный труд им противопоказан. Очень хотелось бы знать, чему они себя готовят? Да, кстати, не только одни твои дети. Урок ведешь, а такое ощущение, что в классе сидят не люди, а манекены: тупые, равнодушные, бесчувственные. Что для них Мстислав Удалой или Ярослав Мудрый? Единственное, что их оживляет — большая перемена.

Это была нежелательная тема для Кряжина. Посвящать друга в сложность своих семейных отношений он не хотел и поэтому перевел разговор в другое русло.

— Да ты ешь! Что ты, как куренок, клюнул один раз из тарелки и заснул. Яйцо сырое выпей, яблочка моченого съешь, самогоночки стопочку опрокинь. Хороша! Это тебе не химия какая-нибудь. Натурпродукт из пророщенной пшеницы — слеза, а не самогонка. Мажь хреном заячью ногу — не стесняйся. Да так мажь, чтобы слезу прошибало. Ну вот, другое дело. А то подсел на «колеса», обложился инструкциями к пилюлям — тетя Мань, сожги их в печке, а ему лучше редьки с медом дай. А чуть свет, бери мешалку, поднимай его с дивана и гони на улицу дрова рубить, пусть с топором аппетит нагуливает. А то нашел себе печаль: «учатся — не учатся». Пусть растут дубами — пойдут в армию, крепче оборона будет.

Игорю достаточно было пригубить из рюмки, как алкоголь сказывался на ослаб-

ленном болезнью организме: глаза мгновенно начинали блестеть, а желтизну впалых щек заливал лихорадочный румянец, и ему вдруг становилось безудержно весело. И Кряжин, и Мария воспринимали это как добрый знак. В такие вечера Игорь много и действительно с аппетитом ел. Кряжин так вдохновенно и смачно рекламировал каждый продукт, что устоять перед силой соблазна было невозможно. Потом пели песни. Причем в этом трио голосом и слухом обладали только Игорь с Марией, Сергей же, вероятно, большой поклонник армейской строевой песни, считал: чем громче, тем лучше.

* * *

Болезнь Игоря прогрессировала, и, чувствуя неизбежность неотвратимо приближающейся развязки, его мозг, казалось, поставил перед собой великую задачу — за несколько месяцев ещё отпущенной ему жизни понять и осмыслить то, на что при естественном ходе времени понадобилась бы целая жизнь.

Его лицо ещё больше осунулось, над переносицей легли две глубокие вертикальные морщины, а нездоровый и неестественный блеск глаз заставлял содрогнуться. Глаза смотрели откуда-то из глубины души. Этот взгляд невозможно было выдержать. И, словно понимая это, Игорь старался не смотреть на собеседника. Подобно осенней погоде, его настроение менялось: он был то душевно мил и приветлив и в этот миг, вероятно, любил весь мир — сложный, многогранный, загадочный. Затем, как бы иронизируя над своими прежними убеждениями, Игорь принимался развенчивать их, низвергать с незаслуженного пьедестала сначала под маской остроумного и тонкого юмориста, затем, по мере того как разогретая меткими замечаниями желчь проникала в кровь, наступал черед едкой сатиры. Здесь уже доставалось всем: и странам, и народам, и религиям. Это уже было не смешно. Но более всего ужасной была личина ядовитого, злобного критика, обливающего грязью всё и вся. Критик негодовал. Казалось, ему доставляет удовольствие в нервном припадке слепой ненависти

ко всему сущему и живому доводить себя до истерического припадка. Он бичевал прошлое, линчевал настоящее и, будь его воля, с удовольствием кастрировал бы будущее, ибо не видел в нем ничего хорошего.

Под шквалом исторических фактов, цитат, надерганных из Библии и Евангелий, ссылок на всевозможных философов, писателей, поэтов, вождей, царей, политических деятелей, Кряжин, с трудом сдерживая желание бежать вон от сумасшедшего оратора, нетерпеливо ерзал на табуретке. Впервые он не понимал друга. Но вряд ли и Игорь сам понимал себя. В его голове царил полная сумятица. Умом правил хаос.

Вся его книжная мудрость, как разнополярно заряженные частицы пришла в движение и устремилась навстречу друг другу, сталкиваясь и отталкиваясь, врываясь и дробясь на более мелкие составляющие. Наука противоречила религии, религия — здравому смыслу. То, что нехотя принимал ум — все доводы научного атеизма, как инородное тело, на дух не переносила душа: будучи по своей природе христианкой, она интуитивно тянулась к вере, как тянется к свету растение. Чем больше Игорь погружался в книги великих мудрецов мира сего, тем сильнее душа его противилась их, казалось бы, еще несколько месяцев назад, непогрешимым истинам. Создавалось впечатление, что он хочет утолить жажду расолом. Душевная жажда возрастала. И эти мучительные и болезненные метаморфозы не прекращались ни на минуту. Игорь перевоплощался, преображаясь в нечто более совершенное. Но в стадии этого становления он походил на уродливый кокон бабочки, пока ещё неуклюжей и бескрылой.

Ночью с порога террасы Игорь смотрел на холодное мерцание далеких звезд и явственно чувствовал ровное и холодное дыхание Вселенной. Сама же Вселенная напоминала великий, нерукотворный храм: темно-синее небо выгнулось и образовало огромный свод — бездонный и прозрачный, как омут. И это было даже не трехмерное изображение, ибо для Творца создавшего подобное великолепие, то, что для человека кажется верхом совершенства, примитивно и недостойно внимания. Божий мир многогранен,

в нем заключены мириады иных миров, каждый из которых уникален и неповторим.

Каждая звезда, каждая планета живет своей собственной жизнью, но все они подчинены единой воле Высшего Космического Разума, способного гасить одни звезды и зажигать другие. Какая великая сила была способна создать подобное великолепие, запустить в действие этот гигантский механизм, миллионы лет работающий с точностью легендарных швейцарских часов без единого сбоя?

В такие минуты сомнения развеивались, подобно пелене табачного дыма, тронутого потоком свежего воздуха. Он чувствовал себя накануне какого-то великого открытия. Вот-вот косою зигзаг молнии, как бритва, вскрыет полотно тьмы, и его взору предстанет величайшая тайна из тайн. До сих пор зашифрованные, закодированные для понимания простых смертных сигналы вечности вдруг станут доступны и понятны, и на душу, обезвоженную суховеями сомнений, прольется живительная влага Истинной Веры и Высшей Непогрешимой Мудрости.

Но непонятно было одно — зачем он жил? Раньше ему казалось, что человек рождается на свет для того, чтобы исполнить определенную, возложенную только на него, миссию, и умирает он не тогда, когда сердце отстучит свои миллиарды ударов, а когда задание, полученное им свыше, будет выполнено. Это вроде контрольной работы, только у каждого — индивидуальный вариант. Каждому отпущено по таланту и способностям, и оценка выставляется по принципу: кому много дано, с того многое и спросится.

Но эта красивая теория применима лишь к великим людям, сумевшим угадать свое истинное предназначение. Они оставили человечеству свои бессмертные творения: книги, картины, музыку, философию, храмы, научные открытия — одним словом, память. Кто-то нес людям свет и добро, кто-то, являясь бичом божьим, — меч и огонь. Но, как же быть с простыми смертными, которые не вписываются в эту теорию и живут неприметно, подобно луговой траве, безо всяких притязаний и амбиций попасть на скрижали истории? Зачем он — Игорь Воеводин — жил на этом свете?

Он не построил даже дом, не вырастил сына, не воспитал учеников и последователей. Он ровным счетом ничего не успел сделать в этой жизни, хотя планы были наполеоновские! Деревня, в которой он жил, только официально отметила тысячелетний юбилей. Игорь как историк хотел посвятить себя изучению родного края. Ему грезилась раскопки на старом городище, где до сих пор люди находят наконечники стрел и копий, научные открытия и сенсации, рутинная, но благородная работа с архивами, полемика на страницах солидных журналов. Но вместо всего этого — лишь несколько обгрызанных редакцией статей в районной газете да экскурсия с учениками в лес на место древнего поселения: история его родного края никого не интересовала. А может быть, он плохо убеждал, робко настаивал, сам недостаточно сильно верил в свою мечту, и для её воплощения нужно было чем-то поступиться, например матерью?

Игорь и сам прекрасно понимал, что жить в деревне с его слабым здоровьем ему нельзя: сырой и холодный кирпичный дом, чад русской печки, плохое отопление в школе, отсутствие квалифицированной медицинской помощи — все это в совокупности сведет его в могилу, но вопрос о том, чтобы оставить мать одну, никогда даже не стоял перед ним.

Последнее время Игорю словно открылся портал в другой — загадочный — мир. И, как послания из этого таинственного мира, ему стали сниться удивительные по своей красоте сны. В основном в незамысловатых сюжетах сновидений, как в евангельских притчах, был заложен огромный смысл, объяснить который не могли сонники. Нужен был ключ, какое-то кодовое слово, чтобы расшифровать полученную информацию. Но ни ключа, ни инструкции о том, что дальше делать, к этим снам не прилагалось. Игорь разгадывал сны интуитивно.

На днях ему приснилась покойница бабка. Одета в темно-синее в белый горошек сатиновое платье, чистая и опрятная, как будто после чистого четверга она собиралась в церковь. Странно, но после смерти бабка выглядела намного лучше, чем при жизни: морщины на лице исчезли, спина выпря-

милась. Видимо, ей удалось избавиться не только от земных страданий, но и от возраста. Игорь сидел за столом и что-то писал. Бабка обняла его нежно сзади за плечи и, нагнувшись, поцеловала в лоб:

— Ну что, дурашка, пойдем, — так бабка обращалась к нему в раннем детстве, когда в надежде исцелить водила его по знахарям, знахаркам, святым местам, к чудотворным иконам. Старуха, не покидавшая до рождения внука пределы родного уезда, была готова сносить тяготы любого путешествия, лишь бы только нашлась сила, способная побороть недуг ребенка, вдохнуть в него силу жизни. Она ездила с ним и на Алтай, и в Белоруссию, нашу же среднюю полосу исколесили вдоль и поперек. Им приходилось выстаивать километровые очереди, ночевать в сараях, чтобы попасть на прием к знаменитому целителю. Перед приемом бабка давала ему подробное наставление:

— Не крутись, не вертись, когда в дом войдешь, перекрестись на красный угол — будь умником.

Вот и тогда бабка собиралась куда-то вести его. Игорь не возражал. Он вдруг забыл, что бабка-то мертвая.

— Дай я только тебя причешу, — бабка сняла с головы белый платок и вынула из волос выгнутый костяной гребень: резной, удивительно тонкой работы, с волнообразными зубцами.

— Где она взяла такой чудный гребешок? — подумал Игорь. — Да у неё же нет ни одного седого волоса, что она с ними сделала?

Бабка причесала его. Её гребешок творил чудеса: от соприкосновения с ним непокорные волосы, вечно топорщившиеся в разные стороны, вдруг стали мягкими и податливыми, словно их намазали конопляным маслом.

Потом бабка взяла его за руку и куда-то повела. Её костлявая рука была мягкой и теплой. На улице было необыкновенно светло, но этот свет исходил не от солнца — он не слепил глаза, а был мягким и ровным, всеобъемлющим, обволакивающим тело, как теплая вода, но вместе с тем кристально чистым, голубым, как морская гладь. Они шагали с бабкой по ровной, как стрела, проложенной через поле дороге. Как маленького

ребенка, бабка вела его за руку, спокойная, молчаливая и загадочная. . .

Вдоволь наигравшись со своей жертвой, как кошка с мышью, смерть устремилась куда-то по своим, более важным и неотложным делам, оставив Игоря, чтобы тот мог выпить последний глоток страданий и мук из чаши бытия.

Он метался по кровати, скатывался на пол и, скрючившись от боли, царапал, ломая ногти, половики. То впадал в беспамятство, то вновь приходил в сознание. Ему казалось, что внутри него завелась злобная крыса. Она выросла и окрепла — пищи в желудке стало не хватать, и она принялась грызть внутренности.

— Мама, мамочка! — кричал Игорь. — Принеси молока. Принеси целую банку — пусть эта тварь нажрется, — он припадал губами к банке с молоком, но спазмы не позволяли ему сделать больше двух-трех глотков — приступ рвоты опустошал желудок, и по полу растекалось молочно-красное месиво.

— Мама, она что-то там уже прогрызла, принеси таблетки. Нет, нет, разломи капсулу — я лучше порошок выпью. Скорее бы. . .

Мария побежала к Кряжину: вся другая колхозная техника из-за отсутствия бензина была парализована, к тому же Мария знала, что Сергей не откажет.

Сергей жил по-новому, по-городскому: металлический забор вокруг дома, электрический звонок в воротах, беснующийся на цепи «кавказец», способный, как крокодил, перекусить человека пополам.

Из дома вышла Жанна: поджарая, добротная, с вздымающейся и вываливающейся из-под халата грудью, как ломовая лошадь, пыхающая напористостью и здоровьем. Лязгнула стальной засов, и Марию пустили во двор.

— Ой, Жанночка, — Мария отчего-то решила, что тон заискивания в данной ситуации наиболее подходящий, — мне бы Сергея — Игорю плохо.

Таким образом, Мария разочаровала Жанну во второй раз за вечер (первый — когда ответила на её вопрос: «Кто там?»). «Подумаешь новость — Игорю плохо, а когда ему

было хорошо? Сергей не врач, не священник, что вы все к нему бежите?» — вероятно, подумала Жанна. Однако грубить открытым текстом не осмелилась, но всем своим видом она дала Марии понять, чтобы та впредь избавила её семью от подобных визитов:

— Вы знаете, Мария Яковлевна, Сергей спит пьяный, вряд ли он вам чем-то поможет. Если хотите, «скорую» вызову.

— Так ей же, как минимум, час сюда ехать! — Марии показалось, что земля уходит у неё из-под ног. Как ей объяснить — этой черствой, расфуфыренной кукле, какие невероятные и несравнимые ни с чем муки испытывает её сын? Ему, может быть, каждая минута кажется вечностью. Но все равно нужно было что-то делать: просить, умолять, вставать на колени, но, к счастью, на порог вышел сам Сергей. Он не был пьян, разве что слегка выпивши, и вряд ли спал, — на его лице не было даже намека на внезапно прерванный сон.

Мария, обойдя Жанну, бросилась к Кряжину, залилась слезами, запричитала, боясь очередного отказа. Сергей прервал её на полуслове:

— Иди, тетя Мань, домой, сейчас подъеду.

— Вот спасибо, Сергей! А то я не знала куда бежать. Жанночка сказала, что ты спишь пьяный, — видит Бог, Мария не хотела строить козни относительно Жанки. В беде ли, в радости, а бабий язык на версту опережает разум — брякнула сдуру, а получилось, что уличила жену во лжи перед мужем. Однако тучу негодования в тот вечер благополучно пронес мимо ветер суеты, — Сергей лишь гневно сверкнул глазами в сторону супруги и бросил Марии:

— Больше на неё внимания обращай, она, когда Бог ум раздавал, за задницей в очереди стояла.

Мария шагнула за ворота, и ей вслед снова хриплым истерическим лаем зашелся «кавказец», и послышалось брюзжание Жанки, чем-то напоминающее тьяканье маленькой собачонки:

— Езжай, езжай. Везде хочешь поспеть: и водку пить, и друзей по больницам развозить. Отберут права — насидишься тогда без работы, пока жги бензин — он у тебя вольный.

Кряжин коротко и зло что-то бросал ей в ответ. Что именно, Мария разобрать не могла, до её слуха лишь долетали обрывки слов: «А-а-ав, а-а-ав!»

— Вот и дом вроде — полная чаша, грызутся между собой, как собаки, — подумала она. — Как бы и впрямь беды не наделать; не дай Бог случится чего с машиной или с Сергеем — со свету сживут, — Мария не знала, как бы она поступила в данной ситуации на месте Жанки: у неё никогда не было в собственности мужа, и ей не приходилось на уровне жены решать такой вопрос: что же важнее — чужая человеческая жизнь или собственное семейное благополучие? Но философствовать было некогда — нужно собирать сына в больницу. — Бог даст, всё обойдется, — решила она и побежала домой.

Несмотря на все усилия, Игорь не смог сам одеться. Каждое неловкое движение заставляло его сменить вымученную улыбку на безобразную гримасу умирающего человека. Пришлось Кряжину одевать его самому. Попрощаться с сыном Марии не пришлось — Сергей торопился, уж больно Игорь был плох. Наспех перекрестив сына, Мария ещё долго стояла на пороге террасы, с замиранием сердца глядя, как в ночном мраке медленно исчезают огни машины.

Едва успели выехать на большак — пошел дождь, дорога запузырилась, закипела лужами. Фары машины словно выжигали из мрака длинный и узкий коридор. Пропустив машину, ночная тьма позади вновь сгустилась, словно ночь закрывала за ними черные массивные ворота. Шум дождя, шипящие под колесами лужи, убаюкивающее урчание мотора, фосфорический свет приборов, а главное — тьма, беспроглядная, гнетущая — всё это наводило на мысль, что они одни во всей Вселенной.

— Ты, наверно, курить хочешь? — спросил Игорь. Глаза его как-то неестественно блестели. Так вспыхивают собранные в кучу угольки уже прогоревшего костра, чтобы, зардевшись последней энергией, погаснуть навечно. — Кури! Мне теперь все равно.

Кряжину действительно хотелось курить, но, зная, что Игорь не мог переносить табачного дыма, он воздерживался:

— Накурюсь на обратной дороге. Да ты не унывай. За жизнь нужно бороться. Стоит человеку только сдаться — и считай уже наполовину покойник. В больнице тебя, может быть, и не вылечат, а поддержат на первое время — чуть окрепнешь, я тебя в Москву отвезу. А что? Мотоцикл мой продадим, у меня в гараже одного цветного металла тонны на три — сдадим и поедем. Ты главное сам держись. Я как-то в газете прочитал: в Америке у одного мужика врачи рак чего-то там признали. «Всё, — говорят, — дядя, жить вам осталось от силы полгода и то, если будете все диеты соблюдать». Мужик подумал-подумал и говорит: «В гробу я видел все ваши диеты вместе с разными облучениями и прочими примочками — не отравляйте мне остаток жизни. Махну-ка я лучше в кругосветку». «Тогда с собой гроб бери, — советует ему медицина, — поскольку обратно именно в нем ты и вернешься». Но мужик был, видно, человеком с юмором: купил он себе гроб и, помимо каюты на корабле, заказал еще холодильную камеру на случай летального исхода. Ест, пьет, с бабами гуляет — все решил перед смертью попробовать. Жрут папуасы червей, и он с ними трескает. Курят китайцы опий, и он тоже. Белые бабы надоели, негритянку к себе тащит. Словом, год прошел, а он всё не помирает. В Америку приехал, врачи его обследовали, а он здоровее испанского быка — можно в космос отправлять. Мораль сей басни такова: не впал человек в уныние — и жив остался, а напустил бы на себя тоску, пошел бы на поводу у болезни и врачей — залечили бы его до смерти.

Игорь молчал. Он не опровергал Кряжина, но и не соглашался с ним, только слезы благодарности за это милое враньё наполнили глаза, делая их ещё более яркими и выразительными.

— Уже скоро, — задумчиво, то ли вопросительно, то ли утвердительно произнес Игорь. Кряжин не понял его — он подумал, что Игорь имеет в виду больницу:

— Конечно, скоро! Километров десять осталось. Всё дорогу за сотню валим, впрочем, если хочешь, можем еще быстрее — дорога здесь ровная.

— Ты знаешь, Бог всё-таки есть!

— Знамо дело, что есть! Испокон веков люди в Бога верили.

— Вот и я о том же думаю, — Игорь вдруг дико захохотал. — Миллиарды людей просто жили и верили, а я, взяв за основу книжную ересь, пытался понять, а главное — объяснить Божий Промысел, как курица, копающаяся в навозе, полет сверхзвукового лайнера: как это так он летает, а крыльями не машет? — Игорь вновь засмеялся, и от этого смеха кучерявая шевелюра Кряжина стала распрямляться. Игорь продолжал:

— Видимо, не самый лучший плод с древа знаний сорвала наша прародительница Ева. Хорошо, что хоть плод бессмертия не тронула. Ты даже представить себя не можешь, какой бы ад царил на земле, будь человек бессмертен. Бессмертный Чингисхан, вечно царствующий Тиберий, Иван Грозный, Сталин, Гитлер — ужас! Бессмертные палачи, опричники, прокураторы, легионеры, бесменные эпохи, которые не заканчиваются со смертью тиранов, и стенающие под их пятой народы — тоже бессмертные. «Никто не даст им избавленья: ни Бог, ни царь и герой». Я уважаю смерть! Я благословляю её! Я призываю её! Жизнь — случайность, смерть — закономерность. Да здравствует смерть — неподкупная и неотвратимая. Ей всё равно кто ты — помазанник божий или последний раб, с которого лишь она способна снять колодки и тем самым поставить в один ряд с сильными мира сего.

Кряжину показалось, что Игорь безумен. Дико сверкая глазами, он нес какую-то околесицу. От хриплого гортанного крика на его худой шее вздулись артерии, а лоб блещет мелкой испариной пота.

Что ему сейчас стоит сказать: «Давай умрем вместе!» — и крутануть руль в сторону! Под воздействием этого страха Сергей украдкой, чтобы не спровоцировать Игоря к действию, стал понемногу притормаживать. Стрелка спидометра, попрыгав возле сотой отметки, медленно поползла влево, вниз — 80, 60, 40. Игорь не обращал на это внимания. Исчерпав все силы в эмоциональном всплеске, он сжался на сиденье, затих и судорожно дрожал всем телом. Кряжину вдруг стало стыдно за свой мимолетный страх. Мотор снова взвыл на больших оборо-

тах, и машина устремилась во мрак ночи. До самой больницы Игорь не проронил больше ни слова.

Умер он той же ночью. Сергей еще не успел вернуться домой, как Игоря не стало. Кряжин узнал об этом лишь в обед. Как будто невзначай, Жанка обронила фразу: «Игорь умер!» И сказала всего два слова, возможно, даже безо всякого злого умысла, если не сочувствуя, то, во всяком случае, не злорадствуя. Но сложная и долгая реакция, которая происходила в душе Кряжина, переходя один этап за другим: от любви к привычке, от равнодушия к презрению — близилась к своему завершению.

В этих двух словах Кряжин увидел скрытый кощунственный подтекст. Супруга молчала, а ему слышалось: «Умер! И стоило ради этого машину гонять, как будто ему дома помереть нельзя было». Кряжин в сердцах бросил ложку в тарелку с супом, обдав брызгами и себя, и жену, и обои на кухне, встал из-за стола и вышел на улицу. Жанка, опасаясь непредсказуемых последствий, благоразумно помалкивала, но в этом молчании Кряжину слышалось: «Иди, хлопочи о венках, о гробе — как же: брат родной преставился. Ты ведь у него душеприказчик». Последнего слова в лексиконе у Кряжина не было, поэтому придумать он его не мог. Не могла его произнести и Жанка. Она, хотя и считала себя основоположницей местной аристократии, но столь высокопарно изъясняться не умела. Оставалось лишь гадать, кто же обозвал его душеприказчиком?

Последние два дня Кряжин был зол. Возвращался он домой, как правило, поздно вечером, сердито, словно специально, чтобы спровоцировать скандал, гремел на кухне кастрюлями, затем, так и не встретив сопротивления со стороны супруги, ложился спать, но не в спальне, а в комнате для гостей. С его появлением в доме всё замолкало: дети разбегались по комнатам, Жанка, уменьшив звук телевизора, принималась за вязание — женская интуиция подсказывала ей, что сейчас мужа лучше не трогать. Сергей вспыльчив, но отходчив, и злоба должна сама перегореть в нем. Кряжину и самому, по своей природе человеку доброму и не мстительному, смена амплуа доставляла мало радости, но ничего

поделать с собой он не мог. Ясно было одно: смерть Игоря произвела в его душе какой-то переворот, что-то поменяла в ней, настроила её на новую, доселе неизвестную, частоту волны, провела окончательную ревизию с переоценкой ценностей и словно секирой перерубила важную связующую нить между ним и супругой.

* * *

Игоря пришла проводить в последний путь вся деревня. Притихшие и промокшие под дождем ученики несли венки. Их синюющие на порывистом ветру пальцы впитывали в себя не только промозглую осеннюю сырость, но и холод стальных каркасов. Ученики робко ступали впереди гроба, стараясь не оставить сапоги в непролазной грязи. Возглавляла эту скорбную процессию школьная уборщица Дарья Степановна. Она доставала из мешка сосновые ветки и бросала их на дорогу, в полголоса скуля и причитая что-то несвязное.

Между ней и Игорем в конце августа этого года произошел небольшой инцидент. Вероятно, сам Игорь о нем уже давно забыл, но Дарья Степановна о нем помнила, и более того, этот незначительный и пустяковый случай теперь стал казаться ей ужасным преступлением по отношению к покойному. А дело, собственно, не стоило выеденного яйца.

Перед первым сентября Игорь попросил девочек из своего класса, где он был классным руководителем, помыть кабинет истории после косметического ремонта, но у тех, по-видимому, оказались более важные дела и они не пришли. Покойный обратился за помощью к Дарье Степановне, а та всегда любила поворчать, подчеркнуть свою значимость, дескать, и она не последняя спица в колесе народного образования, и если театр начинается с вешалки, то школа — с тряпки у порога. Поэтому ей, прежде чем равномерно распределить грязь по всей площади помещения, требовалось раз десять оговорить человека, ознакомить его со своими недугами и лишь затем, как бы из милости к просящему, приступить к своим непосредственным обязанностям. Игорь был молод, и Дарья Степановна просто не

могла упустить шанс щелкнуть этого юнца по носу, чтобы особенно не возносился. Кстати, Игорь был, наверное, единственным человеком в школе, которого можно было безнаказанно обидеть. Остальные педагоги, даже более молодые, чем Игорь, уже давно научились обуздывать строптивый нрав школьной уборщицы. В ответ на её отповедь он молча развернулся и пошел по коридору своей обычной, слегка подпрыгивающей походкой. Сколько раз Игорь пытался придать своей походке мудрую медлительность и степенность, но до конца его дней она так и осталась по-детски легкой. На лестнице, ведущей на второй этаж, мелькнула его спина — худая, сутулая, с выпирающими сквозь пиджак лопатками. Он безропотно удалился, не пытаясь ни пригрозить, ни усостыжить. Только сейчас Дарья Степановна поняла, какой огромный смысл был заложен в этой обращенной к ней спине. Каким красноречивым было это молчание.

Когда через полчаса Дарья Степановна заглянула в класс, то увидела необычную картину: Игорь сам мыл полы. Перед ним стоял таз с водой, и он, скинув пиджак, сидя на корточках, усердно собирал грязь тряпкой.

Уже в то время он был тяжело болен, и поэтому часто останавливался и вытирал пот со лба предплечьем рукава рубашки. На скрип двери он обернулся вполборота туловища и как-то очень грустно улыбнулся. Именно эта улыбка, как мимолетный блеск солнца на фоне серых, навевающих смертельную тоску, туч надвигающейся осени, запала в душу Дарьи Степановны. Для неё, думается, было бы намного лучше, если бы Игорь обругал её, побежал бы жаловаться к директору или даже в сердцах кинул в неё грязную тряпку, но нет — он просто улыбнулся и принялся ещё с большим усердием мыть полы. Этот урок непротивления злу Дарья Степановна запомнила на всю оставшуюся жизнь. Сейчас за ней, словно утлая ладья, унесенная ветром в океан вечного ненастья, плыл гроб с телом Игоря.

После этого случая Дарья Степановна прониклась к Игорю глубочайшим уважением, стала оказывать ему подчас даже излишние знаки внимания, заискивала пред ним, как бы извиняясь за свой поступок. Едва Игорь

переступал порог школы, как она, бросив все дела, спешила к нему навстречу, демонстративно окунала тряпку в ведро с водой, тщательно полоскала её и, отжав, стелила под ноги. Этого она не делала больше ни для кого, даже для директора школы и надменных инспекторов из роно. В классе у Игоря был постоянно новый веник. Веники Дарья Степановна воровала в других классах, оставляя взамен похуже, помогала дежурным убираться, сама стирала пыль с плафонов и подоконников, заклеивала окна, снабжала тряпками, но, к сожалению, оценить эту заботу Игорь уже не мог — болезнь прогрессировала.

* * *

Оркестр играл как-то неслаженно, и высокие ноты скорби, выдыхаемые из медных труб, не имели трагической силы взмыть вверх, на высоту, отведенную им композитором, а тяжелые, словно набухшие от дождя, зависнув на мгновение в воздухе, цеплялись за мокрые облетевшие кроны деревьев и валились вниз, под ноги. Музыканты останавливались, вытряхивали воду из труб, отплеывались и вновь тщетно пытались придать маршу торжественно скорбное звучание. В ответ на их потуги трубы фыркали, как лошади, водянистой пылью. Дождь не унимался ни на секунду.

Из-за дождя похоронный обряд был скромным; речей никто не говорил, да и вряд ли бы кто стал их слушать — всем не терпелось поскорее покончить с этой неприятной миссией и забыть о ней, как о дурном сне, навеянном осенним ненастьем. Заколоченный гроб опустили в могилу, на дне которой, несмотря на усердие пьяного Одувана, темнели лужи.

Закапывая могилу, Одуван обвалился вместе с землёй в могилу и едва не проломил крышку гроба. Его за шиворот выволокли наверх, отобрали лопату и отослали с каким-то заданием домой к Марии.

На поминках, сев за первый стол, Кряжин остался и за вторым, и за третьим. Напрасно, уходя домой, Жанка строила ему обезьяньи рожи и жестикулировала — Сергей не реагировал. Только поздно вечером, когда уже все разошлись, Кряжин очнулся от забытья,

в котором пребывал. В тот вечер водка не брала его, и пил он её как воду, разве что только движения стали чуть-чуть медлительнее, и голова наполнилась непонятной тяжестью. Но на ногах он держался твердо.

Шагнув с порога во тьму, Сергей осмотрелся. Дождь прекратился, но перенасыщенный влагой воздух был густым и тягучим. Деревья зябко дрожали на ветру и брызгались водянистой пылью. Всё было мокрым, скользким, противным. А вокруг плескалась ночь — черная, непроглядная. Она впитывала в себя звуки засыпающей деревни, её редкие отблески и, как черная дыра, поглощала их, без отражения, без сочувствия, и расплывалась чернильным пятном по черному бархату.

Кряжин брёл наугад, почти на ощупь, ибо человеческое зрение, даже успев привыкнуть к темноте, перед плотностью этой темноты было бессильно. Сапоги Сергея меси грязь, скользили по ней. Несколько раз, потеряв равновесие, Кряжин падал. Вскоре мокрые брюки стали прилипать к телу, а в сапогах захлюпала грязь. Сергей держал ориентир на фонарь возле своего дома, чей свет царственно плыл в ночном мраке. Несколько месяцев назад он сам водрузил на столб этот прожектор и сейчас клял эту затею, поскольку фонарь не только указывал путь к дому, но и слепил глаза, отражаясь в тысяче зеркал черных луж.

Деревня отходила ко сну, и в большинстве домов света уже не было, лишь в некоторых ещё чуть синели окна от работающих телевизоров.

Иногда под ноги Кряжина, лая, выскакивали собаки — невзрачные, беспородные, но брехали они не с целью защитить хозяйское добро, а, скорее, ради скуки, и стоило лишь Сергею сделать вид, что он хочет поднять с земли камень, как собаки, трусливо поджав хвосты, бросались во тьму подворотен и уже больше не показывались.

Самое трудное было — пройти возле Кирьянова дома: там никогда не пересыхавшее бучило сейчас и вовсе приняло размеры небольшого пруда. Деревенские подшучивали над Кирьяном, называя его венецианским гондольером. Теперь мощный прожектор

с кряжинского особняка светил прямо в глаза, более того, отражаясь в воде, он ослеплял ещё и снизу.

Узкая полоска суши, шириной в полметра, между стеной кирьяновского дома и бучилом, протоптанная сотнями соскальзывающих здесь ног, была покатою. Нужно было идти, держась за стену дома, ступая, как по канату, по скользкой бровке спрессованной нажиги. Пройдя половину стены кирьяновского дома и отпустив стену для того, чтобы прикрыть рукой глаза от света проклятого фонаря, Кряжин оступился. Грязные сапоги поползли по скользкой нажиге, и ничего другого не оставалось делать, как завалиться на бок, чтобы хоть как-то увеличить силу трения и сползти в воду только одними ногами. Окунувшись по пояс в ледяную воду, Сергей принялся материть всех на свете: и Кирьяна с его непросыхающим бучилом, и самого себя за то, что пошел именно по этой дороге, и Жанку, которую угораздил черт включить прожектор. Затем Сергей, выбравшись из воды на сушу и повернувшись спиной к проклятому фонарю, стал отмываться от грязи. И вдруг он увидел торчащий из воды резиновый сапог. Кряжин не придал этому никакого значения и в сердцах пнул сапог и замер, столбенея в объятьях ледяного ужаса. В сапоге была чья-то нога. Хмель покинул голову Сергея, и перед ним замелькали разные варианты последующих за этим действий: бежать отсюда прочь и привести сюда народ, бежать прочь и вызвать милицию или самому вначале посмотреть, кто утонул в кирьяновском бучиле. Кряжин был человек смелый и, отбросив первые варианты по причине сложности их исполнения, остановился на последнем. Он вновь соскользнул в воду и, подавляя в себе чувство брезгливости и страха, вскоре нашупал в черной воде безжизненное тело и потащил его на сушу. Облепленного илом утопленника невозможно было опознать, и тогда, призвав на помощь всё своё мужество и подавив в себе брезгливость, Кряжин умыл утопленника в этой же луже и повернул его лицо к свету фонаря — на Кряжина взглянули остекленевшие глаза Одувана. Из раскрытого рта утопленника текла черная жижа. Потрясенный увиден-

ным, Сергей сидел на краю лужи, держа подмышки мертвого Одувана. Теперь он действительно не знал, что делать. Нюрка в тот день была вместе с Одуваном на поминках и сейчас, в лучшем случае, спит дома пьяная, а в худшем — искать её нужно в каком-нибудь из деревенских притонов, которые последнее время множились, как грибы после дождя, по мере того как село стали наводнять беженцы из бывших союзных республик. Мать Одувана давно выжила из ума, и спрос с неё был невелик. Судьба Одувана мало кого интересовала. Самое разумное было — оставить его в этой яме до приезда милиции, которая могла приехать и завтра утром или вообще к обеду, а то и не приехать вовсе. К тому же дело было неприятное, более того — подсудное. Словно подсказывая решение, Одуван сам выскальзывал из рук, как бы прося, чтобы его оставили в покое. Но оставить Одувана в яме Кряжин не мог: человек все-таки.

Вновь пошел дождь. Отражение фонаря в воде покрылось оспинами. Дождь стал хлестать и по курчавой шевелюре Кряжина, и по лицу мертвого Одувана. Где-то пронзительно и тоскливо завyla собака, предвещающая то ли пожар, то ли опять близость чьей-то смерти, а может, и вовсе всемирный потоп, который, возможно, уже начался, а это затянувшееся ненастье — лишь прелюдия к нему. Может быть, Господь Бог наконец решил воплотить в жизнь вековую мечту большевиков о всеобщем равенстве, ибо перед Богом все равны, поэтому и воду он отпустит всем поровну, невзирая на чины и заслуги перед Родиной.

Дождь лил ровно, неторопливо, словно чувствуя силу высшего благословения. Земля уже была не в состоянии впитывать в себя воду, и всё вокруг, куда доставал свет фонаря, бурлило и кипело под упругими струями. Возможно, это было началом потопа — справедливого и очищающего от греховной скверны, и Кряжину, стоявшему по пояс в луже и прижимающего к себе мертвого Одувана, почему-то хотелось верить, что именно так оно и есть.

1997 — 2008

© Владимир МИЛОВ, 2025

Юрий КИРИЛЕНКО

Константин

Я все понимаю: как говорится, «поезд ушел» и т. д. Но эта, может быть, глупая мысль, неисполненное желание и не дает мне покоя, мучит и мучит меня, как любая нереализованная идея, как несбывшаяся мечта...

Слава Богу, у меня хватает ума не заниматься детопроизводством сейчас, на закате жизни. Какие дети?! Обречь их на полусиротское существование?

В последнее время это прямо эпидемия какая-то: в основном, конечно, известные и богатые люди в преклонном возрасте обзаводятся детьми от молодых жен, наверное, продлевая таким образом собственную жизнь, оставляя жене и ребенку неплохое состояние и, видимо, добрую память о себе...

А что могу оставить я? Пару шлепанцев, кучу рваного белья, поношенные рубашки и костюмы? Или микроскопический вклад в Сбербанке «на черный день»? А ведь все они в последнее время у меня вполне «черные»...

Странно, но все мои мысли, фантазии на тему «Константин» не выходят за рамки твоих 20–25 лет. Я не могу себе представить тебя не только в среднем (в расцвете!) возрасте, но тем более — в пожилом. Это, наверное, естественно, в большинстве своем мы не можем видеть наших детей пожилыми. Это их печальная участь — проводить из этого мира нас, родителей...

И еще я думаю... Вот ты вырастешь и тебя начнут волновать девушки и женщины. Хорошо, если ты переболеешь этой болезнью, успокоишься и здоровым, ясным умом выберешь ту, с которой тебе будет не скучно и не противно прожить долгие годы. Какой она будет? Худой, высокой, маленькой, толстенькой? Светленькой, черненькой? Рыжей? Что

за вкус будет у тебя и на кого будут похожи твои дети? Говорят, внуки часто похожи на дедушек и бабушек.

Хорошо бы...

Почему? Что за мания величия, мания продолжения, сохранения себя, своих свойств? Слабая надежда на бессмертие?

Но мы и так бессмертны, как бессмертно космическое вещество, из которого мы все состоим.

Я никак не мог себе точно представить лицо твоей матери. «Кандидаток» было несколько, и я все никак не мог выбрать. Мне ведь хотелось, чтобы ты был не просто красивым (для будущего мужчины я считал это неважным), а еще и умным, и талантливым.

По закону подлости женщины, которые мне больше всего нравились и которых я, кажется, любил, либо сделали аборт от меня, либо не могли иметь или не хотели от меня детей.

Я все время думаю: с кем бы я хотел тебя зачать. Дело-то ответственное. Кто-то из знакомых рассказывал: чтобы ребенок получился здоровым, надо два-три месяца до *этого* не пить, не курить, не спать с другими женщинами. Какой-то смысл в этом, конечно, был. Чтоб душой и телом быть чистым, опять же — копится огромный запас спермы...

Однако, я что-то не припомню, чтобы кто-то воспользовался таким советом. Да и дети рождаются более-менее нормальные.

Итак, кто бы это мог быть? Та брюнетка из московского кафе с редким именем Сусанна? Или та, высокая, на полголовы выше меня, стройная, с великолепной фигурой, смуглой кожей и зелеными, как море, глазами, из Одессы? Или...

Это бесконечное «или» сопровождает почти каждого мужчину. Настоящего мужчину. Недалекие, ревнивые, глупые женщины

называют нас «кобелями», но втайне мечтают именно о таких, знающих и умеющих, относящихся к женщине, как к драгоценности, не только берущими, но и дающими наслаждение.

Конечно, это была бы она. И только она. С узкой талией, широкими бедрами, крепкими, точеными ногами — сейчас она была бы «неформат» рядом с худосочными Барби. И, конечно, лицо — чуть высокие скулы, тонкий разрез северных глаз, длинные, прямые волосы «до попы».

В одежде она выглядела хуже, чем без нее. Любой скульптор согласился бы лепить из нее какую-нибудь местную Венеру, хоть Тамбовскую, хоть Анжуйскую, так она была хороша обнаженная.

А груди — торчащие сосками вверх полные груди, как две ладьи, устремленные вдаль, мимо тебя, ошалевшего от счастья и первобытной похоти...

Думая о тебе, я часто представлял тебя маленьким, совсем маленьким. Как я купаю тебя и люблю твоим упругим, в складочках, тельцем, как промываю глазки, мою головку с редкими еще волосиками.

Огромная нежность охватывает меня...

И вот я уже вижу тебя на воскресной прогулке в зоосад. И я держу тебя за маленькую ручку, «лапку». Ты гордо шагаешь рядом, стараясь поспеть за моими широкими шагами, светлоголовый, в синих шортиках и желтой или оранжевой футболке. Маленький человек!

И все прохожие улыбаются, глядя на нас, замечая, как мы похожи...

Или вот мы идем в школу, и тебя не видно из-за огромного букета — только охапка цветов на тонких ножках...

В одной газете прочитал: «возможны варианты»... В самом деле? Возможны? То есть мы с тобой появились не в этой холодной, бескрайней, северной стране, почти тундре, где две трети людей мечтают жить в тепле, на юге, хотя бы часть своей жизни. А, скажем, в хорошем субтропическом климате, где сама природа хочет продлить твою жизнь и сделать ее если не счастливой, то хотя бы приятной. И ты в ответ пытаешься тоже сделать что-то хорошее, создать, нарисовать, извлечь, вырастить и так далее...

Страшно, но я теперь боюсь своей смерти как прекращения возможности «общаться» с тобой... Ведь вместе со мной умрешь и ты. Наверное, еще каких-нибудь пару десятков лет назад меня бы приняли за сумасшедшего. Но сейчас, когда люди годами общаются через интернет, реально не видя друг друга, невзирая на границы и расстояния, любят, даже «женятся», «разводятся», просто дружат. Мир изменился, и, похоже, мы даже не заметили этого...

Жизнь в интернете очень похожа на сон, на другую реальность. Опьяняет чувство свободы и вседозволенности. Анонимность. Ты можешь представиться кем угодно: мужчиной, женщиной, даже инопланетянином... Ты можешь стать полной противоположностью себе настоящему: скупой — щедрым, урод — красавцем, даже дурак... почти умным и даже глубокомысленным.

Жизнь в интернете — это наши нереализованные мечты, это блуждание по космосу, по Вселенной. Вселенной нашего сознания.

Как же ты будешь жить без меня в этом ужасном, жестоком, циничном мире? Ведь ты, как и я, человек без кожи, с обнаженной душой. Тебе, как и мне, жалко всех: бездомных собак и кошек, одиноких женщин, старух (старички — злюки), детей (неизвестно, как сложится их жизнь, если уже не складывается), зверей в зоопарках и цирках (их бьют, это точно!), жалко каждый прожитый день и каждый пропущенный рассвет...

Что же будет с тобой? Неужели и ты состаришься и умрешь, как я, как все мы вокруг? А ведь ты — само совершенство, сама нежность, радость и утешение.

А вдруг у тебя будут дети? Они все равно будут хуже тебя, не говоря уже обо мне. А женщины, что за женщины будут у тебя? Тебе может попасться одна из этих красивых, готовых на все женщин, лишь бы унижить тебя, воспользоваться тобой.

Я не верю, что у тебя будет хоть одна классная женщина. Их, кажется, вообще уже нет в мире...

Странно, ощущение, что и не жил вовсе. Как-то быстро все пронеслось, как в кино — кадр за кадром мелькают, герой — один, до конца, как правило, доживает. Но в хороших (правда жизни) непременно погибает...

Не могу представить, что не будет и меня. Как и многих великих и обычных людей, моих друзей. Что они чувствовали перед смертью? Во время ее прихода, после? И где они? Может, и правда, есть та, другая, бес-телесная жизнь, как говорил гениальный Циолковский, «лучистая энергия»?

У меня есть ощущение, что мы есть всегда. Меняются лишь декорации — эпохи, века, а люди все те же. Одни и те же. Это хорошо видно на примере литературы. Типы героев не меняются от Эсхила до Толстого.

Может, и мы просто переселяемся в новое тело, «шкуру» и продолжаем свой вечный бег? Тут уже буддизмом пахнет... Ну и что? Ясно, что христианство выросло из буддизма, просто произошла прививка к ветви иудаизма учения Гаутамы.

С окончанием жизни физически ощущаешь плотность времени, его сжатость. Что там тысяча, две, десять тысяч лет? Один стоп-кадр. Стоп-кадр, наполненный болью и ужасом. Без жалости и надежды.

Так что надо успокоиться. Тебя нет, не было и, скорее всего, не будет. Или это опять буду я, забывший про себя сегодняшнего в новом обличье...

Получается, и не было меня? А почему ты решил, что был? Что ты сделал, создал такого, чтобы люди помнили, отличали тебя? И таких миллионы...

Значит, их тоже — нет? Возможно. Они — лишь плодородный слой для появления тех, кто что-то сможет. Количество неизбежно должно перерасти в качество.

Итак, подведем итоги. Не было меня, не будет тебя, нас не было, нет и не будет. И все? А, может, ты — это был тот самый, редкий шанс выделиться, что-то значить, кроме примитивного воспроизводства?

Получается, нет. Зеро. Ноль на ноль, получится ноль. Спокойной ночи.

Господи! Что было бы с тобой в наше ужасное время? В зависимости от даты рождения, ты бы мог воевать в Афганистане, Чечне, в какой-нибудь «горячей точке». Ведь если вдуматься, в России всегда идет война...

«Отмазать» тебя от армии? Вряд ли! Я — советский человек и вырос в полном убеждении, что армия — «школа мужества».

В наше время не служить в армии считалось чем-то ущербным, даже позорным...

Конечно, скорее всего, тебя бы убили. Ведь погибают всегда лучшие — закон нашей жизни. Ведь ты бы был таким же идеалистом, как и я — твой отец.

А если бы ты вернулся... Только бы не калекой! Эта страна не для инвалидов, им здесь хуже всего. Но ты вернулся целым и невредимым. Девушка тебя, конечно, не дождалась — закон жизни, не дотерпела, выскочила замуж, плевать, что так рано, зато легально можно заниматься сексом, пусть даже под носом у родителей, в тесной «двушке».

Но ты бы не отчаялся. Ведь рядом с тобой был бы я. И я бы направил всю твою молодую энергию... Куда? Да хоть к Андрею Павловскому, нашему первому бодибилдеру. И ты бы ходил в «качалку» и наращивал мускулы, а я бы восхищался твоими скульптурными формами и потихоньку завидовал...

Но ты бы не стал спортсменом! А там — шаг до бандитов, братвы! Ничего себе перспектива...

Нет, ты бы не стал... Ментом, нет, это еще хуже, бандитов хоть уважают. А этих... ФСБ? Не знаю, не знаю...

Черт, кем бы ты стал в нашей чудной стране? Раньше, при советах, все же было как-то яснее... Собственно, весь этот переход эпох, от так называемого социализма к так называемому капитализму, сломал не одну душу, не одну судьбу.

И вы, юное поколение, не верили ни в Бога, ни в черта; лишеное идеалов, потерянное поколение, как жить вам?

Потерянное поколение...

А может, и не надо вовсе чтобы ты родился в этой странной, непредсказуемой, холодной стране, где «полгода — плохая погода, полгода — совсем никуда»? Где полгода серые сумерки и глухая ночь, где полгода снег и метели? Где каждый второй грезит о жарких странах и все не может согреться?

На что обрекаю я тебя?

Имею ли право?

И сколько таких, не рожденных, не увидевших свет?.. Только потому, что их матери не хотели мучений ни для них, ни для себя.

Сплошные вопросы...

Сплошные вопросы...

И вот, как это все-таки случается в жизни, произошло чудо!

... Она была прекрасна. Не той, внешней красотой, а, скорее, тайной, внутренней, исходящей из глубины души. В народе это называется обаянием.

Я увидел ее и понял: это Она. Я, как мальчишка, бежал за ней по улице, пытался познакомиться, но она, смеясь, шла, не оставиваясь.

Я подстерегал ее у всех магазинов, в которые она входила, у всех подъездов, уже не надеясь на встречу и (взаимность????). И вот...

Она остановилась и, посмотрев прямо в глаза, серьезно спросила:

— Вы — маньяк?

— Да, — почему-то сказал я и опустил голову. — Но вы можете перевоспитать меня...

— Как?

— Дать свой номер телефона и разрешить мне позвонить вам...

— И всё?

— И всё...

Она спокойно дала мне свой номер, и это неприятно поразило меня. Такая доступность!.. Потом я понял: она человек такой — добрый, отзывчивый, доверчивый. Наверное, поэтому я и влюбился в нее...

Потом было счастье, сложившееся в один светлый день. И была ночь, та самая, особенная, когда мы оба почувствовали, что у нас будет маленький.

Говорят, от любви рождаются самые красивые, самые талантливые дети. Как Константин, которого я придумал, о котором мечтал и так сильно хотел.

Мы оба настолько обрадовались, что боялись говорить об этом вслух. Только глазами, жестами, поцелуями...

Все было так прекрасно, что не могло кончиться (или начаться?) хорошо. Черные вороны уже кружили над нашими головами.

... Я отвез ее в больницу поздно вечером. Врач сказал, что все будет хорошо и, возможно, к утру — так чаще всего бывает — начнутся роды.

Я решил остаться и ждать. На душе была пустота и отрешенность, ощущение или даже понимание того, что что-то должно случиться, но что?..

Под утро я задремал. Меня никто не трогал. Сквозь сон я слышал неясный шум, какие-то крики...

Кто-то коснулся меня. Передо мной стоял усталый, раздраженный врач. Тот самый, который «все будет хорошо».

— Не оправдали мы ваших надежд... Извините... — сказал он осипшим голосом.

Я кивнул головой. За сравнительно долгую жизнь я понял, что чудес практически не бывает. Тем более, когда чего-то сильно хочется и ждешь...

Я вопросительно посмотрел на него: «Кто?»

— Мальчик!..

— Константин... — прошептал я. Мне хотелось плакать, но слез не было, глаза были сухими и у меня ничего не получалось. Ничего не получалось...

— С мамашей все нормально. Родите еще... Малыша, конечно, жаль... Не пожил...

— Да нет. Он свое уже прожил, — сказал я, вставая.

...— Почему — «медвежонок?»

— Не знаю. В детстве у меня был плюшевый медвежонок. Я его очень любил. Спал с ним, одевал в какие-то тряпочки... Ближе него никого не было.

— А потом? Куда он делся?

— Его выбросили. Переезжали на новую квартиру и выбросили. Сказали, что забыли, я пытался найти его в мусоре на старой квартире... Но не нашел!

— Плакал?

— Ревел, как медведь...

— Теперь я — твой медвежонок?

— Да, — он повернулся и поцеловал родное, любимое лицо. — Маленькая...

— Я не маленькая. Я старая больная женщина.

— Перестань... Сорок лет — не возраст.

— Возраст, возраст, в самой цифре уже заложен ужас — «сорок»!

— Успокойся, ты у меня молодая и красивая. Особенно по сравнению со мной...

— Ты еще ого-го!

— Что «ого-го»?

— У мужчины нет возраста!

— К сожалению, есть, дорогая. Если скоро пенсия, жизнь, считай, прошла. И прошла стремительно... Я даже сына не успел

родить... В смысле: зачать, вырастить, воспитать...

— У тебя проблемы со здоровьем?

— Да нет, просто так сложилось. По большому счету не было такой женщины, от которой бы хотелось иметь ребенка. Почему-то обязательно сына. Константина...

— Почему именно «Константина»?

— Не знаю. Нравится имя и все. Не знаю...

Она повернулась к нему, приподнялась на локте и посмотрела в глаза:

— Я рожу тебе сына...

— Ты?

— А ты против?

— Что ты? Просто волнуюсь за тебя... Возраст, здоровье... Мы ведь немолоды...

— Это все ерунда. Если так думать, то жить не стоит...

— Ну хорошо. Роди мне сына. Договорились?

— Договорились!..

Он целовал ее волосы, ее лицо, глаза... Ему хотелось выцеловать ее всю, так сильно он любил и желал ее...

— Что с тобой? Во сне ты плакала...

— Правда? И не проснулась?

— Да, спала, вроде, крепко... Что случилось?

— Так... Какое-то предчувствие нехорошее...

— Почему?

— Не знаю. Предчувствие, и все. Это не описать словами.

— К черту предчувствия. Я слишком долго ждал тебя. Всю жизнь...

— И я...

— Вот видишь, все это божий промысел, не иначе...

— Не кощунствуй.

— И не думаю. Но это, правда, чудо. Жили-были два человека, прожили почти всю жизнь, по крайней мере, большую ее часть. И вдруг...

— Ничего просто так не бывает.

— Вот именно...

Они лежали рядом, ее голова на его руке, и он вдыхал запах ее пушистых волос — почему-то запах свежего сена.

Недавно в инете прочитал, что, став отцом, мужчина делается другим. Происходят

разные изменения в мозгу и гормонах, которые помогают ему заботиться о ребенке не хуже, чем мать.

Я встречал таких «мап», маму и папу в одном флаконе. Они действительно другие. Очень хорошо это показано в фильме «Старший сын». Там даже замечательный артист Леонов — такой мапа, ни мужчина, ни женщина, растит и беспокоится не только за своих детей, но и готов принять «внебрачного», «старшего» сына.

В целом гормональная картина в мужском организме меняется в женскую сторону, так же, как и в случае с мозгом.

Может, именно поэтому нехватку отцовской любви ребенок переживает даже тяжелее, чем материнское невнимание...

— Ты опять ночью плакала...

— Правда?

— Да. Тебя что-то тревожит?

Она отвернулась, помолчала, потом глухо сказала:

— Боюсь, как вы будете без меня...

— Почему без тебя?

— Не знаю... Я чувствую... Понимаешь, чувствую. Знаю, что глупо всё это... И тебя не хочу расстраивать... Но ничего не могу с собой поделать. Ничего...

Он гладил её по голове, словно успокаивал маленькую девочку. Он гладил и думал о том, как любит её... Как сильно любит её!.. Это было так странно — прожить большую жизнь и только сейчас испытать это тревожно-щемящее, но радостное чувство. Неуловимое и колеблющееся, как пламя свечи...

... Он попытался вспомнить её, её лицо — похудевшее, странное, некрасивое и... не мог. Он помнил все: маленькие, чуть припухшие губы, нежные, словно лепестки роз, её волосы — пушистые, свежевымытые, пахнущие сеном, её кожу — тонкую, с просвечивающимися голубыми венками, тонкие, гибкие руки, ночные глаза — светлые даже во мраке. Он помнил ее грудь — маленькую, как у девушки, узкие бедра, но не мог вспомнить её всю...

А, может, это оттого, что и её он выдумал? Как когда-то придумал своего Константина...

Юрий ВОРОТНИН

ОДИН НА ОДИН С ЗИМОЙ...

* * *

Живу, умру, воскресну —
Перелицую ряд,
У заглянувших в бездну
Навек тяжёлый взгляд.

Лишь только под ожогом
Лицо восходит в лик,
Всю жизнь живём под Богом
А рядом только миг.

В тот миг встают отвесно
На землю небеса,
В тот миг выходит бездна
Смотреть глаза в глаза.

* * *

Здесь говорят не «творог», а «творог»,
Пьют чай из блюдца с сахаром вприглядку,
И, по слогам читая слово «Бог»,
Справляют жизнь по старому порядку.

Подённый труд с погодой в борьбе,
Жизнь вопреки злодеям и дорогам,
И если жалость — жалость не к себе,
А к сгинувшим по войнам и острогам.

Смотрю вперёд — ни огонька окрест,
Смотрю назад — тьма разливает веки,
Всю жизнь свою бежал из этих мест,
А оказался вросшим в них навеки.

* * *

Память места рожденья жестока,
Обращается устье в исток,
Как ни шёл я на запад с востока,
Всё равно приходил на восток.

Подступался к последнему краю,
Доверял и глазам, и слезам,
Но по следу, по свету, по граю
Всё равно возвращался назад.

И в плену у родимых скворешен
Брал себя и других на испуг,
Уверяя, что путь бесконечен,
Если он замыкается в круг.

* * *

Чтоб оправдать грехи,
Утихомирить страсти,
Я складывал стихи,
И это было счастье.

Я каждую строку
Голубил, почитая,
Хоть знал, что на веку
Никто не прочитает.

Всё горе — от ума,
Печали — от познаний,
Но шла на нет зима
И от моих стараний.

* * *

Кто стреножит меня, кто собьёт меня влёт?
Кто рискнёт поменяться местами?
Я из тёмных лесов, я из гиблых болот,
Где грибы лишь к войне вырастают.

Тучно время грибов, хоть косою коси,
Грибники шли за ротою рта,
Как им сладко жилось и моглось на Руси,
Да сгубили леса и болота.

Знаю много своих и чужих адресов,
 Но храню здесь заветные веси,
 И ладони мои, словно чаши весов,
 Держат мир и войну в равновесье.

* * *

Как выстрел, утром поворот ключа,
 Шаг в темноту, в бездомность,
 в неизвестность,

Такое время и такая местность,
 Что в каждом встречном вижу палача.

Иль страх заложен в памяти моей?
 Необходимо слово чтить и дело,
 И прижимать рубашку ближе к телу,
 Чтоб, если что, вернуться вместе с ней.

Смотрю назад — как жизнь моя длинна!
 Сквозь тьму веков, тоску и расстоянья
 Я вижу тех, кто рекам дал названья,
 Кто сам себе придумал имена.

Мороз по коже, в инее трава,
 В узлы дороги вяжут перепутья,
 Но холод ветви выпрямляет в прутья,
 И живы мы, и родина жива.

Пражская весна

В этом городе пиво дешевле, чем чай,
 А зимою зимы не бывает,
 И орган поднебесный чужую печаль
 По сердцам, как вино, разливают.

В этот город весенний из лютой пурги
 Я как будто бы с неба свалился,
 И, по каменным плитам сверяя шаги,
 Не жалею, что здесь не родился.

А люблю и жалею родимый свой край,
 Где чуть дождь — сразу грязь по колено,
 Где в суровой надежде на будущий рай
 В молотилку летят поколения,

Где тоска по утрам —
 хочешь плачь, хочешь пой,
 Где на всех — неделимая доля.
 Я из пражской весны убегаю домой,
 Как бегут от свободы на волю.

* * *

Ты прости меня, Кот,
 твои годы быстрее моих,
 Ты меня подождал
 и уходишь старательно дальше,
 Я по гулкой земле
 на своих костыляю двоих,
 На своих четырёх
 ты на землю ступаешь тишайше.

Не жалею меня, Кот,
 мы быльём поросли, не старьём,
 Мы ещё — молодцы,
 ни усы, ни хвосты не обвисли,
 Мы ещё помячим с тобой,
 мы ещё попоём
 И половим мышей,
 ты в прямом, я в сомнительном смысле.

А когда остановишься,
 чтобы меня подождать,
 И покатится ток
 от ушей по спине и по лапам,
 Ты природу свою пересиль,
 не сбегай умирать,
 А усни на руках
 и на память меня оцарапай.

* * *

Сам себя сомненьем отягчаю,
 Колочусь в закрытые ворота,
 И обряд от веры отличаю,
 Как нательный крестик от креста.

За своих чужих не принимаю,
 Душу ясным пламенем палю,
 Так живу, что всё запоминаю,
 И боюсь, что вдруг заговорю.

* * *

Долгий путь слезой суровой вышит,
 Прорастёт слеза и зацветёт,
 Кто не слушал — больше не услышит,
 Кто не выжил — больше не умрёт.

На каких мы выросли заквасках!
 Как дышали светлою волшбой!
 Укатали сказки на салазках
 И забрали бабушку с собой.

Я нелёгкой памяти внимаю,
Снежный след, как ленточку, тяну,
Жизнь прожил, а всё не понимаю,
Что я жизнь обратно не верну.

Утомились реки от движенья,
Намерзает зеркалом слюда,
И ещё живые отраженья
Прибирает мёртвая вода.

* * *

Многим, многим, многим...

Не бывал железа я железней,
По судьбе своей не горевал,
Крепкой водкой выжигал болезни,
Крепким чаем водку выжигал.

А случилось — не нарушил правил,
Отложил подённые дела,
И на карту жизнь свою поставил,
Карта картой родины была.

* * *

То ли в древние игры играют,
То ли сказки в себе берегут,
Так живут, что, когда умирают,
Оживают и снова живут.

Мне бы малость их знаний исконных,
Мне бы солнца из их кладовых,
Чтобы помнил, на досках иконных
Лица писаны с ликов родных,

Чтобы шёл я на ответ легчайший,
Три дороги — и все в никуда,
Пьют живущие слёзы из чаши,
Только мёртвым — живая вода.

Умножаю трудами старанья,
Сапоги-сорокоходы в распыл!
Но всё дальше и призрачней тайна,
И под ноги ползёт чернобыл.

* * *

Будет снег, будет темь,
скрутит бремя вины,
Скажут: «Кара отпущена свыше!»
А начало зимы, как начало войны,
Запасайся старанием выжить.

Ледяные морозы ударят под дых,
Душу вывернет ветер-расстрига,
И пойму я, что крепы собратьев иных,
Пострашнее монгольского ига.

Покачнусь в темноте, отряхну пелену,
Открещусь, помолюсь на удачу,
И припомню свою и чужую вину,
И по всем виноватым заплачу.

* * *

Тяжёлый дождь над нашей стороной
Идёт, бредёт, качается, ползёт,
И вдруг застынет каменной стеною,
Да так, что птицы тянутся в облёт.

И не утихнет этот дождь до снега,
Расквасит землю, небо раздерёт,
Зато какое время для побега,
Размокший след собака не берёт.

* * *

Как веточка к стволу,
Привитая ко мне,
То тянется к теплу,
То клонится к стерне.

Не вытянешь: «Люблю»,
Всё проще, между тем,
Не спит, пока не сплю,
Не ест, пока не ем.

И верует она
Среди лихих годин,
Мы сатана одна,
И Ангел мы един.

И, пальцы сжав в щепоть,
Вслед крестит и твердит:
«Храни его, Господь!»
И Бог меня хранит.

* * *

Я на жизнь и на смерть никогда не играл,
Только жил между жизнью и смертью.
И из бездны людской сам себя добывал,
Словно рыбу тягучею сетью.

Я цеплялся за край, трепетал тяжело,
В одиночестве было мне тесно,
И светился мне берег ещё нежилой,
И темнела обжитая бездна.

* * *

Спотыкаюсь, срезаюсь на каждой версте,
Вбита в землю по горло верста,
А тому, кто хоть раз повисел на кресте,
Даже дня не прожить без креста.

Не жалею себя и к другим без щедрот
И смотрю до окалины в глазах,
Как качается гать от совиных болот
До совиной звезды в небесах.

Ни прощеньем твоим, ни слезой на ветру
Не унять мне тоски ломовой,
И с размаху вбиваю в пространство
версту,
Чтоб не кончился путь столбовой.

* * *

Кто мне истину откроет,
Светом тьму посеребрит?
Ни с того ли ветер воет,
Что душа моя болит?

Кто удержит равновесье?
Кто пошлёт благую весть?
Есть над нами поднебесье,
И земля под нами есть.

Отчего в ученье строгом
Ересь тлеет, как ожог:
То ли ходим все под Богом,
То ли все мы вместе — Бог?

Я стою пред образами,
Я держу в руках свечу
И закрытыми глазами
Вижу дальше, чем хочу.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Из хляби небесной, из лютых мест
Себя возвратил домой,
И вдруг замечаешь — живёшь, как перст
Один на один с зимой.

И в печке огонь, и хлеб на столе,
И в ноги домашний зверь,
Но маятник мечется в голове,
И настезь входная дверь.

И долго родным твоим крест нести,
Но будут все прощены,
Коль смогут от мира тебя спасти,
Как ты их спас от войны.

* * *

Чай на травах под дёготь заваривал,
Доводил на спокойном огне,
И легко мне в лицо выговаривал
То, что долго темнело на дне.

Я внимал непрописанным истинам,
Шёл по краю и чуял, увы!
После слов его, вбитых, как выстрелы,
Мне уже не сносить головы.

Попрощались. Я в дождь-непогодину,
Как осиновый лист, улетел,
И смотрел по-другому на родину,
И её по-другому жалел.

* * *

Лето Господнее, утро воскресное,
Медленный солнечный свет..
Вновь перед Богом я тварь бессловесная,
Званья и имени нет,

Но загляжусь если долго и пристально,
Мзды за погляд не берут,
То рассмотрю, как под сонными листьями
Яблоки в гору растут.

© Юрий ВОРОТНИН, 2025

Петр АССЕСЕРОВ

Старая сказка

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ (продолжение.
Начало см. в альманахе № 2)

ГЛАВА 22 «ПОЛИНА»

По проселочной дороге мимо проезжал грузовик, он резко затормозил, развернулся и направился к ним, выезжая на нетвердую почву, покрытую после покоса невысокой отавой.

— Кажись, к нам едут, — пробасил Леший.

— Похоже, — согласился Кот. — Интересно, кого еще нелегкая несет по наши души? В общем так, рты не раскрывать, языки прикусить. Говорить за всех буду я.

Машина, не доехав несколько метров, остановилась. Распахнулась дверь кабины и оттуда вышел худощавый мужчина лет тридцати, в засаленной робе. На ногах резиновые сапоги. На голове серая, в нескольких местах продырявленная шляпа. Тут же открылась, как бы с большой неохотой, другая дверца, из нее легко и плавно ступила на землю блондинка средних лет, в белоснежном платье. Голубые туфли красовались на ее пухленьких загорелых ножках, их нельзя было не заметить, так изысканно подобраны они к ее светло-зеленым глазам, словно излучающим божественный свет вечерней звезды.

— Полина! — радостно вскрикнул Кот и пошел к ней навстречу.

— Здравствуй, Василий! — с добродушной улыбкой на миленьком загорелом личике ответила она. — Давненько не виделись. Я уж думала совсем забыл меня. Ни слуху, ни духу.

— Ну что ты, голубушка, как можно забыть такую красавицу, — и Кот поцеловал ей руку.

Полина громко рассмеялась:

— Да, Василий, с тобой не соскучишься.

Но Кот, не обращая внимания на ее слова, поспешил спросить:

— Откуда ты?

— Да вот позвали в Новоселки на крестины. Это соседняя деревня, километров десять отсюда. У брата двоюродного сын родился. Четыре килограмма и двести грамм. Попросили быть крестной. Александром назвали. В честь деда. Пришлось ехать. Не могла отказаться. Там сейчас гулянка идет вовсю. Я тоже не прочь и выпить, и закусить, да как мать одну оставишь?! Ты же знаешь, немощная она. Так что теперь брату своему и кумой прихожусь.

— А мы как раз к тебе шли. Хорошо, что не разминулись, — Кот недоверчиво посмотрел на шофера. — Ты мне очень нужна.

— А что случилось? — насторожилась блондинка. И, обращаясь к водителю, негромко сказала: — Все, Степан, спасибо, что довез, дальше сама дойду. Видишь, давнего хорошего знакомого повстречала.

Степан молча сел за руль, надавил на газ и скрылся в густом облаке черного дыма.

— Так что случилось-то? — повторила она свой вопрос.

— Да понимаешь, в чем дело... — переминаясь с ноги на ногу, промямлил Василий, исподлобья глядя на блондинку. — Родственники ко мне приехали издалека. Можно сказать, из самой глухомани.

И Кот кивнул в сторону Лешего и прочих:

— Навязались на мою шею. Ведь не прогонишь. Как-никак родня, хоть и дальняя. Во общем, привести их надо в надлежащий вид. Ну, конечно же, небесплатно. В парикмахерскую вести не хочу. Слишком много будет вопросов.

— А что Захар-то молчит? — и Полина взглядом указала на беса. — Ни здравствуй тебе, ни как поживаешь?

— А ты не обращай на него внимания. Он и со мной-то другой раз не поздоровается.

— Это почему-то не поздравляюсь?! — подал голос злыдень. — Добрый день, Полинушка! Рад тебя видеть! Просто кое-кто велел молчать и разговор ни с кем, ни на какую тему не заводить.

— Вот как! — засмеялась блондинка. И сквозь залиvistый смех посмотрела на Кота. — Это чем же он так перед тобой провинился?

— Да не стоит об этом говорить, — махнул рукой Василий и снова повторил свою просьбу: — Ну так как, сможешь с этим делом, или нам двигать дальше.

— Ох, Вася-василек! Ты, как всегда, в своем репертуаре. Значит, из города ехал для того, чтобы твоих родственников именно я и постигла, и побрила? Ох, темнишь ты что-то. Лучше говори правду — зачем пришел.

— Полина, сколько лет тебя знаю и не перестаю удивляться твоему логическому мышлению. Действительно, кроме этого дела, есть одна новость.

— Вот с этого и надо было начинать, — произнесла блондинка. — Ну что стоять-то? Пойдемте, как говорят на Украине, до моей хаты. Милости просим.

— А ты была на Украине? — поинтересовался бес.

— Нет. Но некоторые поговорки и пословицы знаю. А больше всего мне нравятся их песни. Такие мелодичные, просто чудо. И, глубоко вздохнув, пошла в сторону деревни.

Кот шел рядом. Леший и прочие решили идти позади и не мешать их разговору.

— Все-таки нашел тебе жениха, — радостно улыбаясь, сказал Василий. И, достав из бокового кармана джинсовой куртки кожаное портмоне, развернул его, вынул фотографию парадно одетого средних лет брюнета со смуглым лицом и карими глазами и протянул ее блондинке.

Та, смущенно улыбаясь, взяла фотоснимок и стала внимательно рассматривать на ходу, не сбавляя шага.

— Ну что же. На вид ничего, симпатичный. — Полина вернула фотокарточку Коту. — Но ведь этого мало. Мне хотелось бы знать, какой у него характер, да и вообще, что за человек. И потом, может быть, я ему не понравлюсь.

— Что ты, что ты?! — запричитал Василий. — Да он как только увидел твое фото, что ты мне дала, помнишь, сразу же влюбился в твою красоту без памяти. Теперь проходу не дает. Просит, чтобы его с тобой познакомил. И чем скорее, тем лучше. Хоть завтра свадьбу играй. Не хочу скрывать, мне доставляло большое удовольствие рассказывать, какая ты хозяйка и труженица. Не виделся с ним уже недели две или вроде того, но, уверен, ждет, чтобы свел вас друг с другом. А теперь, пожалуй, ты должна узнать немного о нем.

ГЛАВА 23 «САША»

Зовут Александром. Родился, как и ты, в одна тысяча девятьсот тридцать пятом году. Так что вы с ним одноклассники. Младший брат Виктор женился сразу после армии и остался жить в том городе, где служил. Старшая сестра Валентина, вышла замуж и переехала к мужу. Отец с матерью умерли, и он остался один в трехкомнатной квартире. Устроился каменщиком на стройку. Кроме того и халтура подворачивалась. В общем, материально обеспечен. А вот с семьей не везло. Не мог найти ту, что была бы единственной на всю жизнь. И однажды, как ему показалось, встретил такую. Людмилой зовут. Скажу правду, красавицей не назовешь, но что-то в ней было такое неуловимое, какая-то прелесть. Мягкий голосок. Им она могла обольстить любого. Улыбка алых губ сведет с ума. А глаза! Это же голубая бездна двух океанов. Но и у нее, как мне показалось, тоже были свои недостатки. Во-первых, чрезмерно худая. Во-вторых, подергивала, когда волновалась, симпатичным остреньким носиком. Что-то вроде нервного тика. На ее пухленьких бледных щечках не было румянца. Но Саша полюбил ее, и то, что была три раза замужем и имеет ребенка, его ничуть не смутило. Одним словом, женился на ней. Сына, Колю как родного принял. И денег домой старался принести побольше. Халтуры много, особенно летом. Кому гараж, кому дачу из кирпича выложить надо. Мастер на все руки, он еще несколько профессий освоил. И электрик, и сантехник, и сварщик. Даже

машину умеет водить. Вот на нее-то Сашка и старался набрать денег, а откладывал на сберкнижку жены. Ты спросишь, откуда все это знаю? Отвечу. С ним дружу уже давно. Лет пятнадцать плюс-минус. И потому скажу, это настоящий мужик, вдобавок мало пьющий и к тому же прекрасный семьянин. Лично мне за все время нашего знакомства доводилось с ним выпить раза два или три. Пиво, конечно, любит, но больше двух кружек не пьет. Бывал я у него дома. Людмила всегда меня встречала радушно. Угощала обедом и так далее, и тому подобное. Но когда сын ушел в армию, ее словно подменили. Она уже стала не столь приветлива. Часто устраивала скандалы из-за пустяков. Так что пришлось прекратить визиты, чтобы не слышать, как эта дрянь оскорбляет и поносит моего товарища нехорошими словами. Соседей и то умудрилась против него настроить. Саша ведь часто ходил на халтуру, я уже тебе рассказывал. Ну и, естественно, возвращался поздно даже по выходным дням, дабы в семье был достаток. А сколько денег он отослал в армию сыну приемному, Николаю! А эта мразь уверяла соседей, что якобы ее муж нашел себе другую и от нее, бедной да несчастной гуляет. А те, в основном бабы, верили каждому ее слову. Даже перестали с ним здороваться. И вот однажды встретился я с Саней в скверике. Он сидел на лавочке со склоненной головой. Когда окликнул его по имени, он посмотрел на меня так, что мне пришлось невольно присесть рядом.

«Что с тобой?» — спросил я. Саша достал носовой платок, промокнул им влажные от слез глаза и сказал: «Люда вчера не ночевала дома. Сегодня ее тоже нет. Все больницы обзвонил, подруг, но никто ничего не знает». Затем с болью в голосе произнес: «Пойдем выпьем».

Александр был в таком состоянии, что не мог бросить друга. Заглянули в магазин. Купили бутылку «экстры» и пришли к нему домой. Водку пили на кухне, молча закусывали салом и малосольными огурцами. Ни слова не сказав, я вышел через зал на балкон, чтобы все хорошенько обмозговать. Но где найти такие слова, что могли бы облегчить человеческую душу, вселить в нее

надежду на лучшее? И пока я размышлял над сложившейся ситуацией, услышал, как открылась входная дверь, и по голосу и тяжелому, злomu дыханию определил, что вернулась Людмила. Очевидно, увидев на кухонном столе закуски и пустую бутылку, стала неистово кричать и ругать Саню. Обзывать алкашом и алкоголиком. При этом не ленилась вставлять всякие неприличные оскорбительные слова.

«Где ты была? Я тебя повсюду искал», — не повышая голоса спросил Сашка. «А твое какое собачье дело?! Я не обязана перед тобой отчитываться, — заверещала она каким-то противным, охрипшим голосом. — Ты мне давно не муж. Тебе, дураку, пора бы уже было самому догадаться. А что касается высоких чувств, как ты выражаться привык, так знай, что вышла замуж и жила с тобой только для того, чтобы сына на ноги поставить. А вот теперь встретила человека и полюбила, впервые и, может быть, навсегда. Впрочем, тебе этого не понять. Так что давай расстанемся по-хорошему. Или ты хочешь по-плохому? Тогда держись. Мало не покажется. Квартиру разменяем. Нам с Колей дадут двухкомнатную, а тебе и однушки хватит, авось не барин. Суд на моей стороне. Так как я женщина, слабый пол».

«Люда, Людочка, что ты говоришь?! Ну скажи, что это не правда. За что же так люто меня предала? Разве я тебя когда обидел?! Ведь пальцем не тронул», — плаксивым голосом запричитал Александр. «Только попробовал бы, — продолжала кричать она. — Глаза все выцарапаю. А впрочем, какой ты мужик?! И мухи-то не тронешь. Мне нужны были деньги, и я их получила. А из жилплощади по праву большая половина будет принадлежать мне, а на остальное наплевать, и никто тебе не поможет. Идиот».

«Как у тебя язык-то повернулся, змея? Этот пол, потолок, стены заработали мои родители. У меня есть брат и сестра. Они тоже имеют права, на свою долю», — гневно вскрикнул Александр.

«Нет! Я уже была у юриста. И он мне объяснил, что если твои родичи выписаны из квартиры, то на нее уже никаких прав не имеют. Такой закон. Понял, дуралей?» —

с ехидной усмешкой, дразня мужа, нагло произнесла Людмила.

«Убирайся, вон! Сволочь!» — неистово закричал Сашка и попытался вытолкнуть ее за дверь. Та стала отчаянно сопротивляться, но споткнулась о его ногу упала и разбила нос.

«Ну вот и все, Сашенька, не хотел по-хорошему, теперь тебя посадят за избиение собственной жены. А на суде такое расскажу про тебя, о чем даже и не подозреваешь. Впрочем, три года, как минимум, тебе обеспечены. Так что есть еще время, думай, думай, а я пойду в милицию». И нагло захихикав, вышла, громко хлопнув за собой входной дверью, чтобы и соседи слышали их скандал.

Я покинул свое убежище и вернулся на кухню. Сашка сидел за столом, обхватив голову. Впервые в жизни что-то защемило в моей груди и обожгло. Никогда не знал его таким.

«Успокойся, Сашок, — сказал я ему. — что есть, то есть. Теперь уже ничего не поправишь. То, что она оказалась гадиной, ты не мог раньше знать. Лицемерка».

Я подошел к окну, что выходило во двор. И увидел, как Людмила шла по песочной дорожке двора к дому напротив.

«Интересно, далеко ли отсюда милиция?» — как бы невзначай я задал вопрос Александру.

«Да не особо. Минут пять ходьбы», — холодно ответил он, не поднимая лица.

«Не горюй, Саня. Пять минут, да наши. Жаль, что живешь на втором этаже, а не на пятом. Еще было бы секунд сорок в запасе».

Но шутка моя не пришлась ему по душе. И он обернулся с глубоким тяжелым вздохом еле слышно промолвил:

«Теперь меня посадят».

«Да с чего ты взял? Да мало ли что эта швабра поломочная наговорит».

Но и такое умозаключение не пришлось ему по сердцу.

И вот показалась Людмила в сопровождении двух милиционеров, она о чем-то попутно им рассказывала, бурно размахивая руками, время от времени прикладывая кусок белой материи к носу. Может быть, еще сочилась кровь, а может, и притворялась. Она стерва хорошая. Те понимающе кивали и продолжали идти за ней твердым

уверенным шагом, словно удостоились великой чести взять до зубов вооруженного преступника с поличным.

Да, времени на раздумье не оставалось. Надо было срочно что-то предпринимать. Я придвинул столик к стене рядом с холодильником и оставил Александра в центре столовой на табурете. Затем взял с газовой плиты кастрюлю с остывшей молочной стряпней, на ходу сбросил с нее крышку и со словами: «Сашка, потерпи, родной, так надо!» — вылил всю эту бурду ему на голову, так что лапша свисала с его ушей, волос и плеч.

Александр от такой подлянки остолбенел. Постепенно придя в себя, выплюнул изо рта кусок застывшей пенки и, фыркнув носом, поглядел на меня жалостным взглядом и еле слышно пробормотал: «За что, Васек? Друг, за что?»

Но тут резко распахнулась входная дверь и в квартиру беспардонно ворвались два жлоба в милицейской форме. Людмила в это время по каким-то своим ядовито-змеиным соображениям осталась страдать, в кавычках, на лестничной клетке.

«Где, где этот мерзавец?» — раздался скрипучий голос солидного блюстителя порядка в чине старшего лейтенанта. Суровое скуластое лицо с прищуренными как от солнечных лучей глазами и приподнятым козырьком забыть невозможно. За ним неотступно следовал молодой сержант со свирепой ухмылкой на худощавой строгой физиономии. Его приплюснутый боксерский нос невольно наводил на размышление, что такой не дрогнет ни перед какой опасностью. И когда они оба резко свернули на кухню и увидели Саню на стуле с лапшой на ушах, застыли на месте. После недолгой паузы, офицер, тыча своим полусогнутым пальцем в сторону Сашки, обратился ко мне, немного, заикаясь.: «К-к-кто это?»

Ну тут я в защиту своего кореша не поспешил на слова и выдал все свое невиданно-изумительное красноречие. Что, дескать, жена уже больше недели не была дома. И Александр с такого горя немного выпил для равновесия. А она за это вылила на голову своему благоверному целую кастрюлю какой-то дряни. Ну и естественно в целях

самообороны он машинально оттолкнул эту, извините, не знаю как ее назвать, чтобы не обидеть, ногой, та упала и разбила нос.

Так с разговорами постепенно начал рассказывать о Людмиле подробнее:

«В прошлом трижды разведенная. Имея ребенка на руках от первого брака, до встречи с Саней жила плохо, ходила худой и бледной. Весила килограммов сорок со всем своим барахлом. Работала на заводе кладовщицей. За сто рублей в месяц, да алименты за сына получала тридцатку с мелочью. Да что говорить об этом, лишнюю конфетку чаду своему не могла купить. Он в детском саду попрошайничал. То у какого-нибудь мальчика ириску попросит, то яблочко. А когда Сашка женился на ней, то и сына ее, как родного, принял, столько всякой всячины ему покупал и игрушки, и сладости, не считая самоката и велосипеда. Видели бы вы, каким гигантом он ушел в армию. Это все заслуги Александра. Ничего для него не жалел. И жену свою, чтоб ей пусто было, обул и одел с игопочки. Деньги, что зарабатывал непосильным трудом, в семью нес все до копеечки. Как поедет в Москву за продуктами, так прет оттуда сумки неподъемные и в руках, и через плечо. И колбасу, и масло, и мясо, и прочие деликатесы. Раскормил эту выдру, ведь сами видите, не поймешь каким местом смотрит, что тут, что там, везде одинаково. Бывало, собирался Сашок на работу, а она у кухонной плиты что-то хлопотала, он сходу, ласково по-домашнему, хлоп ей ладошкой по заднице, брал тормозок и бегом на трамвай, чтобы успеть на работу. А как же, и на стройке соблюдал дисциплину строго, ни прогула, ни одного опоздания, можете в этом сами убедиться. Ну это особый разговор. А когда вечером домой возвращался, Людмила попа еще тряслась».

Менты так хохотали, что еле держались на ногах.

«А она, стерва, любовника себе завела, стало быть, Сашу по боку».

«Да?! — сказал старлей, — Баба, есть баба. Никуда не денешься. Дали им волю, теперь не отберешь. Закон на их стороне. Что поделаешь — слабый пол. Я ведь, между прочим, тоже в разводе. Уж скоро

год будет. Моей Елизавете Андреевне не нравилось, что работаю в милиции. Потом стала придираться, что мало получаю, да чин маленький. Мол, другие, кто поумней, к таким годам уже майорами стали, а ты все в старших лейтенантах плетешься. Я попробовал ей объяснить, что честь на звездочки не меняю. Перед начальством, как собачонка, на задних лапах не ходил и ходить не буду. Бесполезно. Так слово за слово и разошлись», — милиционер глубоко вздохнул.

А на прощание посоветовал Саше подать на развод, от греха подальше, слишком далеко все зашло.

Тут они извинились за вторжение, отдали под козырек и покинули наше помещение, плотно, со всей аккуратностью, прикрыв за собой дверь.

О чем на лестничной клетке разговаривали с Людмилой — не знаю. У меня нет дурной привычки подслушивать да подглядывать в замочную скважину. Но когда она вернулась, то, конечно же, во всем обвинила меня. Что я и негодяй, и мерзавец, и прочее. И то, что это моя дель, Александр до такого не додумался бы никогда.

Я в ответ, хотел допить последние капли из горлышка, плюнуть ей под ноги и скрыться с глаз долой. Но в последний момент передумал. Просто молча открыл дверь и вышел.

Вскоре был суд. Развели их быстро. К большому сожалению, все по ее и сложилось. Получила двухкомнатную квартиру со всеми удобствами, правда, в другом районе, но это и хорошо, чтобы не видеть ее. А Саньку моему досталась однушка, и то с подселением, на два хозяина. Плохого ничего про его соседа сказать не могу. Хороший, приветливый и, если говорить по большому счету, аккуратный мужик. Высокий, солидный, с кудрявой головой, усами и бакенбардами. Нос, как у большинства хохлов — картошкой. И лицо круглое, в общем обрусевший хохол. Так же как Александр — разведенный. Однако, змей, самогон гонит, типа горилки. По такому случаю и нам поднес, и сам хлебнул стакан полтора за знакомство. Но это было примерно год назад. И я все с тех пор тер-

пеливо ждал, когда мой приятель отойдет от такого нервного шока. И только где-то пару месяцев назад он спросил: «Вась, а Вась, скажи, только честно, меня такого, как есть, может полюбить женщина?»

Ну, думаю, настал наш звездный час. И сразу же начал рассказывать о тебе, все, как на духу. Если бы ты видела, с каким вниманием вслушивался в каждое мое слово! А когда показал твою фото... Влюбился с первого взгляда. А вот про его бывшую жену, стало быть, знаю совсем немного. Что сын ее пришел из армии и женился. В данный момент живет со своей молодой супругой у ее родителей в трехкомнатной квартире. Между прочим, кооперативной. А Людмила со своим хахалем блаженствует. Что же, для этого созданы все условия. Как-то решил навести справки по своим каналам, что за человек ее теперешний муж. И узнал вот что. Федор Константинович Загорский моложе ее лет на шесть. Любит и выпить, и закусить, а заработок плевый, работает слесарем в автоколонне. А какой у них оклад-то?! В одном кармане ветер, а в другом и нет ничего. Вот и думаю, в скором времени все деньги с ее сберкнижки выудит, какие Саня непосильным трудом заработал, бросит эту стерву и найдет себе другую. И поделом. Впрочем, это не мое дело и не о том речь. Ну так как, Полина, согласна за Александра замуж пойти? Лучшего жениха на всем белом свете не найдешь. Даю слово, не пожалеешь. Я ведь с ним тоже вел беседу о твоём непутевом бывшем муже. Как тебя, даже к столбу телеграфному ревновал. Сколько кровушки попил, паразит. Пока по пьяному делу не утонул.

— Ну, зачем ты так, Василий?! О покойниках плохо не говорят. Крепко любил он меня, потому и мучил пустыми подозрениями, и сам был лишен покоя. Но это все в прошлом. Я ведь не просто замуж хочу, детей мечтаю иметь. Молодая ведь еще. Да и мама моя тоже была бы рада посмотреть на своих внучат. А от бывшего своего, Евгения, ребенка иметь не могла. Так врачи сказали. Но и бросить его тоже было выше моих сил. Стало быть, сама судьба расставила все по своим местам.

— Полинуська! Дорогая ты моя! — перебил Василий блондинку, понизив голос.

И Саша тоже мечтает о том же. Но все дело в его жене Людмиле, она не хотела иметь больше никого и делала аборт. А каким был бы Саня отцом! Эх, не повезло человеку. А что касается твоего утонувшего мужа, хоть о покойниках плохо не говорят, но скажу, что негодяем был редким. И всем сердцем ненавидел твою красоту за то, что на нее мужики заглядывались. Да и сейчас любой за тобой пойдет, только помани. А ты всем своим поклонникам показываешь от ворот поворот. Видел, как воздыхал тот водитель грузовика, глядя на твою фигуру. Его Степаном зовут что ли? А твой бывший супруг любил только себя. А к тебе лишь пылал страстью, не более того. А вот Александр по-настоящему обожал Людмилу. Никогда не позволял себе даже думать о том, что она может изменить ему, целиком и полностью доверял этой шлюхе. Вот это была настоящая любовь с его стороны. И на суде не востребовал денег, что откладывал на ее сберкнижку. Тысяч десять накопил. Уже очередь подходила, я тебе рассказывал, что он набирал на машину. Через каких-нибудь пару месяцев Саня разъезжал бы в собственных «Жигулях». Да что там... — Василий махнул рукой. — Ничего себе не взял. «Что же, — говорил он, — или я не мужик? Заработаю еще. Может быть, добрым словом когда-нибудь помянет». Так и расстался с ней.

Полина глубоко вздохнула:

— Знаешь что, Василий, неудобно себя чувствую. Сватаешь, пускай за трижды хорошего человека, а разговор ведешь о моем покойном муже в нехорошем тоне, понося его всяческими недостойными словами, а он их, по моему мнению, не заслужил. Меня уже соседка на эту тему замучила. А то и во все такого насоветует, в пору уши затыкай. «Поезжай, говорит, в город. Ты же первая красавица на всю округу. Там себе такого мужика найдешь, всем бабам на зависть». А я ей постоянно растолковываю, что не могу мать свою одну оставить. Кто ей воды-то подаст? Кто накормит?

А она свое: «Тогда найди любовника и роди от него ребенка, пока еще в силе. Желающих мужиков будет невпроворот для такого дела».

На что мне всегда приходится отвечать, каждый раз одно и то же, что я не шлюха, а порядочная женщина. А то, что мой сын или дочь будет расти без отца, это недопустимо».

— Это какая соседка? — поинтересовался Василий. — Та, что с длинным носом, как у дятла, да с рыжими волосами до самых плеч, вечно не причесанная, пропахшая дустом насквозь? Все в своем цветном сарафане по деревне блундает да беззубым ртом шмякает? Эта что ли?

— Она самая, — мягко улыбнулась Полина.

— Тьфу ты! Тоже нашла себе подругу. От нее даже вороны шарахаются.

— Да не подруга она мне вовсе, так иногда заходит. Да, кстати, Василий, ты описал Людмилу только с плохой стороны. Неужели в ней ничего хорошего нет? И о родителях ее умолчал. Почему они ей не помогли материально, когда она жила с малолетним ребенком на руках?

— Да-а-а-а, Полина, — протянул Василий, — я, конечно, понимаю, ты хочешь знать, что за люди ее предки. Но должен огорчить тебя, так как ничего определенного сказать не могу. Только помню, как Людмила однажды рассказывала, что жила где-то на западной Украине. Отца с матерью и двух ее братьев никогда не видел. Врать не буду. Они к ней не приезжали, да и она к ним не ездила и писем не писала. И из какого теста ее предки сделаны можно только догадываться. И вообще, давай об этом забудем раз и навсегда. Не надо больше вспоминать эту ехидну. Лады?

— Ну что же, я согласна.

— А насчет Николая, — продолжал Василий, — хотелось бы кое-что сказать. Ведь Саша для этого паршивца столько сделал всего хорошего. Да что там. Сыном своим считал. И тот называл его папой. А пришел из армии аккурат в самый разгар развода, даже не поздоровался. Если бы видела, какие были слезы на глазах у Сани. Как же ему было тяжело и обидно. И правда, говорят, яблоко от яблони недалеко падает.

— Хорошо! Я согласна встретиться с твоим другом. Но сможет ли Александр забыть

свою первую любовь? Не вернется ли снова к своей зазнобе когда-нибудь?

— Ох, Полинушка, тебе бы хорошо работать в правительстве, — хмыкнул Василий. — А то понасажали туда обалдуев. Все ты видишь наперед. Зачем училась на агронома? Ладно, скажу честно, гарантий никаких не даю. Возможно, время от времени будет вспоминать, но к ней уже больше не вернется никогда, это точно. Я неоднократно говорил с ним на эту тему. И своему товарищу верю. Не первый год с ним знаком. Есть такие слова: «От любви до ненависти один шаг». Но только он не умеет ненавидеть. Слишком добр для этого дела. Когда познакомишься поближе, сама убедишься.

— И еще один вопрос, — смущенно произнесла блондинка. — Захочет ли твой приятель жить в деревне? Здесь трудностей много и летом и зимой, хоть отбавляй. А в город к нему не поеду. Мать не брошу. И в дом престарелых не отдам.

— О чем ты говоришь?! Да ради тебя все, что угодно, сделает. Поверь.

— Ну что же, считай, что поверила. Однако уже пришли.

ГЛАВА 24 «В САДУ»

Василий посмотрел по сторонам, не понимая, как это он, опытный и осторожный во всех делах, прошел, пусть даже в теплой, дружеской беседе, полдеревни, не заметив этого.

— Милости просим! — добродушно улыбаясь, произнесла блондинка и открыла калитку. — Проходите, — сказала Полина и мягко ступила на дорожку, посыпанную мелким шлаком, что пролегла через весь сад тяжелых многолетних яблонь к террасе бревенчатого дома. Все последовали за ней.

— Полинушка, — подал голос Василий, — мы, пожалуй, пойдем с Захаром по садику погуляем пока. Чтобы, как говорится, не путаться у тебя под ногами.

— Но учти, ждать придется долго, — сказала Полина. — Сначала надо головы помыть да подсушить волосы. Только потом стричь начну. На все нужно время.

— Ничего, ничего, миленькая, мы не спешим, — раскуривая сигару, ответил Кот и, не торопясь, сошел с аккуратно обустроенной дорожки, обложенной с двух сторон красным кирпичом, увлекая за собой беса. Затем отыскал среди разлапистых кустов смородины скамейку, поудобнее устроился на ней в тени яблонь и утомленно произнес: — Вообще-то, рыжий, пойдй пригляди за ними, как бы чего с дуру не отмочили, мало ли что. Проблем потом не оберешься.

Злыдень воспринял слова, сказанные Котом, как приказ и без пререканий быстро скрылся под тенистыми ветвями, наполненными медовым ароматом летнего сада.

Василию долго скучать не пришлось, едва по соседскому радио за высоким плетнем, разделявшим два приусадебных участка, куранты пробили полдень, подошла Полина.

— Я воду на примус поставила, — сказала она. — Печь не стала топить. В доме и так не продохнуть от духоты, хоть и окна все настежь раскрыты. Минут через двадцать согрется. Надеюсь, головы они помогут сами? Там в бане и тазы, и ведра, и бочка с холодной водой есть. Будет чем кипяток разбавить. А ковш на стене висит, авось найдут. Вот только мыло хозяйственное. Уж не обессудьте. Другого нет. И шампунь тоже закончился. Вчера у нас был банный день. А сегодня недосуг было в магазин сбегать. На крестины ходила. Отказать не могла.

— Да не суетись ты. Для них и это сойдет, — Кот щелчком послал окурочек сигары в аут, за плетень соседского участка.

— Однако, Василий, ты так мне и не почитал сегодня стихов, а я, между прочим, ждала.

— Голубушка, что же ты молчала. Твое слово для меня закон, — встав со скамьи, торжественно произнес Кот и начал читать, устремив свой взор ввысь к большим и пышным белым облакам, плывущим на запад.

Ручьи недолго отзвенели.
Ручьи с рекою утекли.
А над сварливой колыбелью
Луну и пряники пекли.
И та девчонка, что мне снилась,

Ушла в осенние дожди.
Где по колодцам петь училась
Слезой из каменной груди.
Оскал зубов — собачья ярость.
И легкий шелест камыша.
В окне, как в звездах, отражалась,
Кругами снежными дыша.
И на Руси как ни бывало
Моей печали прежних дней.
Кого здесь осень потеряла,
Что столько вылила огней?

— Стихотворение неплохое, но оно на сердце давит, — сказала блондинка, промокая белоснежным платком уголки глаз. — В этой девчонке себя вижу. Когда еще училась в школе, была влюблена в одного мальчика. Перед самым отъездом, он переезжал в город, простояла под его окнами всю ночь и горько плакала. Это было как раз под новый год. Тридцать лет назад, какая была деревня, за день не обежишь, устанешь. И школа, и клуб хороший. Весело жилось. А теперь сам видишь. Не знаю, захочет ли твой товарищ сюда переехать. Читаешь ты стихи хорошо, но уж больно печальны они. На тоску наводят.

— Полинушка, дорогая! Ведь это же лирика. Если грустно тебе от таких строчек, значит, сердце доброе. Оно может любить. Далеко не каждый этим похвастается. Послушай другое произведение, оно менее печально. И Василий, откашлявшись, продолжал читать.

А у меня лежит в кармане
Последний рублик гольшом.
Что от беды, в сырлом чулане,
Хранился бабкиным грошом.
И в хмурый лес дубов и сосен
Ходил один, без топора.
Мне вслед выглядывала осень
Из нор сыпучего бугра.
Теперь мне ветер не попутчик,
И даже лес не дом родной.
И месяц на пруду под тучей
Лежит, как ключик золотой.

— Ну вот, это совсем другое дело. Конечно, радости мало, но есть над чем поразмыслить. Еще что-нибудь прочти, — Полина с теплой улыбкой посмотрела на Кота.

Ну что же, слушай дальше.

Тоскуй, тоскуй над бездной, осень.
Плачь по листве желтеющих осин.
Как мало дней осталось жить колосьям,
Густой травы, ромашковых долин.
И в родниках, камней замерзших,
Твоя капель во истину грустна.
В твоей осыпанной листвою роще,
Ветвями разрослась луна.
Поддай отросток мне,

хотя бы самый малый,

Развеять не смогу твою тоску.
И над водой, как крыльями, качала,
Утят скликая с берега к соску.

— И последнее, — спешно пробормотал
Кот и резко повысил голос.

На осеннем небе есть луна и звезды.
Катятся дождевики по кудрям берез.
Конь буланый замер у подводки с возом,
До чего же смирен, словно в землю врос.
Велико раздолье, без конца и края.
И колодца омут мглою окружен.
Лишь река искрится, до чего ж родная!
Под какой звездою я был здесь рожден?
И стою я снова далеко от лета.
И морозом дышит распушенный стог.
Но снегам не падать, — песня не допета.
И скрипит о прошлом бабушкин порог.

Кот закончил, сел на скамью и, встретившись с Полиной взглядом, спросил:

— Ну, как тебе, мои стихи?! Понравились?!

— Да вроде того. Особенно про бабушкин порог. А вот перед ним, когда кто-то скликал утят с берега к соску, мне показалось немного смешным. Ну что они тебе, котятка что ли? Или щенки?

— Ха-ха-ха! — засмеялся Василий. — Ты же ничего не поняла. Это образ такой. Или, проще сказать, сравнение. Если хочешь знать, я видел однажды, как женщина зывала с пруда своих уток и как они к ней спешили. Не плыли, а буквально бежали по воде, размахивая крыльями, стараясь друг дружку обогнать. Это у меня навсегда запечатлелось в памяти, и потому написал такое стихотворение.

Кот глубоко вздохнул и обратился к своей собеседнице, буквально давящейся от смеха.

— Ладно, Василий, пойду схожу за новым платком, а то боюсь глаза потекут. Никогда не пользовалась тушью. Единственный раз попробовала, больше не буду, — немного успокоившись от смеха, произнесла блондинка и поспешила к дому.

Кот поглядел ей вслед и, потупив взор, глубоко вздохнул.

— Эх, почему мне не довелось родиться в этом мире человеком? И у меня была бы сейчас семья и свой дом, и хозяйство. А главное — дети. Ходил бы с ними на рыбалку, на охоту. Не был бы вором. И Полину не обманывал, что я поэт. Сказать правду? Нет! Ни за что! Не поверит. Обидится. Подумает что-то нехорошее. И разговаривать-то со мной не станет. А все-таки когда-нибудь придется открыться ей. И впервые Василию стало страшно. Пока он так сам с собой размышлял, вернулась Полина, промокая от радужных слез, райские кущи ресниц.

— И смех и грех! — сказала она и присела на скамейку. — Я попросила этого чудака, не знаю, как его величают... Лысенький такой, невысокого роста.

— А-а-а... — протянул Кот, — это наш Мокруша.

— Ну не знаю, Мокруша или кто еще, последить за молоком, чтобы оно не убежало, я поставила его во дворе на примус. А тот, дубина эдакий, вместо того, чтобы дуть на пену для охлаждения да аккуратно помешивать ложкой, убавив пламя, стал давить изо всех сил на крышку кастрюли. В общем, опрокинул табурет. А на нем стояла вся моя летняя кухня. Здорово обжог себе руки. Я ему смазала ладони облепиховым маслом. Ничего, немного подерет, потом полегчает. Зато впредь наука будет. Одно утешает, не в доме все это произошло, а то пожара не миновали бы.

— Ха-ха-ха, — расхохотался Кот. — Нашла к кому обратиться за помощью. Он и костра не разожжет.

— Ну, а я-то откуда знала? Вроде, человек как человек... — в недоумении пожала плечами Полина.

— Ладно уж, — махнул рукой Кот, — расскажу тебе еще один казус. Он не похож на

этот случай, но посмеяться есть над чем. Да, кстати, как там родственники мои, голы-то помыли?

— А то, — усмехнулась блондинка. — Вон, сидят у терраски на лавочке, волосы сушат. Через полчаса пойду стричь. А этого бородача ловчее было бы под лысого оболванить. Да, боюсь, обидится. Надо же, как запустил себя. Ну ладно, давай рассказывай чего хотел-то. Сегодня хоть насмеюсь вдоволь. Будет что вспомнить. А то все одна, да одна. Тоска нападает такая, хоть волком вой.

Василий с глубоким вздохом откашлялся и начал свое новое повествование.

— Это произошло в конце мая или в начале июня. Когда я частенько захаживал в одно недалекое местечко, называемое пьяным двором. Почему, спросишь, он обрел такое величие? Отвечу: хрен его знает. Может быть, потому что там пустовали полуразрушенные сараи, где выпивали мужики по любому поводу. Когда были деньги. Милиция туда заглядывала крайне редко. Тем более, ни скандалов, ни драк не было. Мне нравилось бывать в тех местах, чтобы наблюдать, с каким азартом там режутся в домино или в карты под интерес. Всех тамошних жителей и поныне знаю не только в лицо, но и по именам и фамилиям. Сам нередко принимал участие, чтобы пощекотать нервы себе и другим. Были бы гроши. Везло всегда, врать не буду. Чтобы никакой аферы с моей стороны никто не заметил, приходилось, не каждого конечно, а только тех, кто больше других прогорел, угощать вином, а то и водкой. Смотря по ситуации. В тот день сдавал я... В банке было сто рублей с копейками. «На все!», — сказал Илья Семенович Туманов по кличке Шут. Видный такой, солидный мужчина лет сорока. Вся грудь и руки в татуировках, видно было, что сидел, и неоднократно. Одет он был тогда в сетчатый тельник и трико. И не заметить такой «третьяковской галереи» мог олько слепой или идиот. В общем, взяв одну карту, перекрестил ее, взял другую, затем третью и нервно сквозь зубы процедил: «Себе!»

Мне больших трудов не стоило набрать, не глядя, и выложить на стол рядом с его

девятнадцатью очками свое двадцать одно. Туза и десятку. Глаза у Илюхи округлились и налились кровью. Но в том, что все происходило по правилам, ни у кого сомнений не было. Карточная колода была абсолютно новой. К тому же ее принес сам проигравшийся вдрызг Туманов. Разошлись мирно, как в море корабли. Тогда моей персоне повезло особенно. Выиграл что-то около трехсот рублей. И предложение насчет выпивки Илье Семеновичу понравилось. Он пошел домой, чтобы переодеться подобающим образом для такого дела. Я последовал за ним. Возле подъезда на лавочках друг напротив друга по трое с каждой стороны сидели пожилые женщины, и не просто женщины, а настоящие пышные барыни лет шестидесяти или около того и вели меж собой мирную беседу. Я каждую хорошо знал. Чтобы не привлечь к себе их внимание, встал за декоративными кустами, что росли по периметру всей невысокой ограды, небольшими асфальтированными проходами с лавочками по краям, разделенной тремя подъездами. Слушая женские толки, я тихо стоял на тротуаре, изрядно разбитом колесами тяжелых грузовых машин, недалеко от трехэтажного кирпичного дома старой постройки и ждал Туманова.

«... И вот иду я, — рассказывала солидная брюнетка в голубой косынке, — а навстречу мужчина с сумкой. А в ней яйца, да крупные такие. Видать, двухжелтковые. У меня-то глаз наметан. Хотела было поинтересоваться, где он такую прелесть купил. В каком магазине? Но потом передумала. Неудобно как-то спрашивать у незнакомого человека. В общем, прошла мимо. Вдруг слышу: бац! Оглянулась, а он лежит, бедняга, на асфальте. Руки в стороны. Поскользнулся на чем-то. Я подбежала к нему. Помогла кое-как подняться и встать на ноги. Как же, говорю, ваши яйца-то? Небось, вдребезги разбили? А он сквозь стон и оханье отвечает: «Да хрен с ними, с яйцами. Спиной грохнулся. Весь позвоночник и внутренности отшиб». А сам держится за поясницу. Тут я пригляделась хорошенько, а мужик-то вроде не тот. У того на голове-то была шляпа. Лицо, как у Жана Маре, широкое, усы рыжие с небольшой

проседью. И одет прилично, коричневый костюм, белая рубашка, галстук. На ногах лакированные ботиночки. У меня-то глаз наметан. А этот в кепке, без усов, а из одежды тенниска, шорты да шлепанцы на худющих, как курьи ножки, ногах. А в сумке разбитая водочная посуда. Я глянула вдаль. И что же вижу? Тот прохожий с сумкой в руке, ну, что яйца-то нес, идет себе дальше и в ус не дует. Вот ведь оказия-то какая со мною приключилась. Как же мне неудобно было. Чуть со стыда не сгорела». «Ха-ха-ха!» — затились громким смехом женщины. Но их душераздирающее, на пол-улицы, веселье, внезапно перебил со второго этажа грубый, охрипший бас пожилого мужчины с седыми волосами на зачес. Его худощавое, до пояса обнаженное тело, было наклонено над подоконником широко раскрытого окна. «Верунчик, ягодка моя, солнышко, где ты!» — ласково обратился он к сидящим на лавочках женщинам. Брюнетка, что окончила свое повествование, оглянулась на голос и, прикрывая ребром ладони от солнца глаза, вежливо отозвалась: «Я здесь, Вова! Ты что хотел-то?» «А я-то все думаю, куда это моя овчарка подевалась?» — тут же громко высморкался и исчез с поля зрения, закрыв за собой окно. Верунчик от такой подлой неожиданности, наивно улыбаясь, осторожным взглядом ощупывала своих собеседниц и, не найдя на их унылых лицах и тени насмешек и осуждений в ее адрес, неожиданно поменялась в лице и сменила тему. «У всех мужья, как мужья, — сурово наморщила лоб брюнетка, — а у меня одно недоразумение, — и ударила ладонью по бедру, шлепок получился громкий. — Сколько раз говорила ему: купи себе четвертинку, приди домой, как все порядочные люди, и пей хоть до утра. Слова против не скажу. А будешь пьяным и упадешь — не страшно, дома все-таки. Да куда там, как напьется где-то на стороне, еле домой ползет на четвереньках. Вот и сейчас, утро еще не наступило, а уже на ногах не стоял. А теперь проснулся. Наверное, похмельять пойдет. Вернется к вечеру и опять, небось, на ушах». «А ты запри дверь и не пускай», — нервно поправляя на голове платок, посоветовала

ей сидящая напротив женщина с родинкой на лбу, похожей на бородавку. «Чего? Да он и в щель пролезет, а своего добьется. В прошлое воскресенье взяла его с собой ходить по магазинам. Думала, хоть один день трезвым будет. Буквально за ручку, как годовалого ребенка, водила. Зашла в хлебный. Поставила своего дуралея у колонны. Стой, сказала, Вова, без меня и шагу не ступай. Всего пять минут отсутствовала. А вернулась к своему сокровищу и обмерла: готов! Вусмерть пьян! Я в крик! Когда, дескать, успело? И что бы вы, думали слышала в ответ от этого кретина? Верунчик, солнышко мое, не сердчай! Отбивался, как мог. Руки за спину заломили и в рот вливали».

— Вот как в жизни бывает, — закончил Василий и, улыбаясь, посмотрел на Полину. Она продолжала смеяться, то и дело промокая глаза. Так что со стороны могло бы показаться, над чем-то горько плачет.

— Ох, Василий, ну ты меня сегодня и рассмешил, ладно, пойду стричь твоих родственников, а то, поди, уже заждались. Посиди пока здесь, а хочешь, пойдем вместе, посмотришь, как ножницами работаю. Потом своему другу расскажешь.

— Нет, дорогая, покорнейше благодарю. Лучше посижу тут в холодке, — сказал Василий, провожая блондинку взглядом.

Прошло не больше получаса, когда первым перед Котом предстал Хозяин леса с чисто выбритым лицом и короткой стрижкой под полубокс.

— Блохастый, — завопил владыка лесных угодий, — глянь, как меня тут изуродовали по твоей милости, сволочь. Мать родная не узнает. И у Лешего на глазах выступили слезы. На кого, скажи, я теперь похож-то стал, шкура?

Василий, глядя на чисто выбритое лицо и стриженую голову Лешего, едва сдерживая смех, промолвил:

— Ну что ты такое говоришь! Это же самая модная прическа на сегодня. Скажи спасибо, что не под чубчик оболванили. Поверь мне, нынче все так ходят. Теперь никто даже и не подумает, откуда твою образину не легкая принесла. Голову на отсечение даю.

Хозяин леса поскреб затылок, немного успокоился, глубоко вздохнул и грузно сел на скамейку.

— Одного не могу понять, как мы там уживемся? — понуро спросил Леший. — Места незнакомые. Никого не знаем. Может, зря идем туда?

— Не робей, со мной не пропадешь. Только слушайся во всем. Что скажу, то и делай. А самое главное, ни с кем ссор не затевай да скандалов. Понял? А там, куда кривая выведет.

— Какая еще кривая? — заволновался Хозяин леса.

— Да это у людей есть такая поговорка, — усмехнулся Василий.

— А-а-а... а то я уж было подумал, что про дороги говоришь.

— И про них тоже. Этого добра там хватает. Такое увидишь, не забудешь вовек. Полный развал, бардак одним словом, и все оттого, что к власти рвутся козлы да бараны, хоть волком вой.

— А вот и мы! — и из кустов вышли Баба-Яга и Кикимора с короткими стрижками типа каре в сопровождении Водяного и Беса под ручку.

— Ну вот и все. Больше разговора было. Принимай работу, — послышался знакомый голос блондинки, что вышла следом за всей честной компанией.

— Отлично! — воскликнул Кот, доставая портмоне, конфискованное у обкомовского работника. — Итак, сколько с меня? — Василий извлек двадцатипятирублевую купюру.

— Да ты что? Никак обидеть хочешь? — сказала Полина, резко понизив голос. Красные пятна гнева выступили на ее пухленьких щечках. — Денег я не возьму, — строго промолвила она и отвернулась, устремляя свой взор куда-то вдаль.

Кот посмотрел на нее пристальным холодным взглядом и протянул деньги.

— Возьмешь, еще как возьмешь. А если нет, то знай, что сегодня потеряла своего лучшего друга навсегда. За труды твои плачу, а не за красивые глазки. Вот ежели тем негодьям, что засели в обкоме или в правительстве, как клещи, — им я бы и медного

гроша не дал. Не потому, что они идиоты. Нет! А за то, что лодыри, каких свет еще не видывал. И сидят не на своих местах, от этого сколько хорошим людям зла принесят. Но, к большому сожалению, так устроен этот мир. Те, кто не лишен чести и совести пашут, а трутни живут. Их даже ругать не за что, так как ничего не делают. А вреда от них столько, саранча не сравнится. Позволь мне рассказать одну небольшую историю, и ты сразу поймешь, что я имел в виду. Когда рабочие собирались в обеденное время играть в домино, к ним частенько захаживал начальник, к сожалению, неизвестного мне отдела. Хоть и был он невысокого росточка, но бегал по цеху быстро — не догонишь. Его пухлое смуглое лицо, покрытое морщинами, невольно наводило на размышление, что до пенсии этому субъекту оставалось немного. Хотя на голове ни лысинки, ни сединки. Сохранился хорошо. Плотные сжатые губы, всегда в табаке, он курил сигареты «Прима», досмаливая до мизерного окурка, часто обжигал желтые от никотина пальцы. Большой любитель был «забить козла». В чем состояла его работа, никто не ведал, да и он-то сам, небось, не знал. Показывался иногда в центральном проходе, когда приспичит в туалет или в столовую. А так все больше отсиживался в своем кабинете. И вот, однажды, кто-то задал ему такой вопрос: «Федор Матвеевич, гляжу на тебя и думаю, ни фиги ни в чем не разбираешься, да в придачу ко всему, ничего не делаешь. Скажи, пожалуйста, сколько сейчас платят за то, чтобы так дурака валять?» «Ха-ха-ха, — засмеялся тот, — да у меня оклад сто десять рублей». «О-о-о-о, — протянули возмущенно работники, — за такие деньги только что войти в проходные да выйти». И молча продолжили игру, с глубоким состраданием к его персоне. Даже кто-то угостил сигаретой, а кто-то решил поделиться с ним обедом из своего тормозка. И не было такого дня, чтобы они не вели разговор о нем. «Как же этот бедолага на такой заработок существует? Ведь, поди, и семья есть, и дети». Но как-то раз, совершенно случайно, узнали у кассирши, что тот плут не такой уж несчастный, как

представился. Кроме оклада и ежемесячной премии, получает и прогрессивку, и еще что-то. Таким образом, выходило от трехсот рублей и выше. И однажды высказали ему прямо в лицо, кто он такой есть, назвав к тому же еще хамом и прочее, что переводу не подлежит. С тех пор Федор Матвеевич в ту мастерскую ни ногой. Отыгрался «в козла» с тем коллективом на вечные века. Теперь самый простой вопрос: почему он скрыл правду? Да потому что сам прекрасно понимал, что таких денег не заработал, а просто-напросто обокрал таких же людей, как и сам. А у них тоже есть дети. Вот и получается, одни пашут в поте лица своего, а другие, вроде этого негодяя, у них жирные куски отрывают. И закон на стороне лодырей, проходимцев да остолопов — стало быть, так воровать можно. И так повсюду и везде, куда ни глянь. Как один мой родственник недавно четко выразился: «Куда же смотреть, чтобы отвернуться?» Да вот он, кстати, на скамейке возле меня сидит. Побритый, постриженный, как огурчик. И кого ни спрошу, что такое закон: злодейство или безумие, никто ответить не может, тем не менее, по нему живут. Вот скажи, только честно, какая у твоей матери пенсия? Она всю свою жизнь, не щадя ни сил, ни здоровья проработала в колхозе. Пропалывала свеклу в тридцатиградусную жару в поле под открытым небом. Убирала ее и в дождь, и в снег, стоя в резиновых сапогах по колено в грязи. Да разве все можно упомнить? А как в полог грузила навоз? Да что там говорить?! Ну так сколько же ей за все это платит так называемое государство?

Полина смущенно пожала плечами:

— Тридцать рублей с копейками.

— А почему не триста? Знаю, знаю, что ты хочешь сказать, — замахал руками Василий. — Что, дескать, где-то читала, в какой-то газете, что много денег уходит на вооружение. Негде взять лишний рубль. Но себе-то эти мерзавцы подкожные гроши находят? И заработок, и пенсии себе разбухали, ой-ей-ей. А на каком основании? Кто позволил? У кого спросили на это разрешение? Поверь мне, никто на мой вопрос не ответит. Будут мямлить, переливать из

пустого в порожнее, начнут оправдываться, что, дескать, это не мы, это до нас было, и так далее и тому подобное. И никогда не признаются, что они воры. Ну, скажи, разве я не прав?

В ответ Полина мило улыбнулась.

— На хлеб хватает. А там и скотинка кое-какая есть. Не голодаем.

— Не голодаем! Хватает! — сделал кислую гримасу Василий. — Сколько можно терпеть-то? Вот был в том заводе мастер, какого цеха и участка, уже не помню, года два, почитай, прошло, если не больше. Кстати, состоял в партии. Рабочие считали его истинным коммунистом, за то и уважали. Ростом не был велик, но плотный, хоть и лет немало, но на здоровье не жаловался. Хотя точно помню, язва желудка была, оттого-то и зубы все были вставные из белого вперемежку с желтым металлом. Очки не носил, но часто прищуривался, когда читал или хотел какой-нибудь предмет рассмотреть получше, в общем, наверняка страдал близорукостью. На курносом носу маленький шрамик. Это он когда-то попал в аварию на мотоцикле. Чудом жив остался. Так вот, на каждом собрании, выступая с трибуны, кричал. Нет, я не оговорился, именно кричал во весь голос, чтобы инженерам, мастерам и ему в том числе, а также и другим руководящим лицам цехов и отделов отменили премии. Так как эти деньги принадлежат рабочему классу. Это фрезеровщики, токаря и прочие, стоя у своих станков по восемь часов в сутки, выполняют план. А мы их обираем, стало быть, обворовываем. К сожалению, такой он был один. А если бы его поддержали десятки, сотни, тысячи честных, порядочных людей, все было бы по-другому. Но, увы! Когда этот величайший человек двадцатого столетия, последний коммунист, уходил на пенсию, члены партии так были рады, словами не передать.

— Ох, Василий, не пойму никак, когда ты говоришь всерьез, а когда шутишь, — сказала блондинка, взяв из его рук деньги, и негромко добавила: — Видишь, беру, чтобы не обидеть тебя, так что оставайся другом моим и дальше. Не бросай. У меня и так мало хороших знакомых на этом свете. Да!

Вы же в город собирались. Поспешить надо, а то у водителей автобусов скоро будет обед. Часа два, а то и больше ждать придется. Если не возражаете, я вас провожу до остановки. Приводи своего друга, а там посмотрим. Может, и правда моя судьба.

— И его тоже, — поддакнул Кот и, отряхнув джинсы, молча направился к выходу.

По деревне шли так, чтобы не привлечь на себя особого внимания со стороны, то есть молча, по великой просьбе Кота. Естественно, это не относилось к Полине. И она позволила себе первой нарушить тишину и обратиться к Василию:

— Странно как-то все это. Ты член союза писателей, поэт. А сейчас выступаешь в роли свахи. Смешно.

— Почему? Просто хочу помочь хорошим людям. И ничего тут сверхъестественного нет. Когда поженитесь, еще не раз мне спасибо скажете. Саша, кроме того, что мастер на все руки и не пьет, страстно обожает поэзию. То есть человек с высоким интеллектом, а значит, гены передадутся вашим детям, и они не будут пушечным мясом. Научатся думать, и на жизнь будут смотреть душой, а не глазами. Я бывал в разных местах и видел, какое потомство бывает у тех, кто пренебрегает самым дорогим, что есть на этом свете, Божьей благодатью, как, бывало, любил говорить очень хорошо мне знакомый старец, — Кот пригладил взъерошенные от ветра волосы на зачес. — Хотя и понятия не имею, что это такое, но раз он так молвил, значит, так оно и есть.

Полина усмехнулась.

— Что же, выходит дело, ум и все прочее дают отцы? А какая же роль отведена матерям?

— Честно говоря, не знаю. Пока, не разобрался. Но обещаю в этом вопросе вскорости превзойти самого себя, — Василий сделал крепкую затяжку. — Но ты, голубушка, не обижайся на правду. Даже если она горькая. Вот лучше послушай, тогда и судить будешь, кто прав, кто виноват: Был у меня один приятель. Юрием звали. Симпатичный парень. Не женат. Хотя было ему далеко за тридцать. Частенько захаживал к нему домой. Выпивали. Он жил в квартире на два хозяина. Соседка его,

Наталья Владимировна, женщина плотного телосложения, была всегда под мухой. Как не зайду, от нее постоянно разило перегаром. Я даже не помню цвета ее глаз, так как веки всегда были опущены от вечного похмелья. О лице лучше и не вспоминать. У самых первых первобытных людей физиономии были намного симпатичней. Мне мой приятель говорил, что ей было лет пятьдесят или около того. В прошлом дважды была замужем. Имела двоих сыновей. Старший ее отпрыск, страстный любитель спиртного, в возрасте двадцати лет, далеко не крепкого телосложения, с вечно разбитым лицом и синяками, говорил нечленораздельно, так что общаться с ним было сплошной мукой. Наталья гнала самогон, но не на продажу, а для собственных нужд. Напивались со своим старшим отпрыском так, что не доходили до кроватей. А младший был сделан совсем из другого теста. Невысокого роста, крепкий. Спортсмен. Увлекался борьбой. Терпеть не мог их пьяные хари. Меня это очень удивило. Почему такая большая разница? Ведь рождены от одной матери? Потом я выяснил: мать-то одна, да отцы разные. Оказывается, первый ее муж был страшным выпивохой, скандалистом и прочее. Умер от сердечного приступа, не пережил похмелья. И старший сын Сергей копия своего отца. Второй на дух не переносил ни табачного дыма, ни запаха алкоголя. Любил классическую музыку, поэзию, живопись. Хотя и работал на стройке шофером. С каждой получки водил детей и свою благоверную в центральный парк. Катались на каруселях, посещали кафе. Пили лимонад, ели пирожки и мороженое. В общем, духовно отдыхали. Но случилось несчастье, он погиб. Разбился на грузовике. После дождя на скользкой дороге занесло машину в кювет. Так и умер в больнице, не приходя в сознание. Когда хоронили его, она чуть с ума не сошла, скорую помощь вызывали. Сколько уговаривали ее, чтобы набралась силы пережить горе свое. Ведь двое детей у нее как-никак. Старшему тогда было двенадцать, а младшему и вовсе семь лет, только в школу пошел. После похорон Наталью как будто подменили. Совершенно стала другой. Пристрастилась к спиртному.

Сначала выпивала с подругами за компанию. А уж когда научилась гнать самогон... И старшего-то сына споила, и сама спилась. Зато младший, Константин, гены перенял от своего погибшего родителя, не пил и не курил. Так рассказал мне бывший приятель.

— Почему бывший? — насторожилась Полина.

Кот растоптал недокурную сигару и горько вздохнул:

— Шибко выпить любил, вот сердечко и не выдержало. Я даже на похоронах не был. Поздно узнал.

Услышав это, блондинка сразу переменилась в лице. С алых губ пропала улыбка, хмурые тучи бровей сделали ее лицо бледным и холодным, как долгую осеннюю ночь, и по щекам потекли слезы. Утирая их, еле слышно произнесла:

— Извини, я не знала.

— Да ладно, тебе, — продолжал Кот. — Что теперь об этом горевать. Многих хороших людей потерял. И тех, кто в меру выпивал, и тех, кто не пил вовсе. Кое-кого мне по сей день так не хватает, что просто волком выть хочется. Скучаю. По ночам во сне голоса их слышу. А впрочем, что-то мы отвлеклись от темы. Надо же закончить мысль. Ну вот, слушай дальше. Младший ее сын ушел в армию, и с концами. Ни слуху, ни духу. Даже письма не написал, где он и что с ним. Наверное, в том городе, где служил, женился, да и остался там. А возможно, и завербовался куда-нибудь на север за длинным рублем. Сейчас это модно. А мать его со старшим братом умерли. Сначала она от инфаркта, а вслед за ней и он. Не знаю, кто теперь живет в их квартире. Давно в тех краях не был.

Блондинка немного успокоилась, посмотрела на Василия печальным взглядом:

— И все-таки ты не прав. Интеллект к детям и от матерей передается.

— Ха-ха-ха, — засмеялся Кот. — Так и знал. Вечная вражда между женщиной и мужчиной. Кто умнее и кто главнее в семье. Вот, послушай, расскажу тебе еще одну историю. Знал я в юности одного парня. Широкоплечий красавец. Его серые глаза никогда не забуду. Сколько в них тепла и доброты. Любая девушка была бы рада

быть его спутницей жизни. Но, однако, был у него один недостаток, любил шумные компании, выпивал, и не только с полочки. Имел много друзей. Даже когда женился, традиций своих не менял и продолжал после работы посещать пивной бар и прочие места, где продавали алкогольные напитки. Конечно, пьяным вусмерть нигде замечен не был, и в вытрезвитель не попадал, и домой приходил на своих ногах, без чьей либо помощи, но все таки, за воротник закладывать любил. Естественно, Свете, его молодой супруге, это не нравилось. Все-таки терпела, как могла. И вот когда родился у них ребенок, сын, то Андрей, так звали того парня, пришел в роддом с шикарным букетом цветов для своей возлюбленной и коробкой шоколадных конфет для медперсонала. И все так же под мухой. Но взглянул на своего первенца — и сразу внутри что-то оборвалось, перевернулось. С первого взгляда он полюбил его так, что невозможно словами выразить. Назвал Михаилом в честь покойного отца, что не дожил до рождения внука. Ты можешь мне не поверить, но бросил не только пить, но и курить, чтобы дымом табачным не дышать на свое чадо. После работы спешил домой, забыв про шальную компанию выпивох, дабы взять на руки свое дитя и пойти с ним гулять. А чтобы не скучно было, когда младенец спал в коляске, брал с собой книгу, какая попадалась под руку. И, сидя где-нибудь в скверике в тихом укромном уголке на лавочке, читал. Так постепенно заинтересовался литературой, именно классикой. И не только художественные произведения, но и публицистику потихоньку постигал его разум. Так дошел и до поэзии, удивляясь тому, что раньше даже не подозревал, какая это прелесть. Вскорости родился Егор. Я к чему все это говорю-то... Прошло время, и дети стали взрослыми, но старший его отпрыск и поныне от выпивки не откажется. Хлещет спиртное так же, как когда-то пил его отец. То есть гены передались вместе с низким интеллектом. А младший даже на новый год глотка шампанского не делает. И лицо, и стать, даже волос и цвет глаз такой же, как у Андрея. Пишет стихи. Конечно, пока еще не шедевры, но все-таки. Поступил в Литературный

институт, окончил его, и теперь работает редактором в какой-то газете. Пока не женат. Но ничего, когда-нибудь да встретит свою единственную. Таких случаев много, они сами за себя говорят, эта и есть благодать, про нее однажды мне рассказывал один старец, передается исключительно по мужской линии. Потому всем мужикам без исключения советую заняться чтением хороших стихов, их у нас в любой библиотеке в бесчисленном количестве. Слушать музыку, желательно классику, и любить живопись. Михаил другого склада. Волос темный, такой же, как у Светы, его матери, даже родинка на левой щеке такая же. Кроме того, я знаю, когда рождаются мальчики, а когда девочки.

— Ох, Василий, — засмеялась блондинка, — ну, ты хватил! Да разве можно это предвидеть? До такого даже наука не дошла.

— Она не дошла, а я дошел, — возмутился Кот. — Ты сначала послушай, а выводы потом делать будешь. Мальчики рождаются у женщин между двадцатью четырьмя и двадцатью шестью годами включительно. А вот между девятнадцатью и двадцатью тремя получаются почти всегда, за исключением редчайших случаев, девочки. И таким образом запросто можно подсчитать, кто и когда родится. Если не веришь, можно проверить. Тебе сейчас сорок пять. Значит, у тебя будет сын, если, конечно, выйдешь замуж. Немедленно!

— Ах, вот значит, к чему ты клонишь! — улыбнулась Полина. — Ох, Василий, хорошая из тебя сваха получилась бы.

— Ладно, — вздохнул Кот. — Не веришь, не надо. Время покажет. Жди нас в понедельник или во вторник. Приду с Александром. Свататься будем.

— Ну что же, я всегда гостям рада, а там поглядим.

Деревня давно осталась позади, и с пригорка проселочной дороги уже было видно шоссе.

— Почитай еще что-нибудь.

Василий негромко откашлялся и торжественно произнес:

— Следующее мое произведение называется «Бондарь». Почему я его написал? Понятия не имею. Может быть, потому что

отходит эта профессия. Все трудней и трудней найти человека, что делает бочки, именуемые в простонародье кадушками. Это искусство постепенно вымирает. Ну, в общем слушай.

Здорово, бондарь! Как живешь?

Простой, как прежде, молчаливый.

Блажен покой, когда идешь

Под соловьиным переливом.

А я, как видишь, повзрослел.

Теперь до старости немного.

Пускай, как снег, твой волос бел,

Ты нес свой крест и верил в Бога.

Идти куда глаза глядят

Мне просто напрочь надоело.

Играл с тоской в понурый взгляд, —

Куда черемуха глядела?

Как жалко, что я не успел

Найти свою, свою дорогу.

Как под гармонь ты славно пел,

Когда вернулся из острога.

Меня еще поймут, простят

За то, что жил я неумело.

И журавли до звезд летят,

Сады осыпав пухом белым.

Ты знаешь, бондарь, я устал.

Наверное, грешил немало.

И я бы к берегу пристал,

Коль смог бы жизнь начать сначала.

И я пою, что не богат,

Но будь спокоен и не беден.

И не со мной уже закат

Играет в бурого медведя.

Ну что же, бондарь, будь здоров!

Теперь увидимся не скоро.

Ты никогда не пас коров,

Но никогда и не был вором.

И душу вольную свою

Не променял на рюмку водки.

И я в груди еще таю

Нетвердый шаг твоей походки.

А в памяти остался дождь

И бондарь с бочками своими.

Одет по-флотски, брюки клеш,

Что дорожил и в праздник ими.

Незаметно вышли к автобусной остановке.

— Давай напоследок тебе еще что-нибудь прочту, пока в хорошем настроении, — сказал Кот и нежно посмотрел на Полину.

Та кивнула, и Василий продолжил.
 Круто сеяли хлеб, а бросали по зернышку.
 Лошадей не стегали. Для кого берегли?
 И в затерянных избях
 тянули разлуку из горлышка,
 На остывших печках одинокие короли.
 Кони шли и о камни копытами цокали.
 А дорога вся в звездах с мостом впереди.
 Где княжну молодую,
 как пленницу горькую,
 Приручили у всадников спать на груди.
 Не забыть мне ее,
 ту, похожую чем-то на фею.
 На прощанье взмахнула рукой,
 как крылом, навсегда.
 Без которых леса, и поля, и луга опустеют,
 И погаснет навеки над омутом
 чья-то звезда.
 Можно ль это назвать расставание
 нашей судьбою,
 Переписанной кем-то за нас
 и не с легкой руки?
 И дождю не до сна,
 что становится чащей лесною...
 Поздней осенью так не стучали
 его каблуки.
 И остались лежать, недопитыми
 в солнце, колодца.
 За холмами уже на заре не гудят поезда.
 Только малая капля дождя
 упадет в свой родник, улыбнется.
 И в лохмотьях бурьяна
 пройдут над рекою стада.
 А дорога стелилась по полю
 звездною скатертью.
 И катилась луна по убогим
 холмам в мертвый лес.
 Мне б от боли такой за столом
 в кулаки горько плакать бы...
 Но а колокол бил,
 поднимая грачей до небес.

— Ну, как тебе мои стихи? — едва закончив читать, спросил Василий.

В ответ блондинка обернулась и негромко промолвила:

— Если бы не нравились, не слушала бы. Однако народу нет! Стало быть, автобус только что отошел. Следующий ждать придется. Сам знаешь, ходят по графику. Каждые сорок минут. Ну давай еще что-нибудь проч-

ти на посошок, да пойду домой, а то мать еще не кормленная. Конечно, постояла бы с вами. Но не могу, извини.

— Да ладно тебе! Неужто мы не понимаем. А на прощанье хочу преподнести тебе одну вещь из раннего. Так что строго не суди, — и Кот, глубоко вздохнув, начал читать.

И стоят стволы молодых берез.
 На холмах лежат тропы лыжные.
 Впереди саней вел по следу пес.
 И к ночной звезде следы вывели.
 Я в такой глуши к тишине привык.
 Над моей бедой совы плакали.
 И мороз по мне головой поник,
 И леса в капель слез не прятали.
 На прицел ловил ястребиный крик.
 И из чаши пил брагу пенную.
 И мела метель, я б и к ней привык,
 Но с душой своей что поделаю?!
 Я в кострах сжигал вековой ночлег.
 Думал, краше край этот сделаю.
 Потерял тропу, знать, велик мой грех...
 Все равно в Христа, в Бога, верую.
 Над рекой столбы высотой до звезд.
 Провода гудят неподвижные.
 Горевал гнедой, но поводья нес.
 Но поводья нес, так и выжили.

— Ну, спасибо тебе, Василий, за красоту строк. Да и вообще за то, что не забыл меня. Только там о Боге сказано, а говорил, что не веришь, — с хитринкой в глазах усмехнулась Полина.

— Так ведь это стихотворение было написано с чужих слов. Один хороший человек рассказал о себе, а мне пришла мысль написать от своего имени. Конечно же, такое произведение не напечатают даже в многотиражной газете. Но меня это не смущает. Пусть будет, каким его придумал.

— Ну что же, как нравится, так и делай. А стихи хорошие. Мне душу согрели. В общем, до встречи. Пока! — крикнула она, на прощанье помахав рукой, и легким, быстрым шагом направилась в сторону своей деревни. Василий долго стоял и смотрел ей вслед. Еще никогда не сожалел так, как сегодня, что он не человек. Может, это была самая большая его ошибка то, что хотел походить на людей обличьем. Все задуманное

им получилось превосходно, а как заставить сердце любить или не любить?

— Кто крайним-то будет? — Послышался за спиной женский, чуть хрипловатый, голосок.

Кот обернулся и увидел перед собой не совсем молодую, но приятной наружности женщину с распущенными темными волнистыми волосами чуть ниже плеч и опухшими, влажными от слез глазами.

— Я! — невозмутимо ответил он и как бы невзначай спросил: — О чем дева плачешь? О чем слезы льешь?

Та горько вздохнула и, промокая носовым платком пухленькие с небольшим румянцем щечки, еле слышно промолвила:

— Вот еду подавать на развод. Сил моих больше нет от этого пьяницы. Ну что не жить, что не жить по-людски? Ведь все условия для этого созданы. И работа хорошая. Заработок — дай Бог каждому, да и я еще не старая. Двое детей. В школе на хорошем счету. Пускай не отличники, но все-таки не двоечники. Никакие средства, ни уговоры не помогают. Пьет, гадина, не подавится. У моей подруги тоже муж был алкашом, так она его в два счета отучила. Заквасила брагу, а на дно кастрюли тряпку половую положила. И как только, ее дурень допил до дна, увидел эту дрянь, начало его рвать, и до сих пор даже по большим праздникам спиртное видеть не может. По сей день живут душа в душу. Ну вот, по ее совету, все так и сделала. И в один прекрасный день пришла с работы домой и увидела своего паразита с тряпкой в руке, крепко-накрепко, отжимавшего ее до капли в свой граненый стакан со словами: «Эх, еще бы граммов сто для полного счастья! И баста!» Чуть в обморок не упала.

— Ха-ха-ха, — схватился за живот от смеха Василий. — Ну, ты даешь! Как тебя хоть звать-то?

— Галина Петровна, — ответила брюнетка, поднося носовой платок к лицу, готовясь снова пролить горькие слезы.

— Ну вот что, слушай меня внимательно! Два раза повторять не буду, — неожиданно выйдя из веселого настроения, Кот резко обратился к ней. — Для того, чтобы твой благоверный бросил пить, многого не надо.

Нужно только хорошо знать мужскую психологию. Без этого ничего не получится. Что такое психология знаешь?

— Нет, — немного удивившись, ответила женщина, готовясь вслушаться в каждое слово, сказанное собеседником.

— Ну так вот, — продолжал Василий, — вся эта ерундовина построена на человеческих эмоциях. Например: страх, паника, озлобленность, скандалы, ругань, драки, поножовщина, страсть и так далее, и тому подобное. Конечно, кроме любви. Так как это высокое чувство, оно дано далеко не каждому почему-то.

— И с этими словами Кот горько вздохнул и устремил свой взор, в ту сторону, где недалеко от шоссе, в неказистой, на вид деревеньке, жила Полина. Но внезапно опомнился и стал говорить дальше:

— Так вот, почти все мужики больше всего на свете боятся бабьего сурового молчания. И твой муженек наверняка тоже. А потому попробуй ему сказать так: «Если хоть еще один раз придешь домой пьяным, целую неделю слова из уст моих сахарных не услышишь». Знаю! Знаю, — гневно махнул Кот рукой, — что это тебе не под силу. Ни одна баба такого испытания не вынесет. Поэтому предлагаю следующее: купи магнитофон с наушниками, правда, в копеечку обойдется, но игра стоит свеч. И слушай через них музыку или еще чего-нибудь. В общем сама придумай. Будет глухо, как в танке. Даже если бомба рядом разорвется, не услышишь. Как только твой пьянчужка заявится домой в нетрезвом состоянии, чего бы не выкобелывал, не отвечай. Понятно? И как бы ни кричал, все равно не докричится. А ты просто сиди на стуле, закрыв глаза, наслаждайся мелодией или еще чем, и молчи. Ежели начнет бить посуду, громить мебель, вставай и уходи на улицу, и там пережди временное буйство своего благоверного. Думаю, больше двух недель, такого одиночества никто не выдержит. А главное, бросит пить. Если и захочет когда-нибудь выпить, то только с твоего разрешения. Такое уже случилось и не раз. Многим женщинам давал такие советы, кстати, их мужей хорошо знал. Помню, где-то месяц назад ко мне обратилась

одна дама со словами благодарности. «Все что хочешь для тебя сделаю, за то что научил уму-разуму. Мой охламон уже полгода не пьет. Могу ремонт в твоей квартире сделать бесплатно, так как работаю на стройке маляром-штукатуром». Но я попросил ее только об одной услуге, чтобы супругу своему не рассказывала, от греха подальше, кто ее на такое дело надоумил.

— А что! Можно попробовать, — воскликнула брюнетка и улыбнулась. Ох, денег-то с собой мало взяла. Боюсь, не хватит. Придется идти назад. Как раз недавно в комиссионном видеела плеер. Его-то и куплю. Спасибо тебе, мил-человек. Да! Так и сделаю. Теперь уж свои порядки заведу. Попляшет у меня, стервец эдакий.

Еще раз от всего сердца поблагодарила Василия, быстрым шагом перешла на другую сторону шоссе и направилась к тропе, что вела куда-то в гору.

— Ты только, того, смотри не переусердствуй! — крикнул ей вдогонку Кот.

Она оглянулась и громко крикнула:

— Не бойся, сделаю все, как надо. Он теперь у меня по струночке ходить будет.

— Да, — подумал Василий, — баба, она и есть баба!

Леший во главе всей честной компании стоял неподалеку и невозмутимо слушал неинтересный, по его меркам пустячный, разговор. И терпеливо ждал своего часа, чтобы высказать этому пройдохе некоторые свои серьезные недопонимания. И когда она удалилась от шоссе, хозяин леса нарушил тишину своим могучим басом:

— Слушай, блохастый, почему сегодня ночью, маленько потрепав браконьеров, мы не скрывали от них, кто мы такие? А теперь даже разговаривать не разрешаешь, чтобы не привлечь к себя, как ты любишь выражаться, внимания со стороны?

— Потому что не хочу неприятностей, — сказал Кот. — И на всякий случай огляделся, желая убедиться, что кроме них поблизости никого нет, и продолжил: — Те были не просто какие-то там браконьеры, а обкомовские работники, да вдобавок во главе с секретарем обкома. Правда, не знаю, каким по счету. Первым или вторым? Или, может быть, чьим-нибудь заместителем? Да кто разберет?

Их сейчас развелось, как собак нерезаных. Так что, если на нас заявит в милицию, что якобы его обворовали Баба-яга, Леший и прочая нечисть, то психушки этому дурню не миновать. А это значит, конец всей его карьеры и дальнейшему благополучию. Даже могут исключить из партии за нездоровые мысли и паническое настроение. За то, что в сказки верит. Тем самым лишат кормушки. А как же?! У них насчет этого строго. А изгнание с высокого поста, для таких, как он, хуже смерти. А здесь живут люди, и большинство без высшего образования, потому терять им нечего. И если как-нибудь случайно узнают, с кем имеют дело, возьмут в свои натруженные ручонки колы, дубины и прочий нехороший древесный материал и начнут считать наши ребра. Ты знаешь, сколько их у тебя?

Леший в ответ насупился и отрицательно покачал головой.

— Ну вот, — продолжал Василий, — потом тебе скажут, ежели живым останешься. Между прочим, сколько раз можно просить, не называй меня блохастым. Я их давным-давно вывел. Кроме того, по сравнению с тобой, каждый месяц хожу в парикмахерскую. По субботам посещаю баню. Да и вообще, если кто из моих знакомых услышит такое... Знаешь, что будет?

— Нет, не знаю! — насторожился Леший.

— Тогда молчи и не возникай.

Кот подошел к Водяному и, усмехнувшись, спросил его:

— Да, кстати, Мокруша, знаешь ли ты, что будет, если скрестить ежа с ужом?

Тот поскреб затылок и, закатив глаза, после недолгой паузы, пожал плечами:

— Нет, не знаю. А что?

— Полтора метра колючей проволоки, — произнес Василий, затягиваясь ароматным дымком сигары.

— Жаль! — горько вздохнул Леший. — Если этого гада колючего скрестить с удавом... Целый моток получился бы.

— Ха-ха-ха — закатился Кот. И тут подошел автобус.

(Окончание повести — в следующем выпуске)

© Петр АССЕЦЕРОВ, 2025

Игорь РОДИНКОВ

Как я помогал мошенникам мошенников разоблачать

(Быль из нашей жизни)

Вчера со мной приключился забавный случай, который стоил бы мне если не жизни, то, по крайней мере, квартиры. Правильно говорил Михаил Булгаков: «Никогда не разговаривайте с незнакомыми людьми».

В этот день я получил наконец, долгожданную пенсию. Все средства информации прожужжали уши, что в этом году ожидается прибавка на 7,5 %. Может, для кого-то эти 7,5 % выльются в 2—3 тысячи, а у меня — всего в 890 рублей. А на столе лежит новая квитанция за содержание и ремонт помещения. Она выросла на 15 %, а до этого заплатил Ростелекому тоже новую сумму — на 20 % больше. Впереди еще 4 квитанции — наверняка с новыми цифрами. Простое математическое вычисление говорит, что если раньше мои платежи в месяц были около 6 тысяч, то теперь будет более 7 тыс. руб. Цены на лекарства и питание, надо полагать, тоже растут. И вот я теперь понимаю, что передо мной дилемма: или оплачивать коммунальные услуги, или покупать еду и лекарства, причем в самых скромных количествах. Печально. Печально.

Но это — лишь одна голова дракона, если хотите, Одиссея Сцилла. А вот вам и Харибда.

Так вот, когда я пребывал в таком пессимистическом настроении, вдруг раздался телефонный звонок.

— Здравствуйте, Игорь Аркадьевич, — услышал я приятный женский голос. — На ваше имя пришел пакет документов. Где вы его хотите получить на почте или в МФЦ?

— Что за документы? — спрашиваю я.

— Не знаю.

У меня сразу появляется мысль: наверное, это документы на субсидию по ЖКХ, которую я оформляю.

— На почту, — говорю я.

— Тогда скажите мне код, который вам сейчас придет в СМС, по нему через два-три дня вы получите извещение.

— Хорошо, — говорю я, как зачарованный.

Через несколько секунд приходит СМС с кодом, через так называемый сравни.ру, и я его благодушно сообщаю даме приятной

во всех отношениях (короче, вы уже поняли, что я «поплыл»). Мне бы тогда сообразить, что это равносильно тому, что кто-то написал на бумажке номер, передал мне и сказал: «Сообщи мне, какое там написано число». Короче, дальше — больше.

Через полчаса еще один звонок:

— Игорь Аркадьевич?

— Да.

— Вам звонят из МФЦ. Только что взломали ваш личный кабинет. Вы сообщали кому-нибудь свой код?

— Да, — говорю, — было так-то и так-то, а в чем дело?

— Мошенники похитили ваши данные и теперь могут на ваше имя взять кредит. У вас есть знакомые в полиции?

— Нет, — говорю я, чувствуя, что начинаю паниковать.

— Тогда я свяжусь со следователем по кибер-безопасности, и он вам перезвонит.

Через несколько минут — новый звонок

— Игорь Аркадьевич, с вами говорит следователь отдела по кибер-безопасности капитан Печорин Артем Александрович. Мне поступили сведения, что на ваше имя мошенники оформляют кредиты в банках. Вы давали кому-нибудь код вашего личного кабинета?

— Да, был звонок, и я сказал...

— Что же вы так неосторожны!

— Я думал, что это из соцзащиты по поводу субсидий.

— Очень неосторожно. Теперь они могут взять кредиты на ваше имя на 3 млн. рублей.

— Какой банк даст кредит пенсионеру с пенсией в 12 тыс. руб.?

— Они могут взять кредиты в микробанках. Это хорошо, что у вас такая маленькая пенсия. Они в заявке написали 20 тыс. руб. Вы не волнуйтесь. Я сейчас свяжусь с Центробанком, и специалист вам поможет заблокировать наши кредиты. Проблема еще в том, что заявки поданы с банковского сайта.

Ничего особо не понимая, жду очередного звонка. Не то чтобы я особенно взволновался,

но и спокойно на душе не было. И вот очередной звонок.

— Здравствуйте, Игорь Аркадьевич?

— Да!

— С вами говорит специалист Центрального банка по кибер-безопасности Миронов Михаил Юрьевич, табельный номер такой-то. Мне сейчас позвонил Артем Александрович. Мы проверили заявки мошенников на ваше имя. Они подали заявки в три банка: Сбер, Почта банк и Хоум банк. Мы заблокировали заявки в Сбере и Почта банке, а вот Хоум банк нам не подчиняется. Там лежит заявка на 300 тыс. руб.

— Что же делать? — спрашиваю я.

— Надо ехать в офис банка и аннулировать заявку. Как это сделать, вам расскажет Артем Александрович. Скорее всего, кто-то в этом банке работает на мошенников. Возьмите с собой паспорт.

Я даю согласие, меня уже разбирает охотничий азарт. Как я помогаю разоблачить крысу! В общем, следствие ведут знатоки. К тому же хороший случай написать новую главу своих мемуаров. Но нотка сомнения все же еще живет во мне.

— Как можно дать кредит человеку без его участия? К тому же — пенсионеру? Раньше, чтобы получить кредит, нужно было пройти столько инстанций да еще поручителя привести.

Но «специалист» Центробанка подкован на все сто.

— Что мы можем сделать? Во времена пандемии появился указ правительства оформлять кредиты онлайн.

В общем, я звоню еще раз «следователю» кибер-полиции и еду на Красноармейский проспект, дом 19, в офис банка. Он меня при этом предупредил: «Прежде чем зайти в банк, за 10 метров позвоните мне».

Пока я ехал в банк, маршрутом моего следования поинтересовался Михаил Юрьевич (только не Лермонтов, а Миронов).

И вот я на месте. Над стеклянными дверями надпись: «Хоум банк». Звоню Артему Александровичу. Он меня спрашивает, как я одет, предупреждает, что ведется видеонаблюдение, и чтобы я не ссылался на сотрудничество с полицией. Как себя вести в банке, меня проконсультирует Михаил Юрьевич. Задним числом я понял, что раз он получил мои приметы, значит, в банке были его сообщники или он сам.

Опять звоню «специалисту».

Он мне говорит: «Не отключайте телефон, с вами будет говорить наш сотрудник».

— Здравствуйте, Игорь Аркадьевич, с вами говорит сотрудник отдела внутренней безопас-

ности Центробанка... (ну, пусть будет Матрена Ивановна).

Честно говоря, до этого момента я верил и не верил. Но очи мои были закрыты, зачарованы вражьей силой. Она начала свой монолог: «Вы должны войти, как обычный посетитель, и попросить кредит на свой паспорт, причем, если вам предложат больше 300 тысяч — берите, это надо в интересах следствия». Далее она инструктировала, куда я должен деть эти деньги, как поступить, если они будут безличные. Но я уже не слушал. Произошло чудо прояснения. Как у Дмитрия Карамазова перед окном его отца, которого он хотел убить. «Слезы ли чьи, мать ли моя умолила Бога, дух ли светлый облобызал меня в то мгновение — не знаю, но черт был побежден», — говорил герой романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

— Нет! — сказал я. — Кредит брать не буду.

— Почему? Вы что, не хотите помочь следствию? Будете всю жизнь выплачивать кредит. Вы смотрите телевизор? Не видели, как разоблачили группу мошенников в Сбербанке?

— Сдается мне, что вы именно те мошенники и есть, — ставлю я точку в нашем разговоре.

— Ну, тогда пеняйте на себя!

Не успел я отойти от «банка», как поступил звонок от «следователя»:

— Вы что же, не хотите разоблачить мошенников?

— Я должен проконсультироваться, — сказал я.

— Ты дай ему пиз... — услышал я второй голос в трубке. На этом звонки прекратились.

По дороге я увидел офис Почта бака, решил поделиться ситуацией.

Хорошая девочка улыбнулась и сказала:

— Это мошенники. Ни один банк не оформит на вас кредит без вашего личного участия. Спи спокойно.

Я бы тоже улыбнулся, но сейчас только понимаю, что если бы я переступил порог этого Хоум банка, то не вышел бы живым, не подписав все их документы.

Что от меня нужно было мошенникам? Конечно, на свою нищенскую пенсию я никогда не выплатил бы даже 300 тыс. руб. Это они знали, значит — прощай квартира, а там и жизнь. Но ведь они знали, что я живу один в двухкомнатной квартире. Откуда? Недавно я подал заявку на субсидию в МФЦ, а они — в соцзащиту. Кто спасет нас от «духов злобы поднебесной»?

©Игорь РОДИНКОВ, 2025

Ирина БОБЫРЕНКО

«Вот такая дребедень...»

Беседа с художником

Балагур с веселым прищуром глаз, с притягательной легкостью общения. Он чутко улавливал настроение собеседника. Мог с ходу на листе бумаги набросать портрет человека, точно передать черты его характера.

Таким запомнился Сергей Сачков, художник, иллюстратор детских книг, автор рисунков для мультфильмов, член Союза художников России. Его работы хранятся во многих частных коллекциях России, Франции, Бельгии, Голландии, Германии...

В этом году Сергею Николаевичу Сачкову исполнилось бы 70 лет... (16 февраля 1955 года — 21 июля 2016 года).

В память о нём в Альманахе «Отчизне посвятим» мы публикуем беседу, записанную в 2002 году журналистом Ириной Бобыренко.

1

— Два соседа собирались забор чинить. И вот уже на столе большая бутылка, большие стаканы, рюмочки, маленькие такие. И стали мужики обсуждать проекты: тут тебе и баня с колоннами, и бассейн, и забор, и лебединое озеро, конечно. Слово за слово, стали спорить: где баню строить, а где — бассейн. Тогда «стукнул хозяин дома кулаком по столу, топнул ногой по полу, поднялась пыль знатная, кот и курица разбежались, а оба соседа принялись чихать. И так славно чихали, что одна деревяшка упала с крыши, стукнула обоих по лбу, большие шишки получились».

— В итоге — все та же соломенная крыша, теперь еще и «с дыркой»... Те же покосившиеся стены... Мечтатели, — листая книжку, добавляет с улыбкой Сергей.

Каждый день утром, после прогулки со своим четвероногим питомцем, любимым Рэем, Сергей садится за письменный стол, в не-

большой комнате в обычной панельной девятиэтажке, где и рождается та «дредендь», которая безумно нравится детворе, приводит в восторг взрослых.

Сергей Сачков, художник и оформитель детских книг.

«Правда, — вспоминает Сергей, что до поры до времени об этом не помышлял». И если бы не учительница в школе, обратившая внимание на способности ученика, может быть, никогда рисование не стало бы для Сергея профессией.

Сергей вспоминает:

— Папа купил лист ватмана, набор масляных красок, почему-то беличьи кисти акварельные и сказал: «Рисуй».

Я сел рисовать. Где-то все отдыхают, ребята там на пляж бегают, загорают, рыбачат. А я, значит, как прикованный к этому листку, рисовал. Сначала интересно было, на ватмане масляной краской.

Потом, когда уже мелкие фигурки там вокруг где-то, уже стало скучно, я их кое-как нарисовал, ладно, пусть. Папа, значит, лист сворачивает в рулон, берет меня за руку и тащит в Дом пионеров. По-моему, папа в детстве тоже ходил в кружок рисования и что-то в этом понимал. Так вот, приходим, папа показал мой «шедевр». Там и застыли все. Учительница, такая замечательная, говорит, что, мол, «пусть он к нам ходит, только вот маслом на бумаге рисовать не надо». А у нас в конце деревни жил художник, настоящий живописец, все его знали.

Пошел отец к нему и опять показал работу. А художник тоже говорит, что так делать не надо. Надо холст натянуть на подрамник и уже тогда писать маслом. Но художник не сказал, какой холст. Папа купил холст, натянул, но холст-то не грунтованный.

2

И попросил папа написать картину с репродукции: «танки». Для своего приятеля, старого друга. Я понял, что друг у него танкист был.

Нарисовал картину, папа опять понес художнику, а тот: «Вы что, холст же грунтовать надо».

Мы с папой учились грунтовать холст. И началась какая-то беда. Летом народ отдыхает, а меня только что вот веревкой не привязывали. В сарае прибьют холст. Пока не сделаешь, не уйдешь. И вот день, два, неделя.

А когда скучно, оно иной раз и не получается. И папа говорит: «Нет, волна не такая, не такая, переделывай».

Осознанное желание рисовать появилось позже, в пятом классе, когда Сергей уже по собственной инициативе, самостоятельно, пошел учиться в художественную школу. Это было в Рязани, откуда Сергей родом, где рос, где впоследствии окончил художественное училище. А потом армия, Средняя Азия, Ташкент, Байконур, Кизляр. Где бы ни был Сергей, с карандашом и бумагой не расставался.

— Это казах Леша. Тоже такой персонаж армейский. Витя Бахов. Кубанский казак. Настоящий казак. Почему-то, глядя на него, я считаю, что да, вот это настоящий казак. Казак, каким его, допустим, описывал Гоголь. Тарас Бульба. Запорожский казак. Характер. Вот это казацкая закваска какая-то, генетическая. Она и в нем, в Викторе, присутствовала. То есть это вот, как, наверное, какой-нибудь запорожец мог там с одной саблей на вражескую толпу. Бесстрашно совершенно. Не думая о том, что там с ним самим будет. Вот Витя, он такой.

Это тоже армейские персонажи. Сережа, шахтер из Воркуты. А это Гена Бородах из города Юга. Красивый парень. Это тоже мой старый приятель, армейский. Ташкентец. Рашид. Хороший парень. За два года я не знаю, сколько я сделал этих альбомов. Себе не стал делать. Сложил в кучу фотографии и домой пришел. Как правило, и причем часто, внешность диктует характер человека. Вот если у него правильное лицо, такой греческий нос, подбородок на месте, овал губ, глаза большие, красивые. Во-первых, его рисовать трудно.

Обязательно не похоже. Как ни пытайся, все равно без толку. А плюс ко всему — не за что зацепиться. А он и сам такой, как его внешность, никакой.

А люди, у которых нос неправильный, бородавка на щеке, они и к жизни как-то иначе относятся. Нечем особо хвастаться. В ярмарке невест или женихов не участвуют. Какой есть, такой и есть. Из этого и исходят, и так и живут. А тогда уже и чудинка появляется, такая изюминка в человеке.

Интересней всех, наверное, дети и старики. Потому что люди взрослые, они такие воображали, слишком многое из себя понимают и думают.

А дети — еще такой возраст непосредственный. И старики, которые уже не смотрят там, как бы красиво, некрасиво, какой он сегодня утром встал. Есть у них мешки под глазами, морщины новые появились или нет. Правильно?

3

Они естественные, те и другие. А такой средний возраст, это еще сплошные воображали. Но, опять же, со стороны интересно все это наблюдать.

Насколько люди разные.

Сергей собирался в Суриковское, но после армии женился. А так как считал, что не в ладу с живописью, решил идти в полиграфический институт. Жили они тогда с женой Леной под Ленинградом, где родилась их первая дочь.

Вообще-то Сергей и Лена родители многодетные, четверо у них, две дочки и двое сыновей. Старшие выросли, разлетелись, Глеб — самый младший. По словам Сергея, на него похож. Такой же, неумный.

— Отец рассказывал, как мы тогда жили под Выборгом, в деревне. Мне было 3, 4, 5, 6 лет. Потом-то уехали. Я не помню, но он говорит, что со всей деревни бабы ходили и «жалобились» на меня, мол, хулиган растет. Тоже такой неумный был.

Сергей, смеясь, добавил: «Вырос, обленился. Вот почему и рисовать стал.

Шевелиться не надо, сидишь с маленькой кисточкой, детальки прорисовываешь».

«Итак, дорогие ребята, вместе с маленьким человечком Лешиком мы отправляемся с вами в путешествие на остров Страх. Лешик нашел волшебную книгу и стал упражняться в волшебстве».

— В основном мне за свои книжки не стыдно. Нет, бывает какое-то рисование художественное. Это можно было бы иначе сделать, это немножко не так. Такое бывает.

Но стараешься сделать так, что все-таки не стыдно. Не стыдно было подарить, просто видеть на прилавке, что кто-то ее возьмет.

Книга — это искусство синтетическое, скорее, потому что мало просто уметь рисовать. Вот там такой персонаж. Необходимо знание анатомии, истории костюма, истории быта, истории прически. Много чего. Уже не говоря о том, что саму книжку надо уметь сделать. Ее скомпоновать, так разложить иллюстрацию, чтобы был какой-то ряд интересных изображений.

Ритмика должна быть в книжке. Не просто все складывается. Рисовать проще уже потом, когда все это придумано. А пока все это собираешь в кучу, и у тебя кроме текста ничего нет. Тебе говорят только количество страниц, объем, сколько там тетрадей заложено, какой формат, какая обложка будет, а все остальное надо придумать.

Кто-то говорит, что нет ничего сложнее, чем создать детскую книгу. Как правило, этот процесс не быстрый.

Последнее время идут одна за одной книжки, и часто тексты одни и те же. И надо самого себя не повторить. То есть заново что-то новое придумать. Один мой знакомый говорит, главное, чтобы было чего рассматривать.

Когда читать научился, я понял, что перечитал все сказки, какие только попадались. Всех стран и народов. Все, что в библиотеках было, в одной, в другой. Ну как не любить сказки!

Сказки он читает теперь детям. Правда, до сих пор не перестает этим сказкам удивляться.

— Вообще, сказка — очень загадочная. Не менее загадочная, чем «Курочка ряба». По-моему, никто до сих пор так и не понял ее до конца.

Ну, вот как вариант «Варежка».

И все они в этой варежке. И лягушка, и волк, и медведь, и кого там только не было. И все они в этой варежке. Медведь только последний пришел и раздавил там все.

Понимаешь, как-то странно, объем странный. Ну вот представь, рукавичка, в которой куча зверей потом там живет.

И это потихоньку разрастается, когда рисуешь там все.

Диафильм я один делал в свое время в Москве с варежкой.

И с этим горшком тоже ничего не понятно. Какой бы он ни был этот горшок — начинается он с комарика, мухи, мышки. Потом там уже и волк, и лиса.

Народу-то сколько, как они там все помещаются, не понятно.

4

Кажется, что Сергея Сачкова мало кто знает в Туле, хотя с семьей живут здесь почти 20 лет. Сюда приехали по приглашению издательства «Коммунар». Работая там, Сергей долго не мог найти себя.

— Книжки, я считаю, они (издательство) не делали. Они, наверное, просто не знали, чем меня занять. А тут зашел как-то в производственный отдел. А мне говорят: «Эх, ты, художник. Вот как рисовать надо».

И показывают календарь, кто-то, уж не помню, нарисовал. Календарь с птичками, какой-то чудной немножко. И так обидно стало, что я не смогу. И сделал.

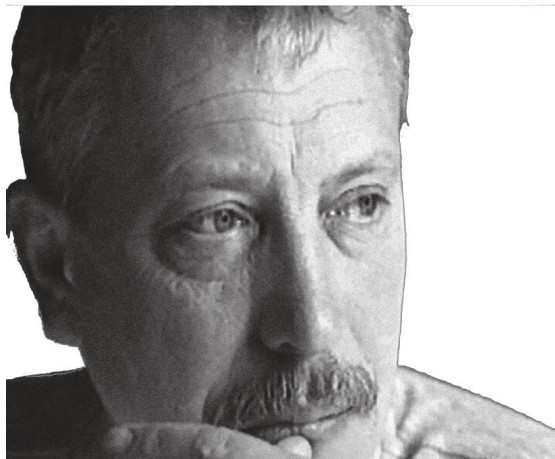
Потом интересно было, утром идешь на работу, а здесь, в киоске печати, продают твои календари. Стоит народ, человек десять, кричат, «по одному давайте, на всех не хватит».

И это было первое народное признание. Да, да, да. Его календари, развешанные в автотранспорте, кто-то увидел из журнала «Веселые картинки», детского журнала.

И позвали Сергея в Москву.

— «Веселые картинки» — это просто большая, очень большая школа. Хорошая.

Этот детский журнал заставлял быть очень мобильным, каждый раз по-новому все переосмысливать. Поэтому и рисунки разные просто.

Я считаю, что вообще нет не иллюстрируемых текстов. Тексты — это в своем роде чертеж. Какой бы текст плохой не был, часто художники его выручают.

5

«Сдается мне, братец кролик, на этот раз я тебя поймал.

Может, я и ошибаюсь, но кажется мне, что поймал.

Ты все тут скакал и потешался надо мной, но теперь конец твоим шуткам.

Как размахнется, как бросит кролика.

Встал лис на задние лапы, смотрит, что будет с кроликом.

Вдруг слышит, кличет его кто-то.
Глядь, там на пригорке, братец кролик».

— Папа у меня человек из деревни, да еще и рабочий. И для него сын — художник, еще у которого коньяк будет, своя мастерская, это, наверное, для него что-то. Сейчас это вспоминаю, даже трогательно. Чудно, смешно, но так. К сожалению, не то, чтобы не дожил, но он умер, когда я еще только-только начинал «вставать на ноги».

Все сказки для Сергея, как дети, любимчиков среди них нет.

Тем не менее.

— Ладно. Вот что мне нравится.

И показывает Сергей рисунки с рыбами. Много рисунков.

— Любите рыбалку?

— Да. Поэтому так много рыб нарисовано, если хотите. На рыбалку бы сходить. Победельничать с удочкой, на воду посмотреть. Ну, с этим всегда сложно. Работы много. А так — ничего другого не надо. И в жизни не хотелось бы мне что-то поменять, основу оставил.

© Ирина БОБЫРЕНКО, 2025

На фото: художник Сергей Сачков, акварель «Крапивна»

Дина ШЕСТАКОВА

Принцесса на горошине

Действующие лица:

Король
Королева
Принц
Принцесса
Служанка Матильда

Провинциальное, не очень богатое королевство. Об этом нетрудно догадаться по убранству королевской гостиной. Позёвывая и потягиваясь, в поношенном и мятом халате входит Король. Подходит к стене, на которой висят часы. Часы стоят. Берёт колокольчик, звонит. Входит служанка

Король. Который час, Матильда?

(Служанка смотрит на свои электронные ручные часы)

Матильда. Ровно четыре часа, Ваше Величество. По дворцовому распорядку у вас занятия государственными делами.

Король *(досадливо)*. Знаю, знаю. Иди, Матильда, хотя, постой! А чем занимается сейчас Её Величество?

Матильда. Красит правый глаз.

Король. Красится? Это — не к добру... *(Матильде шопотом, оглядываясь на дверь)*. А в какой цвет красит?

Матильда. В зелёный. Сегодня же среда.

Король. Как?! *(Оглядывает себя)* А почему же я в красном? Неси скорее зелёный костюм!

Матильда. Он в чистке. Вы же знаете, Ваше Величество, как у нас работает Королевское Бюро Добрых Услуг.

Король. Безобразие! *(Нервно ходит)* Знают, бездельники, что мне нечем заплатить палачу, чтобы отрубить их беспечные головы! Ничего, придет мой час. *(Служанке)* А ты, Матильда, тоже хороша. Неужели нельзя было почистить в другой день? Нет, ты меня хочешь окончательно поссорить с Королевой... А где корона? Почему нет короны? Не могу же я заниматься государственными делами с пустой головой?!

Матильда. Корона в углу, Ваше Величество. Вы её сами забросили туда, когда в очередной раз отрекались от престола.

Король. *(Озадаченно)* Да? Вот до чего могут довести эти семейные неурядицы! И все из-за принца. Мальчику, видите ли, пора жениться! Когда я был молодой, я сам решал эту проблему. *(Тихо Матильде)* Не совсем, правда, удачно. *(Громко, твердо)* Но я всегда всё делал сам!

(Матильда не выдерживает, прыскает в сторону)

Король. Да, да, всё сам, не как нынешние: подай, достань, принеси. Теперь вот вынь да положи принцессу! А где её взять? Все порядочные принцессы давно уже замужем и разводиться не собираются. *(Шарит по ходу своих рассуждений в столе, на столе, под столом, наконец находит окурочек, обращившись к Матильде)* У тебя есть спички?

(Матильда достаёт импортную зажигалку, щёлкает. Король прикуривает, берёт зажигалку)

Король. Ничего вещичка. *(Читает по слогам)* Сде-ла-но в три-де-ся-том королевстве. Вот ведь умеют! А у нас? Одни лодыри! Одно жулье! Так и норовят цапнуть где что плохо лежит. Другой какой-нибудь завалышечный король давно бы плюнул и отказался от престола, а я терплю... *(Кладёт «машинально» зажигалку в карман. Матильде)* Ну, ладно, хватит болтать. Ступай, Матильда. Меня ждут государственные дела.

(Матильда смотрит на карман, куда «уплыла» зажигалка, вздыхает и выходит, но тут же возвращается)

Матильда *(испуганно)*. Королева!

(Король суматошно разгоняет руками табачный дым, натягивает корону, открывает книгу и якобы погружается в чтение. Входит Королева)

Королева. Извините, Ваше Величество, что отрываю вас от государственных дел... *(Удивленно разглядывает Короля, который продолжает глядеть в книгу)* А почему вы не в зелёном?

Матильда. Костюмчик в чистке. Эти бездельники из Бюро Королевских Услуг...

Королева. Вас не спрашивают, Матильда. Я разговариваю с королем! *(Королю)* Ваше Величество, нам всё же необходимо закон-

чить вчерашний разговор. И даже лучше, что вы сегодня не в форме. У нас будет неофициальная беседа.

Король (*досадливо*). Ну что я могу?! Не буду же я мотаться по всяким там тридцатым царствам в поисках принцессы?!

Королева (*ехидно*). Разумеется. А между прочим, другие короли в лепёшку могут разбиться ради собственного, единственного ребёнка!

Король. Он уже не ребёнок. Когда я был таким, как он...

Королева. ... Вы всё, разумеется, решали сами.

Король. Да, я принимал решения самостоятельно. Это даже отражено в 32-м томе Королевской истории.

Королева. Знаю я, как пишется эта история! Там, например, сказано, что ваш отец женился на Золушке. И нигде не сказано, что она — дочь Дровосека.

Король. Только не надо трогать маму! Если бы вы были на неё похожи...

Королева. Ну, договаривайте, договаривайте, что же вы замолчали?

Король (*более решительно*). Если бы вы были на похожи на мамочку...

(Вот-вот должна вспыхнуть ссора, но вбегает служанка)

Матильда. Принцесса!

Королева. Что-о?!

Королева. Где?!

Матильда (*скороговоркой*). Там у ворот стоит девушка. Она уверяет, что она — принцесса.

Король. Чепуха!

Королева (*презрительно*). Для вас всё чепуха! (*Матильде оживленно*) А как она выглядит?

Матильда. Обыкновенно: промокшая, озябшая, растрёпанная. Говорит, что заблудилась.

Король. Чепуха! Принцессы не гуляют в такую погоду.

Королева (*презрительно*). Много вы понимаете в принцессах! (*Матильде*) Впустите её, накормите и напоите чаем. (*Королю*) Вместо того, чтобы под сомнение ставить принцесса она или нет, лучше бы подумали, как проверить, что это действительно настоящая принцесса.

Король (*снисходительно*). Нет ничего проще. Надо посмотреть Книгу Королевских

Советов. (*Ищет*) Куда только она запропастилась? Матильда!

Королева. Матильда!!!

(Входит Матильда, жуя баранку.)

Король. Тебе приказали покормить нашу гостью, а не есть вместе с ней.

(Королева вырывает баранку, кусает, Король сглатывает слюну, спрашивает)

Король. Где Книга Королевских Советов? Матильда. Её подложили вместо сломанной ножки королевского стола.

Король. А-а-а. Да-да, я забыл (*достаёт книгу, шарит по столу*) А где очки? Матильда!

Матильда (*мрачно*). Очки у вас в кармане, Ваше Величество, там, куда вы положили мою зажигалку.

Королева. Что-о?! Я не ослышалась? Неужели, Ваше Величество, вы нарушили своё королевское слово и начали курить?!

Король. Как вы могли подумать. (*Достаёт зажигалку и очки*) Вещица занятная, заморская. Думаю, на что она Матильде? Ещё дворец ненароком спалит...

Королева. (*Берет зажигалку, разглядывает, кладет себе в карман*) Ну, это совсем другое дело... Иди, Матильда.

Король (*надевает очки, читает*). Оглавление. «Как избавиться от моли», «Как починить семимильные сапоги»... «Пайка прохудившейся короны»... Ага! Вот... Страница 240. «Как распознать принцессу».

Королева. Читай!

Король. «Снять с кровати все тюфяки и подушки, положить на доски горошину»

Королева. Горошину?

Король. Да, обыкновенную горошину. Потом взять двадцать тюфяков и положить их на горошину, а на тюфяки положить еще двадцать перин из натурального гагачьего пуха. Если принцесса настоящая, то из-за горошины спать она будет беспокойно...

Королева. Где ж мы возьмем перины из гагачьего пуха? Ладно, что-нибудь придумаем. Я сделаю всё сама. Только, Ваше Величество, никому ни слова!

Король. Могила!

Занавес

(Та же гостиная. Входит Принцесса, за ней с подносом идёт Матильда. На подносе сладости и фрукты.)

Принцесса. Какое бедненькое королевство. Я думала, здешний король побогаче.

(Берет конфету, разворачивает, фантик бросает на пол. Матильда поднимает бумажку, кладёт демонстративно на поднос, но принцесса не замечает.)

Матильда (*недовольно*). Королевство как королевство. Не лучше, но и не хуже других. Одни сапоги семимильные чего стоят! Хоть и поношенные. Нашему королю за них шапку-невидимку предлагали.

Принцесса. А ты помолчи. И запомни: рот открывать впредь будешь только тогда, когда тебе позволят.

(Матильда стоит, разинув рот.)

Принцесса. Мало того, что королевство бедное, еще и слуги испорченные: лживые, глупые, безобразные. (*Матильде*) Что встала столбом? Ступай приготовь постель, образина!

(Матильда деревянно поворачивается, двигается к двери, по дороге смотрит на себя в зеркало, пожимает плечами, ничего не понимая. В это время принцесса осматривает гостиную, когда Матильда скрывается, копается на столе, замечает книгу, смотрит обложку с названием)

Принцесса. А король-то, видно, выжил из ума. Сказочки любит. (*Читает*) «Как распознать принцессу...» Что?! Занятно, очень занятно...

(Входит Принц и, не замечая принцессы, пытается спрятать топор).

Принцесса. Что ты тут делаешь?!

Принц. Извините, я не знал, что здесь кто-то есть.

Принцесса. «Кто-то...» Я — принцесса. И заруби у себя на носу мужлан: когда я стану женой принца, то отобью охоту у таких, как ты, шляться по замку. Совсем распустились эти слуги!..

Принц. Но я... (*Что-то соображая*) я хотел сказать, что принц не собирается жениться, он хочет стать дровосеком, как его дедушка.

Принцесса. Дровосеком?! (*Смеётся*) Нет уж, хватит этому королевству и одного дедушки-дровосека. Я сама займусь воспитанием принца.

Принц. Король не допустит, чтобы ...

Принцесса. Что ты понимаешь, грязный, глупый мужлан. Королю давно пора на покой. Я сама займусь государственными делами.

Принц. Вот это да!

(Входит Матильда)

Матильда. Их Величество приглашает ваше Высочество в спальню!

(Высоко подняв голову, Принцесса уходит)

Принц (*Матильде*). Ну и девица! Какова?

Матильда. Кукла крашенная. Не успела перышки почистить, а уже туда же — командовать. Меня «образиной» обозвала. А сама мусорит везде, мусорит. Конфеты лопают, будто у нас своя конфетная фабрика.

Принц. Что тут произошло в мое отсутствие?

Матильда. Да, заявила эта... принцесса. А Их Величества решили проверить: годится она вам в жёны или нет. Его Величество не поверил, что принцесса — настоящая принцесса, а Её Величество настаивало, что и такие принцессы бывают...

Принц. Подожди. Не тараторь. А как они решили проверить?

Матильда. Вычитали в Книге Королевских Советов, что надо положить под тюфяки и перины горошину. Если принцесса настоящая, то всю ночь будет спать беспокойно...

Принц. Чепуха! Бред какой-то. Но что-то надо делать. Если уж родители что-то вбили себе в головы...

Матильда. Не беспокойтесь, Ваше Высочество, я уже...

Принц. Что «уже»?

Матильда. Кое-что предприняла (*Показывает горошину*).

Принц. Ну-ка, ну-ка... (*Берет горошину*). Это та самая горошина? Как тебе удалось ее достать?

Матильда. Очень просто. Королева положила горошину, отвернулась, а я её быстренько и вытащила, пока тюфяков и перин сверху не навалили. Теперь не важно: настоящая принцесса или не настоящая. Горошины-то нет...

Принц. Ты молодец, Матильда! Как мне отблагодарить тебя?

Матильда. Самая большая для меня радость будет, когда эта крашенная кукла уберётся из нашего королевства.

Принц. И для меня, Матильда!

(Музыка и танец)

УТРО, БОЙ ЧАСОВ.

(Входят Король и Королева)

Королева. Я всю ночь промучилась, словно сама спала на горошине.

Король (*зевая*). Признаться, я тоже волновался.

(Входит принц)

Королева (*Королю*). Какой он бледненький.

Принц. Я так волнуюсь, мама.

Королева. Бедный мальчик! Успокойся, скоро твои мучения кончатся.

(Входит Матильда)

Королева. Как Принцесса?

Матильда (*равнодушно*). Говорит, всю ночь глаз не сомкнула.

(Король и Королева понимающе переглядываются)

Король. Пригласи её сюда, Матильда.

(Матильда выходит)

Королева. Я так и знала! У нее и походка, и манеры! Только слепой не догадался бы, что это настоящая принцесса!

Король. Ну что, будем готовиться к свадьбе? Казна пуста.

Королева *(со скрытой угрозой)*. Ваше Величество, это – не довод. Если вы — Король, если вы дорожите репутацией собственного сына, то найдете способ!

Король *(в раздумье)*. Кабанчика что ли заколоть? И на первое мясо будет, и на второе. Нет, не получится!

Королева. Почему?

Король. Колоть кабанчика некому.

Королева. Как это «некому». У нас же есть в королевстве палач.

Король. Где вы видели, чтобы кто-то за дарма работал? Тем более палачи? Я тут хотел недавно наказать нескольких лодырей из Королевского Бюро Добрых Услуг, просто хорошенько выпороть негодяев, да не смог, палачу с начала года не плачено, а в долг он пороть отказывается...

Королева. Можно заплатить мясом.

Король. Мясом? *(Трясется от смеха)*. Кому нужно мясо этих бездельников из Бюро Добрых Услуг?!

Королева *(терпеливо)*. За кабанчика палачу можно будет заплатить мясом того же кабанчика.

Король. А-а-а, это другое дело. Это — МЫСЛЬ...

(Входит Принцесса)

Королева. Доброе утро, милая гостья! Нам доложили, что вам плохо спалось у нас?

Принцесса. Бог знает, что за постель у меня была! Мне казалось, что я спала на булыжниках! И теперь всё тело у меня в синяках...

Принц *(с ехидцей)*. Отчего же?

Принцесса *(Узнав его, несколько растерянно)*. Не знаю...

Королева. Я сейчас всё объясню. Сынок, эта девушка — настоящая принцесса! Она не смогла заснуть из-за горошины, которую я положила под двадцать тюфяков и двадцать перин!

Принц. Да ну!

Принцесса. Ах, вот в чём причина! Я не могла бы заснуть, если бы на горошине лежало сорок тюфяков и сорок перин!

Принц *(показывает горошину)*. А это что?

Король. Горошина? Откуда она у тебя?

Матильда. Это я дала Принцу. Я вытащила её вчера вечером из-под тюфяков и перин принцессы, чтобы она могла как следует выспаться.

Принцесса. Ах, ты, образина. Ну, погоди! Я тебе отплачу!

(Матильда показывает разгневанной принцессе незаметно язык, прячется за Королью)

Король. Так значит, горошины в постели не было? Выходит, принцесса не настоящая?

Принцесса *(зло)*. Что говорит этот выживший из ума старик?

Королева. Позвольте, милочка, это же король. Как вы разговариваете с королем?!

Принцесса. А ты что напыжилась, старая жаба? Посмотри на себя. Платья порядочного нет, а всё туда же: «Я — королева».

Король. Ну довольно! Я вас прошу немедленно покинуть пределы моего королевства!

Принцесса. Плевать я хотела на ваше гнилое королевство! И на вас, и на вашего сынка-дровосека!

Король. Вон!

Матильда. Гоните её вон!

(Принцесса плюёт под ноги и уходит)

Король *(Королеве)*. Вот к чему приводят ваши выдумки!

Королева. Позвольте, Ваше Величество, кто у нас Король? Кто предложил воспользоваться Книгой Королевских Советов?

Принц. Не надо ссориться. Всё хорошо, что хорошо кончается.

Королева. Но что же теперь делать?

Принц. Всем завтракать! А горошину поместим в наш королевский музей, как самую дорогую реликвию. Пусть всегда напоминает, что на обмане счастья не построишь. А невесту я уже себе выбрал. Дочь лесного царя, прекрасная и нежная Ромашка. Она вам понравится, даже если не пройдет испытание с горошиной. Но ведь не все, кто может спать на горошине, непорядочные люди? Ведь правда?

Король. Правда, сынок, правда. Ты сказал речь, достойную короля. И быть посему!

Занавес

Сергей ТИМОФЕЕВ

«Листая старые страницы...»

Рекорды прошлого и настоящего, или Неизвестная страница истории выборов в Туле

Удивительно, почему до сих пор никто не отметил значительный рост активности избирателей в Туле, давших на прошедших с 6 по 8 сентября выборах городской думы 7-го созыва почти рекордную явку 45,08% (против 24,34 % пятью годами ранее). Это второй результат за всю новейшую историю города; лучше в участковые комиссии шли только в марте 2010-го — тогда проголосовало 50,29% туляков. Хотя и это не предел, если заглянуть в прошлое чуть дальше. А сделать это следует, с учётом того, что наша Тульская городская дума будет постарше, на минуточку, не только думы областной, но и думы государственной. На своё первое заседание тульские гласные (депутаты. — *С. Т.*) собрались ещё при государе-императоре Александре II в далёком 1870 году.

Конечно, сравнивать местные выборы в монархический период нашей истории с выборами современными можно лишь условно; слишком разные эпохи, принципы формирования и результаты деятельности. А вот короткий промежуток времени от февраля 1917 до февраля 1918 года к сопоставлению вполне пригоден. Хотя бы потому, что буржуазная революция ликвидировала имущественные, половые и возрастные ограничения избирательных прав. Далее ликвидировали уже саму буржуазию, но речь не о том.

Возвращаясь к явке. Непревзойдённый рекорд активности избирателей был зафиксирован в 1917 году на первых и последних свободных выборах постмонархической до-советской России. В избирательных «хвостах»

(очередях. — *С. Т.*) с 9 часов утра и до 9 вечера 30 июля (12 августа по новому стилю) стояли свыше 61 % туляков.

Карточки и записки

По части процедуры всеобщего тайного голосования различия местных выборов 1917 года с днём сегодняшним значительные, но непринципиальные. Например, всем гражданам и гражданкам, имеющим активное избирательное право, следовало «теперь же, не откладывая, озаботиться получением так называемой избирательной карточки. При выборах эта карточка является для избирателя(-цы) единственным удостоверением личности», — говорилось в инструкции по голосованию, опубликованной в № 2898 «Тульской молвы» от 25 июля (7 августа) 1917 г. Никакой другой документ не давал право реализовать свою избирательную записку — аналог современного избирательного бюллетеня. Газета особенно отмечала важность озаботиться всем: «Из полноправного гражданина, призванного устроить свою жизнь, без этой карточки избиратель превращается в беспомощного обывателя, вынужденного подчиняться воле других. <... > Иначе на выборах в большинстве может оказаться хотя немногочисленная, но более предприимчивая и деятельная группа населения. Демократии особенно надо не упускать это из виду, а демократические партии должны принять все меры к облегчению своим членам выбрать избирательные карточки».

Выдавались карточки с 20 по 29 июля (2–11 августа) 1917 г. по предъявлении документа, удостоверяющего личность, во всех избирательных участках, а также разносились членами комиссий по домам. Целесообразность в оформлении дополнительного документа действительно была, так как удостове-

рять свою личность 107 лет назад возможно было не только демонстрацией паспорта, но и удостоверением, выданным милицией, мировым судьёй, нотариусом, правительственным учреждением, фабрично-заводским комитетом и т. д. и т. п.

В день выборов 30 июля (12 августа) 1917 г. «имея при себе избирательную карточку», тулякам следовало посетить соответствующий избирательный участок, который, для удобства, совпадал с участком продовольственным (на третий год империалистической войны жители отоваривали там продуктовые талоны, поэтому местонахождение помещения для голосования знал каждый). При входе в УИК избиратель обменивал карточку на избирательную записку. Далее в записке представлялся номер желанной партии (блока) и всё. «Не замажьте написанное, не смажьте чернила, не перечеркивайте, не делайте никаких поправок, никаких добавлений. Только одну цифру!», — умолял корреспондент «Тульской молвы» в № 2899 от 26 июля (8 августа) 1917 г. Никаких галочек или крестиков, как сейчас, ставить не требовалось. В случае, если написать номер с первой попытки не удалось, можно было, отдав забракованную, получить новую избирательную записку и повторить процедуру (несмотря на то, что Тула была крупным городом и промышленным центром, грамотных в нём проживало около 55–60 % населения).

Избирательная записка с номером выбранной партии для соблюдения тайны голосования упаковывалась в конверт, который передавался председателю избирательной комиссии. «Председатель при вас обязан опустить ваш конверт в избирательный ящик», — слово «урна» тогда не использовали. «Когда все это сделано, вы свой гражданский долг исполнили. При подсчете на другой день ваш голос будет принят во внимание и при определении числа гласных из вашего списка он окажет весьма важное значение», — утверждала пресса.

В общем, в процедуре голосования 107-летней давности ничего сложного нет. Чуть больше документооборота, а в остальном то же самое.

Кандидаты в гласные

Голосовать на выборах в Тульскую городскую думу 1917 года предстояло по пропорциональной избирательной системе, то есть за списки политических партий, а точнее избирательные блоки (в современной России избирательные блоки утратили право на участие в выборах с 2002 года. — С. Т.). Выдвинулось семь списков, к слову сказать, столько же партий участвовало и в выборах ТГД 2024 года. Перечислим всех:

Избирательный список № 1 — партия народной свободы, более известная как «партия кадетов», «конституционные демократы» или просто «кадеты».

Избирательный список № 2 — Трудовая народно-социалистическая партия (энесы). Неонародническая партия городской интеллигенции.

Избирательный список № 3 — социалисты. Блок социал-демократов (меньшевиков), социалистов-революционеров (эсеров), Бунда (всеобщего еврейского рабочего союза) и еврейской социал-демократической рабочей партии. Наибольшее влияние представляли первые две партии этого списка.

Избирательный список № 4 — большевики, также фигурировал под названием «социал-демократы интернационалисты». Кроме большевистского крыла РСДРП, которое в особом представлении не нуждается, в объединение входили: тульская организация социал-демократии Польши и Литвы, тульская организация социал-демократии Латышского края, тульская военная организация РСДРП.

Избирательный список № 5 — Союз домовладельцев.

Избирательный список № 6 — Торгово-промышленная партия и Союз домовладельцев.

Избирательный список № 7 — Союз объединённой еврейской организации г. Тулы.

Предвыборный PR

По сообщениям корреспондентов «Тульской молвы», наиболее интенсивную агитацию «развил блок эс-эров и эс-деков», — то есть список № 3. «Более обильное количество плакатов, приглашающих голосовать <...>, мчащийся по улицам автомобиль, украшенный красными флагами (красные флаги тогда

обозначали не только большевиков, но и других социалистов. — С. Т.), солдаты, несущие их по улицам, причем на них имеется цифра, все это невольно притягивает внимание населения».

Не ударили в грязь лицом по части призывов и конституционные-демократы. В плане активности газета вывела их на второе место: «Довольно интенсивно провели избирательную кампанию кадеты. Они не скупилась на литературу, которая впрочем в рабочих кварталах встречалась враждебно и их плакаты срывалась».

Бронзу в агитации присвоили списку № 6, который выкупил первые полосы нескольких номеров популярнейшей «Тульской молвы». Хуже всех «агитировали за себя народные социалисты».

Довольно неадекватно повели себя большевики. Сразу расстрою сторонников версии финансирования ленинской партии немцами — средств на избирательную кампанию у списка № 4 было в разы меньше, чем у конкурентов. За всё время её они выпустили единственный агитационный печатный материал и то... на польском языке. Вот что писала «Тульская молва»:

«Вчера по городу расклеены были объявления, приглашающие голосовать за список № 4 (большевиков).

Объявления эти составлены почему-то только на польском языке.

— В Кремлевском саду какая-то восторженная барышня останавливала прохожих и убеждала их голосовать за большевиков», — вот всё на что оказались способны сторонники Ленина, руководимые в Туле Григорием Каминским.

Кстати, использование польского вызвало не только удивление горожан, но и протест со стороны польского комитета, немедленно опубликованный в «Тульской молве»:

«Вследствие заметки в № 2890 уважаемой Вашей газеты о большевиках и объявлениях и пропаганде на польском языке на пользу выборного списка № 4 и принимая во внимание, что, до сих пор чуть ли не всякие публичные выступления в городе Туле, касающиеся польского населения, проходили от нашей сильной и сплоченной организации, имеем честь сообщить Вам, что с приведенными объявлениями, пропагандой и вообще с большевизмом не имеем ничего общего».

Чем же закончились выборы гласных Тульской городской думы 1917 года, поговорим в следующий раз.

«Почему массы в Туле далеко не наши?», или Оружейная столица во власти меньшевиков, эсеров и евреев-социалистов

Много было споров о надписи, некогда встречавшей обывателя на выходе из тульского автовокзала. Та, что памятна многим или попадалась на старых открытках с изображением тульской типографии: «Значение Тулы для Республики огромно. (В. И. Ленин)». В перестроечные времена к ней добавили провокационное окончание, порочащее Ильича, но в нулевые и десятые исторический миф о «ненашенском народце» был развенчан: публикация первоисточника — полного текста телеграммы председателя СНК Г. Н. Каминскому, Д. П. Оськину, В. И. Межлауку от 20.X.1919 скандальной фразы не содержала. Вдаваться в подробности этой истории мы не будем, лишь подчеркнув, что подлинные слова Ленина «В Туле массы далеко не наши» действительно имели под собой очень серьезные основания, в том числе адресующие к событиям лета 1917 года, о которых шла речь две недели назад, в № 52 (12 657) «Молодого коммунара».

Наибольший успех и полное поражение

«1917 года, августа 11 дня, мы нижеподписавшиеся гласные тульской городской думы, на основании 58 ст. врем[енного] городского положения, даем торжественное обещание добросовестно исполнять возложенные на нас обязанности», — такое заверение на первом заседании новоизбранного органа местного самоуправления — первого в истории Тулы после падения монархии — подписывали депутаты. Его текст опубликован в газете «Тульская молва» за № 2914. В числе подписантов значилось: 85 фамилий представителей избирательного списка № 3 (блок социал-демократов (меньшевиков), социалистов-революционеров (эсеров), Бунда (всеобщего еврейского рабочего союза) и еврейской социал-демократической рабочей партии,

7 фамилий кадетов (партия народной свободы), 5 фамилий большевиков — некоторые из них тулякам известны по названиям улиц и по 2 фамилии от Союза домовладельцев, торгово-промышленников, энесов (трудовая народно-социалистическая партия) и объединённой еврейской организации г. Тулы.

Таков был результат выборов 30 июля (12 августа) 1917 г.

«Наибольший успех <...> завоевал социалистический блок с.-р., с.-д. меньшевиков и Бунд. Этот список получил 44 129 голосов (из 93 323 избирателей, зарегистрированных в 1917 году в Туле. — *С. Т.*), на его долю пришлось в думе <...> около 81 % мест. <...> Остальные партии потерпели полное поражение», — подытожит «Тульская молва» в № 2905 от 2 (15) августа 1917 г.

«Говорят, что социалисты и сами не рассчитывали получить такое большинство, да и не желали этого...», — рассуждал корреспондент Т. М. Как бы то ни было, но 5 большевиков в июле 1917 года из 104 гласных Тульской городской думы никаких политических перспектив ленинской партии в важнейшем центре оружейного и патронного производства страны не обещали — массы Тулы в высшей степени были чужды большевизму. Единственное... Об этом говорили довольно пренебрежительно, в том числе на страницах упомянутой газеты. Свои более чем скромные результаты члены РСДРП(б) получили не на рабочих окраинах города, как можно было бы предположить. Нет. Свои 2 382 голоса они заработали преимущественно в воинских частях, среди солдат тульского гарнизона. Что в будущем не только в Туле, но и в столицах республики будет иметь решающее значение.

Меньшевицско-эсеровская Тула

Напомним содержание «предыдущей серии». Выборы гласных (депутатов) Тульской городской думы 1917 года до сих пор не превзойдены в части активности населения. Тогда 61% туляков реализовал своё активное избирательное право: «все приходили <...>, неся на руках грудных детей, вели под руки трясущихся стариков и старух, умоляли, чуть не падая на колени, чтобы им разрешили подать голос вместо больных и отсутствующих родственников». Поэтому столь триумфальной победы на фоне рекордной явки не переживала с тех пор ни одна политическая

партия и ни один межпартийный союз. Кроме того, результаты с.-р., с.-д. и Бунда выделялись на фоне других городов, не имея себе равных: «за него голосовало исключительное, не бывалое в других городах количество граждан», — отмечала «Тульская молва» в № 2905.

Как это происходило и к чему привело разберём далее.

Мужчины тонули среди шляпок

К 9 часам утра воскресенья 30 июля (12 августа) 1917 г. туляки потянулись к своим «УИКа́м».

«Наконец-то! Дождались, и мы стали полноценными гражданами», — передавал корреспондент Т. М., стоя в очереди проголосовать.

«К 10 часам у многих участков уже образовались «хвосты».

Тут-же ходят или стоят лица, предлагающие листки с отпечатанными цифрами списков», — 107 лет назад разрешалось распространение уже заполненных избирательных записок — аналога современных избирательных бюллетеней, так как около 40% голосовавших не умели читать и писать. Не было тогда запрета и на агитации в день выборов.

«В «хвостах» ведутся разговоры преимущественно на тему дня.

— За кого будешь голосовать? — спрашивают бедно одетую женщину.

— А известно: за того, кто два пуда пшеничной муки обещает.

В хвосте смех, но многих заинтересовывает магическое слово «мука»: Поднимались распросы, кто ей обещает».

На третий год империалистической войны туляки переживали дефицит всего, включая товары первой необходимости.

Другая картина: «Робко идет древняя старушка с трясущейся головой. Ее бережно поддерживают.

Как драгоценность старушка крепко прижала листочек с цифрой № 1.

— Ну, кадеты кладбище мобилизовали, — острит кто-то».

Движемся далее по межреволюционной Туле. «Видим огромный хвост около избирательного участка № 18, Александров-Невский пр. (ныне ул. Софьи Перовской. — *С. Т.*)

Подавляющее большинство женщин, голосующих за список № 3. Мужчины, можно сказать, тонули среди шляпок, платков и шалей», — не лишним будет напомнить, что женщины могли голосовать впервые.

А вот и зажиточный центр города, Дворянская гимназия (ныне здание на проспекте Ленина, 53, принадлежащие УМВД России. — *С. Т.*). «Здесь «хвост», но не особенно заметный сначала. Густо идет «кадет» и, как это ни странно, то и дело видны записки с цифрой 4 (большевики)», — похоже не зря там позже расположится обком ВКП(б)—КПСС.

Закончим картину выборов зарисовкой с рабочей окраины: «Здесь везде огромные хвосты и победоносно идет впереди всех список № 3.

Кадетскому списку, торговопромышленному списку показываться сюда нельзя. Кое-где рабочие враждебно встречают и цифру 4 (большевиков)».

Полная темнота, невежество, испуг и обман

От картины голосования перейдем к свидетельским показаниям, предоставив слово одному из организаторов выборов — председателю избирательной комиссии № 2 доктору В. М. Кленкину:

«... то, что пришлось узнать и увидеть на выборах, превзошло всякие ожидания. Еще не успела собраться комиссия, как во дворе Сергиевской школы (церковно-приходская школа, находилась рядом с Храмом Сергия Радонежского в Заречье — *С. Т.*), возле помещения избирательных участков (2-го и 3-го) образовались длинные хвосты; избиратели волновались, некоторые громко выражали нетерпение и раздражение, думая, что кто-то, кому выгодно это, нарочно затягивает время и заставляет публику ждать. Опасались, что до вечера не всех пропустят.

Тут же, недалеко от входа, шла усиленная агитация за № 3. Расхаживающие юноши и девицы, а также шныряющее между публикою мальчишки всем навязывали записки 3-го номера. Многие брали их бессознательно, считая, что так и должно быть. <... >

... Было много курьезов. Так некоторые избиратели вообразили, что номера третьи принимаются только в соседнем третьем участке, и обратились туда, а когда их направили во 2-й участок, они, все еще не веря и боясь ошибиться каждый раз спрашивали, принимают ли здесь за третей. На слова председателя, что здесь подают за все списки, почти от каждого слышалось: «нет, уж я за третей».

— Прислушиваясь к разговорам и спорам, — продолжал рассказ корреспонденту

«Молвы» председатель «УИК», — я убедился, что отношение к кадетам в высокой степени враждебное. Особенно фанатично и нетерпимо были настроены женщины. Тех, кто подходил к столику партии народной свободы и брал записку, сопровождали насмешками и злобными замечаниями: «буржуй, торговка, проданся капиталистам» и проч. Людей попроще старались оттереть: «постойте, вы не туда попали, вам третей нужно брать»...».

Впрочем, Кленкин видел следы обработки доверчивых или малограмотных избирателей и в других проявлениях: «Высказывались опасения, как бы не было чего-нибудь тем, кто не в состоянии подать голоса. Им будто бы сказали, что не голосующих лишать продуктов», — отовариванием продовольственных карточек занималась городская Управа.

В общем, диагноз доктора, поставленный избирателям в Т. М. (№ 2906) неутешительный: «... О сознательности [граждан] не может быть и речи. Сознательно голосовали только отдельные лица, масса же шла под влиянием общей запуганности и неопределенных ожиданий. Полная темнота, невежество, испуг и обман — вот картина, бросающаяся в глаза. И это всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право <... >

Пусть не ликуют победители и не преувеличивают значения своей победы. Пусть, сделавшись господами положения, они прежде всего позаботятся о просвещении этой несчастной, сбитой с толку и одураченной народной массы...».

Только ли современникам адресованы эти слова?

* * *

Первая после февраля 1917-го всенародно избранная при рекордной явке избирателей городская дума должна была управлять Тулой полтора года. Проработав меньше, восемь месяцев, 5 марта 1918 года её бесславно разогнали. Случилось это после того, как здание думы (будущий Дворец пионеров) занял вооружённый караул из солдат того самого тульского гарнизона, что так хорошо голосовал за большевиков на июльских выборах.

Газетные публикации цитируются с частичным сохранением орфографии и пунктуации первоисточника.

© Сергей ТИМОФЕЕВ, 2025

ОНА ВЕРНУЛАСЬ СПУСТЯ 106 ЛЕТ –
ЛЕГЕНДАРНАЯ ТУЛЬСКАЯ ГАЗЕТА
ВОЗОБНОВИЛА ИЗДАНИЕ!

ТУЛЬСКАЯ МОЛВА

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

Основана в 1906 году потомственным почетным гражданином г. Тулы Дмитрием Ивановичем Фортунатовым. Первоначальное название «Тульская жизнь».

Годы издания: 1907—1918. Выпуск восстановлен 28 июня 2024 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Тимофеев Сергей Борисович.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ассесеров Пётр Григорьевич, Бобыренко Ирина Анатольевна, Долгополов Игорь Николаевич, Каледин Олег Вячеславович, Кириленко Юрий Павлович, Кузнецов Олег Юрьевич, Лифанова Светлана Алексеевна, Милов Владимир Михайло-

вич, Остроухов Михаил Сергеевич, Родинков Игорь Аркадьевич, Судаченков Михаил Сергеевич, Тимофеев Сергей Борисович, Филиппов Анатолий Николаевич, Шестаков Константин Александрович, Щеглов Виктор Васильевич.

ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ ГАЗЕТЫ:

WWW.MOLVA.PRESS

ВКОНТАКТЕ

В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ:

ОДНОКЛАССНИКИ

ДЗЕН

ТЕЛЕГРАМ

Контора редакции помещается в г. Туле на Киевской ул. в доме Платоновых (ныне пр-кт Ленина, 21, торгово-офисный комплекс „Платонов“), 3-й этаж, каб. 18, 18а.
Телефон: 8 (977) 066-65-88. Электронная почта: tuls kayamolva@yandex.ru